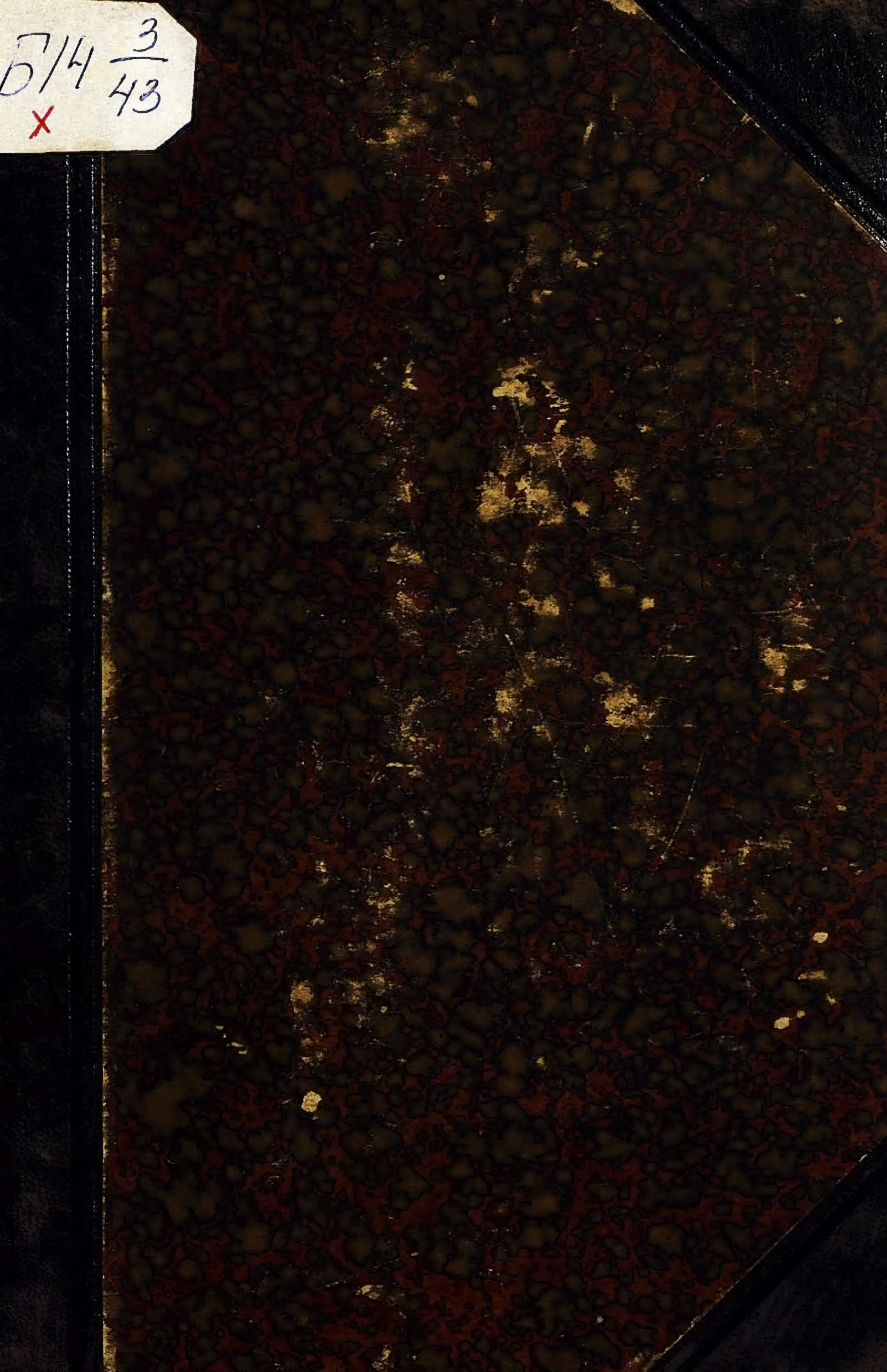
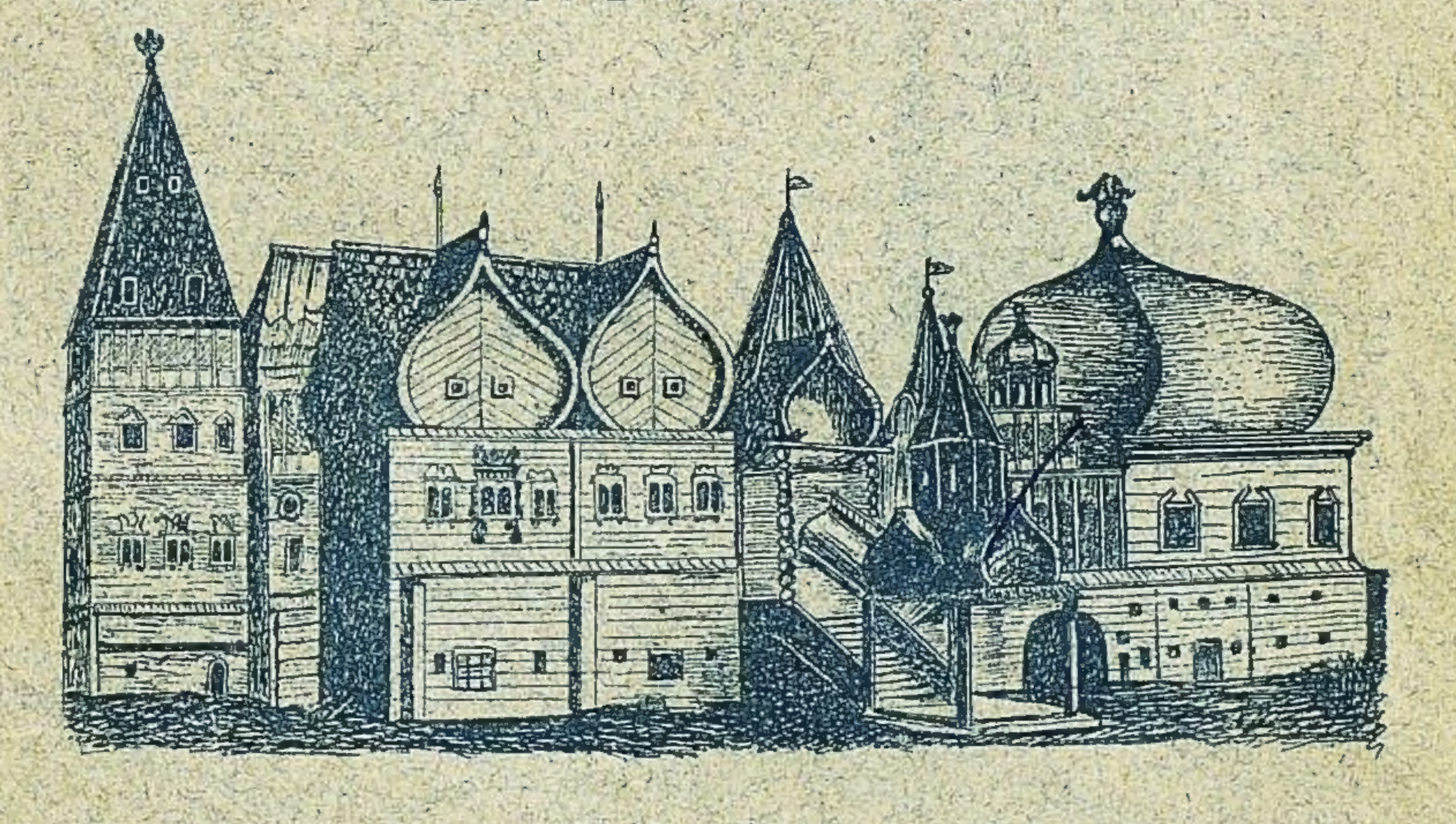

ДОМАШНІЙ БЫТЪ
РУССКИХЪ ЦАРЕЙ

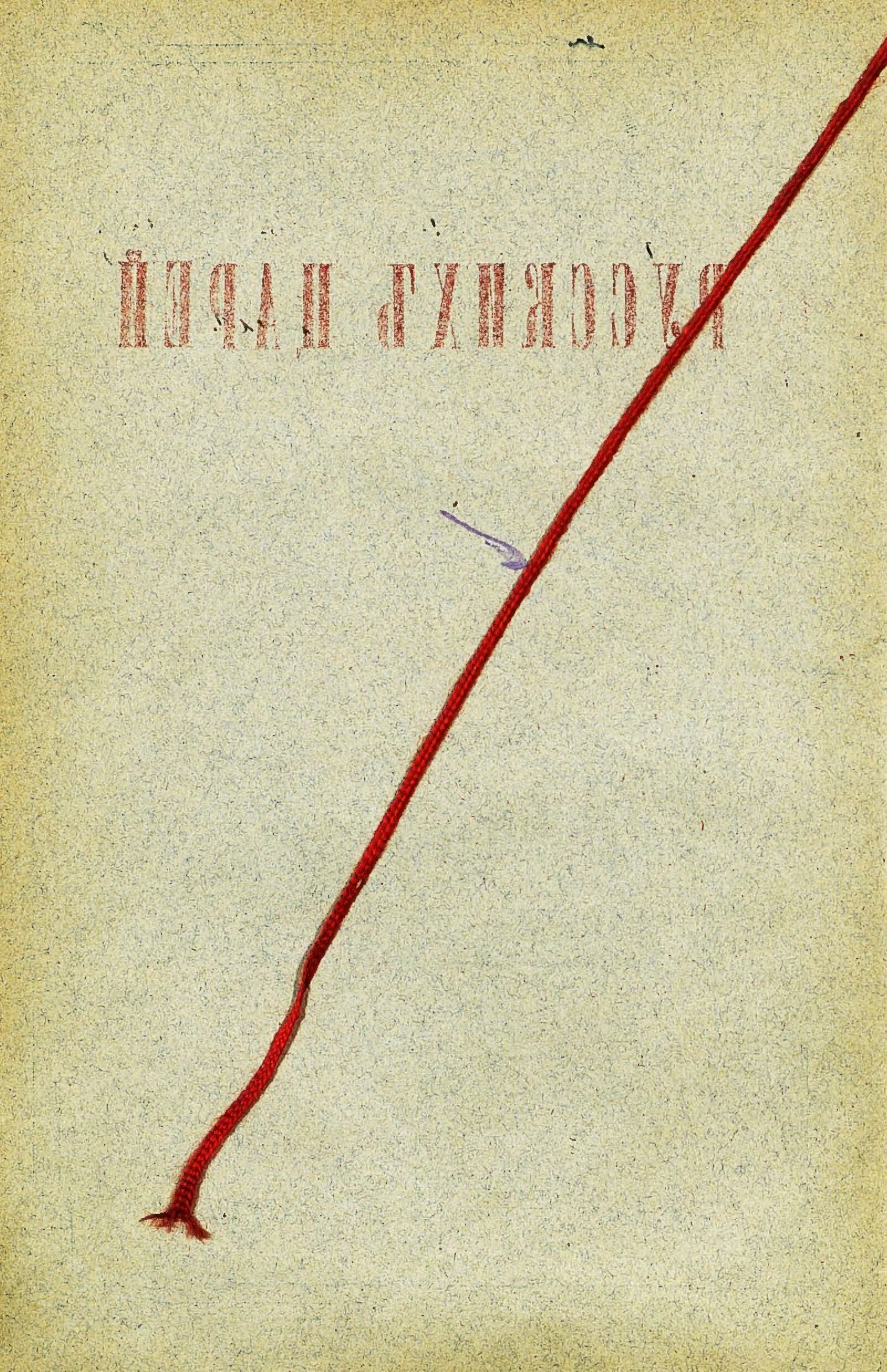
ВЪ XVI и XVII СТОЛѢТІЯХЪ.

СОСТАВИЛЪ
М. Г. ВОЛХОВСКОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА Т. Ф. КУЗИНА.
1894.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ РУССКИХЪ ЦАРЕЙ

въ XVI и XVII ст.

ПО ЗАБѢЛИНУ, КЛЮЧЕВСКОМУ, КАРНОВИЧУ И ДРУГИМЪ

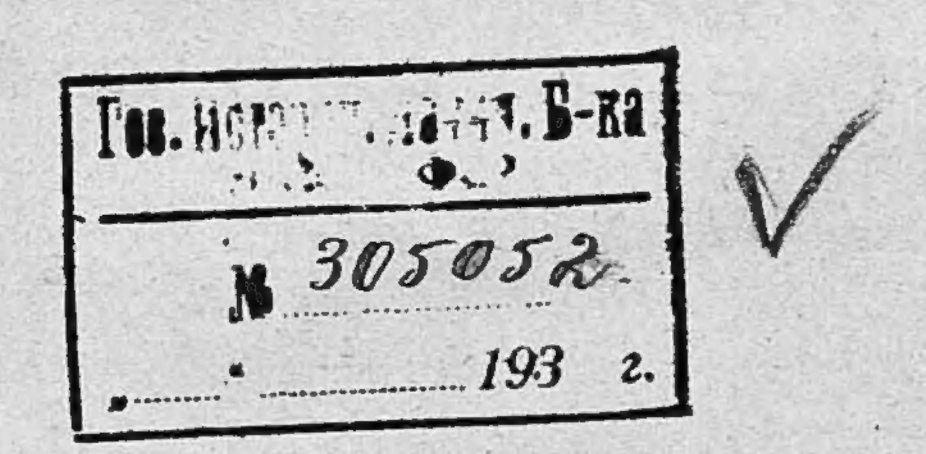
СОСТАВИЛЪ

М. Г. ВОЛХОВСКОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца Т. Ф. КУЗИНА.
1894.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 Марта 1893 года.

НОВГОРОДЪ
Паровая Типографія **А. С. Федорова** (Легощая улица, собств. домъ).

I.

Начало Русскому Государству было положено болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ (въ 862 г.). Первые наши правители назывались князьями, и первой столицей нашего отечества былъ Новгородъ, въ которомъ поселился призванный отъ варяговъ первый русскій князь Рюрикъ. Его преемникъ, Олегъ, перенесъ столицу Руси изъ Новгорода въ Кіевъ, который и назвалъ „матерью русскихъ городовъ". Послѣдующіе князья: Игорь, Ольга, Святославъ и Владимиръ Святой одни управляли всей Русской землей, но потомъ сынъ Владимира Святого—Ярославъ Мудрый, передъ смертью, раздѣлилъ государство между своими сыновьями и далъ каждому „удѣлъ", то есть область въ управленіе. Старшему онъ далъ Кіевское княжество и поставилъ его „великимъ княземъ" надъ всѣми остальными, или „удѣльными", приказалъ имъ почитать и слушаться старшаго брата, какъ отца, а ему—защищать младшихъ братьевъ, не давать слабыхъ въ обиду сильнымъ. Но братья вскорѣ забыли наставленія отца, начали ссориться и воевать другъ съ другомъ. И пошли съ того времени постоянныя междоусобія княжескія. Удѣльные князья не только что не слушались великаго князя, а еще нападали на его собственныя владѣнія. Неурядица была полная. Вслѣдствіе постоянныхъ войнъ поля часто оставались необработанными; являлся голодъ и болѣзни, и народъ умиралъ во множествѣ. Отъ частыхъ пожаровъ выгорали цѣлые города (постройки въ тѣ времена были почти всѣ деревянныя, только нѣкоторыя церкви бы-

ли каменныя). Народонаселеніе уменьшалось, Русская земля все бѣднѣла, а князья смутъ не прекращали.

— „Въ ту пору засѣвались и росли однѣ усобицы.
И въ такихъ крамолахъ княжескихъ
Коротали люди вѣкъ свой.
Въ ту пору—то на Святой Руси
Не покрикивали пахари.
Только вороны, на трупахъ сидя, каркали,
Да скликались галки на кормы летѣть.
Разлилась тоска тяжелая
По Руси, и горе лютое
Затопило землю Русскую.
А князья ковали сами на себя бѣду,
А поганый ворогъ рыскалъ по Святой Руси,
Со двора по бѣлкѣ подать отбираючи.
А князья позабыли брань на вороговъ,
А за тѣмъ, что брату молвилъ братъ:
„То мое, и вотъ это опять мое“!
— Повели князья про малость рѣчь великую,
А невѣрные со всѣхъ сторонъ съ побѣдами
— Приходили въ землю Русскую“.

(Изъ „Слова о полку Игоревѣ“).

— Кіевъ скоро пересталъ быть главнымъ городомъ Руси, и великими князьями сдѣлались владимирскіе князья. Князь Андрей Боголюбскій, сдѣлавшись великимъ княземъ, избралъ своею столицею небольшой городъ Владимиръ на Клязьмѣ, откуда и управлялъ Русью. Съ того времени значеніе Кіева, какъ главнаго города Русской земли, кончилось. Андрей Боголюбскій былъ первый изъ князей, который задумалъ утвердить на Руси единодержавіе. Въ своемъ княжествѣ онъ не раздавалъ удѣловъ ни сыновьямъ, ни братьямъ, ни племянникамъ и старался подчинить своей власти сосѣднія земли. Но попытка Андрея утвердить на Руси единодержавіе не удалась: онъ погибъ отъ руки убійцъ, прежде чѣмъ успѣлъ докон-

чить начатое имъ дѣло. По смерти его пошли споры за великое княженіе Владимирское, и Русь распалась на много независимыхъ земель; каждая изъ этихъ земель дробилась на удѣлы, изъ—за которыхъ князья по прежнему спорили да воевали. Въ это время (въ началѣ XIII вѣка) явился сильный врагъ извнѣ, татары, и Русская земля, раздробленная и раздираемая междоусобіями, не имѣла силъ противостоять нападенію и на два съ половиной вѣка подпала подъ ихъ иго.

— Бытъ нашихъ древнихъ князей былъ довольно простъ. При рожденіи князю давали два имени—одно „княжье“, свѣтское (славянское, языческое), другое —церковное, по святцамъ. Тутъ-же давали ему волость или городъ. Когда ребенку было года три, совершали „постригъ“, то есть первую стрижку волосъ, при чемъ сажали дитя на коня. Затѣмъ его сдавали на руки „кормильцу“; княженъ брали родственники къ себѣ на воспитаніе. Въ бракъ вступали рано: князья лѣтъ 14, а княжны-даже 8; за невѣстой давали приданое. Обыкновенно князья брачились въ кругу Рюриковичей, но иногда роднились и съ иностранными дворами; изрѣдка вступали въ бракъ съ боярышнями и отдавали своихъ дочерей за бояръ. Княгини имѣли свои города, села и казну. Если нужно было, князь занималъ престолъ очень рано, даже пяти лѣтъ, причемъ совершался обрядъ „сажанія на столъ“, или „престолъ“, то есть на стулъ.

— Обыкновенно князь вставалъ на зарѣ и тотчасъ шелъ въ церковь, гдѣ слушалъ обѣдню; потомъ завтракалъ и разбиралъ споры приходившихъ къ нему на судъ или „думалъ“ со своею дружиною о дѣлахъ. У каждаго князя были люди, ходившіе съ нимъ на войну, а въ мирное время помогавшіе ему управлять государствомъ, исполнявшіе разныя порученія его. Они постоянно были съ княземъ, были товарищами, друзьями его и потому назывались дружинниками,

дружиною. Съ дружиною князь на войну ходилъ, съ нею народъ судилъ, съ нею совѣтъ держалъ о земскихъ дѣлахъ, съ нею охотился и пировалъ. Хорошій князь для дружины ничего не жалѣлъ. Однажды, еще при Владимирѣ Святомъ, дружинники начали жаловаться, что они должны ѣсть деревянными ложками. Князь тотчасъ приказалъ сковать для нихъ серебряныя ложки, сказавъ: „серебромъ и золотомъ дружины не добуду, а съ дружиною найду всегда серебро и золото". Если дружиннику не нравилось у князя, то онъ уходилъ отъ него, поступалъ къ другому князю, и это не считалось измѣною. Къ знаменитымъ князьямъ, славившимся своею щедростью, храбростью, охотно шли въ дружинники.

— Въ полдень князь обѣдалъ, а послѣ обѣда ложился спать, а потомъ снова начиналъ свои труды. Правосудіе князья соблюдали строго, обыкновенно сами судили народъ, не позволяли своимъ людямъ притѣснять жителей; каждый всегда могъ найти у нихъ защиту и помощь. Кто ни приходилъ къ князю, онъ всѣхъ принималъ радушно, самъ даже прислуживалъ своимъ гостямъ. Обращеніе князя съ народомъ было самое простое: всякій, кому надо было, могъ свободно притти къ князю въ теремъ. Князь часто пировалъ съ простыми людьми у нихъ на дому, а еще чаще угощалъ ихъ у себя. На пирахъ этихъ бывали люди всякаго званія: бѣдные и богатые, знатные и незнатные. Между знатнымъ человѣкомъ и незнатнымъ не было еще такой разницы, какъ впослѣдствіи. Первыми людьми послѣ князя были дружинники, но въ дружину принимали всякаго, и сюда могъ попасть и сельскій житель, была бы у него только удаль да отвага. Не было въ тѣ времена большой разницы и между житьемъ-бытьемъ князя и горожанина: тѣже дома, тоже убранство, таже пища, немножко только получше. Князь, какъ и всякій другой, самъ смотрѣлъ за домашнимъ хозяйствомъ, за каждою мелочью.

— Любимымъ развлеченіемъ князя была охота, при которой употреблялось много собакъ и ястребовъ. Нерѣдко уѣзжали на охоту далеко и надолго, и тогда князья брали съ собой княгинь и дружину.

— Князь носилъ цвѣтной кафтанъ съ золотой обшивкой, а сверху цвѣтной плащъ, застегивавшійся на плечѣ запонкой. У него былъ золотой поясъ и высокіе цвѣтные сапоги съ острыми носками; въ сапоги затыкались шаровары. На головѣ онъ носилъ высокую шапку съ цвѣтнымъ верхомъ, опушенную мѣхомъ и съ наушниками. На княгинѣ было длинное платье съ широкими рукавами, золотой поясъ и башмаки, съ головы спускалось покрывало, завязанное у подбородка.

— У князя было уже большое состояніе,—не казенная, а частная его собственность. У него было много земель, частью доставшихся ему черезъ заселеніе имъ пустыхъ мѣстностей, частью купленныхъ имъ или отобранныхъ у провинившихся бояръ и у выгнанныхъ родичей. Въ этихъ земляхъ князья устраивали свои богатые „дворы", которые они называли своею „жизнью": это были кладовыя для имущества, за которымъ смотрѣла ихъ челядь, или холопы. Стада составляли въ то время главное богатство князя.

— Всѣ тогдашнія постройки были деревянныя; только изрѣдка у князей встрѣчаемъ каменныя хоромы, или дворцы.

Первообразомъ древнѣйшаго русскаго жилища была „клѣть"—весьма простое строеніе, уцѣлѣвшее даже до нашего времени. Вначалѣ она ставилась съ однимъ только очагомъ, подлѣ котораго согрѣвалась живущая въ ней семья; затѣмъ клѣть стали отапливать посредствомъ печи и она называлась уже „истопкою" отъ слова топить, истопить, „истьбою" и наконецъ, „избою."

— На княжемъ дворѣ клѣти составляли лѣтніе княжескіе покои; въ клѣтяхъ жилъ Владиміръ Святой въ своемъ любимомъ селѣ Берестовѣ, гдѣ и скончался. Зимою князья жили обыкновенно въ истопкахъ, или

избахъ, которыя иногда служили банями. Кромѣ того, вь составъ древнѣйшаго княжаго двора входили также „горенка“ и „ложница“, или спальня; это были тѣ-же клѣти, получившія особыя названія, соотвѣтственно своему назначенію въ княжеской жизни.

Должно еще упомянуть о „гридницѣ“ и княжей „божницѣ“. „Гридница,“ или „гридня“ въ древности составляла принадлежность одного только княжескаго двора. Въ гридницѣ Владиміръ Святой давалъ по воскресеньямъ пиры боярамъ, гридемъ, сотскимъ, десятскимъ и „нарочитымъ мужамъ“; слѣдовательно, она служила пріемною и была самымъ обширнымъ покоемъ княжескаго дворца. „Божницею“ назывался домовый храмъ князей, въ которомъ они слушали церковныя службы почти всегда на „полатяхъ“, то есть на хорахъ, соединявшихся съ княжескимъ дворцомъ „переходами“.

— Княжескій дворецъ, какъ и всѣ наши древнія постройки, не составлялъ одного цѣлаго зданія—собственно дома, какъ теперь, но дробился на множество отдѣльныхъ клѣтей, избъ, которыя соединялись между собою сѣнями. Такъ какъ сѣни представляли важное и притомъ неизбѣжное условіе въ расположеніи хоромъ, то и самый дворецъ княжескій въ древнѣйшее время именовался вообще „сѣнями“, „сѣнницею.“ Князья, а впослѣдствіи—цари занимали всегда верхніе этажи дворца. Въ нижнихъ этажахъ древнихъ княжескихъ хоромъ подъ клѣтями находились „порубы“, или „подклѣты“; въ нихъ жили княжи слуги, отроки и всѣ лица, составлявшія княжій „дворъ“ и называвшіяся, поэтому „дворянами.“ Надъ верхнимъ этажемъ возвышались свѣтлые чердаки, извѣстные также подъ именемъ „теремовъ“ и „вышекъ“; окна въ нихъ прорубались на всѣ четыре стороны. Въ древнихъ народныхъ пѣсняхъ теремъ носитъ названіе „высокаго“, какимъ онъ всегда и былъ.

— Такимъ образомъ древніе хоромы состояли

обыкновенно изъ трехъ этажей: внизу—подклѣты, въ среднемъ—горницы, ложницы, свѣтлицы, вверху—черадаки, терема, вышки.

II.

— Съ начала XIV вѣка на Руси начинаетъ возвышаться Московское княжество, которое вскорѣ и получаетъ первенствующее значенiе между всѣми другими княжествами. Московскiй князь Иванъ Калита дѣлается „великимъ княземъ“ и переноситъ столицу Руси изъ Владимира въ Москву. Его преемники стараются присоединить къ Москвѣ какъ можно болѣе земель, покупаютъ и отнимаютъ ихъ силою у другихъ князей, и вскорѣ усиливаются настолько, что внукъ Ивана Калиты, Дмитрiй Донской, поражаетъ татарскаго хана Мамая на Куликовомъ полѣ. Сто лѣтъ спустя послѣ Димитрiя Донского московскiй великiй князь Иванъ III Васильевичъ присоединилъ къ Москвѣ Новгородъ и Тверь, и свергнулъ постыдное иго татаръ, такъ долго тяготѣвшее надъ Русской землей, а сынъ Ивана III, Василiй III Ивановичъ, присоединилъ къ Москвѣ послѣднее удѣльное княжество и сдѣлался „единодержавнымъ“ государемъ всей сѣверо-восточной Руси, то есть сталъ одинъ править всей Русской землей. Его сынъ Иванъ IV Грозный, уже не хотѣлъ довольствоваться титуломъ „великаго князя“, а при своемъ коронованiи въ 1547 году принялъ титулъ „царя“, то есть полнаго государя всей Руси. Съ этого времени русскiе Государи до Петра Великаго именовались „царями“.

—По мѣрѣ своего усиленiя московскiе князья ста-

рались внушить другимъ высокое понятіе о значеніи московскаго великаго князя, какъ могущественнаго государя. Поэтому они стали отдаляться отъ князей и бояръ, ввели строгое чиноначаліе среди московскихъ царедворцевъ и начали окружать себя блескомъ и великолѣпіемъ. Іоаннъ III вошелъ въ сношенія съ иностранными государствами и призвалъ оттуда мастеровъ и художниковъ, въ которыхъ древняя Русь ощущала великій недостатокъ. Его преемникъ, Василій III, еще болѣе, нежели отецъ, окружилъ себя роскошью, богатствомъ и великолѣпіемъ; въ торжественныхъ пріемахъ, при встрѣчѣ пословъ и въ другихъ церемоніяхъ онъ являлся въ блестящей царственной одеждѣ и золотой шапкѣ, осыпанной драгоцѣнными камнями, окруженный богато одѣтою свитою бояръ и почетною стражею (рындами), стоявшею у трона. Василій III болѣе другихъ сталъ удаляться отъ вельможъ и совѣтниковъ; со стороны бояръ и приближенныхъ лицъ онъ не допускалъ ни малѣйшаго прекословія и за малѣйшее ослушаніе наказывалъ ихъ опалою, ссылкою, даже смертною казнью. Точно также сурово относился Василій III къ подвластнымъ ему потомкамъ удѣльныхъ князей; въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній или подозрѣній, онъ вызывалъ ихъ въ Москву на судъ и подвергалъ заточенію, а въ концѣ своего княженія уничтожилъ послѣднее удѣльное княжество, и сдѣлался единодержавнымъ государемъ всея Руси“.

— Одному иностранному послу приходилось нерѣдко видѣть и слышать, какъ обращался великій князь Василій III съ боярами и другими близкими людьми, и какъ они относились къ своему государю. „Властью надъ своими подданными“ говоритъ онъ, — „Московскій государь превосходитъ едва-ли не всѣхъ самодержцевъ въ мірѣ. И личность подданныхъ, и ихъ имущество совершенно во власти его. Всѣ должны безпрекословно исполнять желанія великаго князя. Богатые люди должны служить безвозмездно при дворѣ

великаго князя, въ посольствѣ или на войнѣ; только бѣднѣйшимъ изъ своихъ приближенныхъ великій князь платитъ небольшое жалованье по своему усмотрѣнію. Знатнѣйшимъ, которые отправляютъ посольства или другія важныя должчости по приказу великаго князя, даются въ управленіе области или села и земли; причемъ, однако, имъ приходится уплачивать князю ежегодно подать съ этихъ земель, такъ что въ пользу управляющихъ идутъ лишь судебныя пошлины и нѣкоторые доходы. Великій князь позволяетъ пользоваться такими владѣніями по большей части только полтора года; если же хочетъ оказать кому—либо особенную милость и расположеніе, то прибавляетъ еще нѣсколько мѣсяцевъ. Но по прошествіи этого времени всякое жалованье прекращается, и цѣлые шесть лѣтъ такой человѣкъ долженъ служить даромъ. „При княжескомъ дворѣ,“—разсказываетъ далѣе иноземный посолъ,—„былъ дьякъ Василій Третьякъ Далматовъ. Онъ пользовался особенною милостью великаго князя. Но вотъ былъ онъ назначенъ государемъ въ посольство въ Германію. Издержки предстояли немалыя. Сталъ Далматовъ жаловаться, что у него нѣтъ денегъ на дорогу и другіе расходы. За это, по приказу великаго князя, онъ былъ схваченъ и отвезенъ въ Бѣлоозеро въ заключеніе; имѣніе его движимое и недвижимое, было отобрано въ великокняжескую казну: братьямъ и наслѣдникамъ недосталось и четвертой части. Если послы, отправленные къ иноземнымъ государямъ, привозятъ какія—нибудь драгоцѣнности, то князь отбираетъ это въ свою казну, говоря, что дастъ боярамъ за то другую награду. Великій князь имѣетъ власть какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными особами и безпрепятственно, по своему желанію, распоряжается жизнью и имуществомъ всѣхъ. Изъ совѣтниковъ его никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ—либо противорѣчить ему или быть другого мнѣнія. Они открыто признаютъ, что воля

князя есть воля Бога, и что князь дѣлаетъ, то дѣлаетъ по волѣ Божіей. Они даже называютъ своего государя „Божьимъ ключникомъ“, и вѣрятъ, что онъ является исполнителемъ воли Божіей. Если кто-либо спрашиваетъ о неизвѣстномъ или сомнительномъ дѣлѣ, то обыкновенно говорятъ: про то вѣдаетъ Богъ и великій государь“.

— Изъ этого извѣстія видно, насколько измѣнились отношенія древнихъ русскихъ князей къ дружинникамъ сравнительно съ отношеніями московскихъ великихъ князей къ боярамъ.

— Самодержавіе на Руси окончательно утверждено сыномъ Василія III, Иваномъ IV Грознымъ, который безпощадно казнилъ бояръ, противившихся его волѣ. „Въ жизни и смерти людей воленъ Богъ да царь“,— говорилъ уже тогда народъ: „Власть царя отъ Бога, Богу одному онъ долженъ и отвѣтъ давать за свои дѣянія“.

— Городъ Москва впервые упоминается въ лѣтописи подъ 1147 годомъ. По преданію, на мѣстѣ Москвы находилось помѣстье боярина Степана Кучки. Князь суздальскій, Юрій Долгорукій, пріѣхалъ однажды на это мѣсто, и оно очень понравилось ему. Между тѣмъ гордый бояринъ чѣмъ-то оскорбилъ Юрія, и тотъ убилъ его; дочь его, красавицу Улиту, выдалъ замужъ за своего сына Андрея, а помѣстье Кучки присвоилъ себѣ и здѣсь на холмѣ, покрытомъ дремучимъ боромъ, онъ заложилъ городокъ. Сначала этотъ городокъ назывался „Кучково“, а потомъ уже Москвой, по имени рѣки. Городъ Юрій Долгорукій обнесъ стѣнами. Въ серединѣ города былъ Кремль, а въ немъ княжій дворъ.

— Первый, значительно усилившійся и разбогатѣвшій князь московскій, Иванъ Даниловичъ Калита срубилъ намѣсто погорѣвшей новую, дубовую стѣну города (въ 1339 году), а его внукъ, Димитрій Ивановичъ Донской, еще болѣе разбогатѣвшій и усилив-

шійся, заложилъ стѣну изъ бѣлаго камня. У стѣны возникли торговыя и ремесленныя слободы, возникъ цѣлый посадъ на берегу рѣки, пониже княжаго двора. Поэтому великій князь Иванъ III Васильевичъ построилъ новыя стѣны, болѣе обширныя, и сверхъ того укрѣпилъ городъ бойницами, стрѣльницами, тайниками, башнями.

— Съ увеличеніемъ населенія Москвы росли посады и слободы; старый посадъ въ началѣ XVI вѣка обносится также каменной стѣной, Красной, какъ ее звали (она была кирпичная, небѣленая), и получаетъ названіе „Китай-города". Около стѣнъ Кремля и Китай-города скоро образовался новый большой посадъ; въ царствованіе сына Ивана IV Грознаго, Θеодора, онъ былъ обнесенъ бѣлокаменными стѣнами и получилъ названіе Бѣлаго Царева города. Вокругъ Бѣлаго города появились новые посады, которые въ царствованіе Михаила Θеодоровича были обнесены высокимъ землянымъ валомъ, отчего эта часть Москвы стала называться Землянымъ городомъ.

— Дворъ московскаго великаго князя первоначально былъ построенъ на высокой горѣ, при впаденіи въ Москву рѣку рѣчки Неглинной. Раньше здѣсь находился дремучій боръ; на это указываетъ названіе Боровицкихъ воротъ и дворцовой церкви „Спаса на Бору". Дворецъ первыхъ московскихъ князей заключалъ въ себѣ много сходнаго со всѣми другими княжескими дворцами того времени. Златоверхій набережный теремъ великаго князя Димитрія Ивановича Донского находился у самой церкви Благовѣщенія, которая была первымъ домовымъ храмомъ московскихъ князей. Дворецъ былъ построенъ обширно и роскошно; въ немъ, при великомъ князѣ Василіи Дмитріевичѣ (въ 1404 году) были поставлены первые и единственные въ то время во всей Русской землѣ часы съ боемъ, которые очень удивляли современниковъ и стоили очень дорого.

— Великокняжескія хоромы, какъ древнѣйшія, такъ

и построенныя во время царей, можно раздѣлить на три части.

1) Хоромы „постельныя“, собственно и жилыя, или, какъ ихъ называли въ XVII вѣкѣ, „покоевыя“. Онѣ состояли изъ трехъ-четырехъ комнатъ, соединенныхъ вмѣстѣ, и служили жилымъ помѣщеніемъ для государя. Одна изъ этихъ комнатъ, самая дальняя, служила „ложницею“, или „опочивальнею“; подлѣ нея устраивалась „крестовая“, или „моленная“; другая предназначалась для занятій государя и называлась собственно „комнатою“; наконецъ, первая по входѣ, именовалась „переднею“ и служила пріемною комнатой; передъ нею были теплыя сѣни, соотвѣствовавшія нынѣшней прихожей, и называвшіяся „передними сѣнями“. Къ „постельнымъ“ хоромамъ принадлежали также „сѣнникъ“ и „мыльня“. Сѣнникъ былъ холодный покой безъ печи, служившій лѣтомъ спальнею. Верхніе этажи этихъ хоромъ составляли свѣтлые чердаки, или терема, съ частыми окнами и балкономъ вокругъ, украшенные красивыми башенками. Половина княгини, хоромы государевыхъ дѣтей ставились отдѣльно отъ жилыхъ хоромъ государя и почти во всемъ походили на нихъ.

2) Ко второй части государева дворца относятся хоромы не покоевыя, а назначенныя для торжественныхъ собраній. Въ нихъ государь являлся только въ важныхъ, торжественныхъ случаяхъ среди бояръ и духовныхъ властей; въ нихъ происходили духовные и земскіе соборы, давались праздничные и свадебные государевы столы; такъ что эти хоромы соотвѣтствовали нынѣшнимъ параднымъ заламъ и были обширнѣе прочихъ; стояли онѣ впереди хоромъ „постельныхъ“ и были извѣстны подъ именемъ „столовой избы“, „горницы“, „повалуши“.

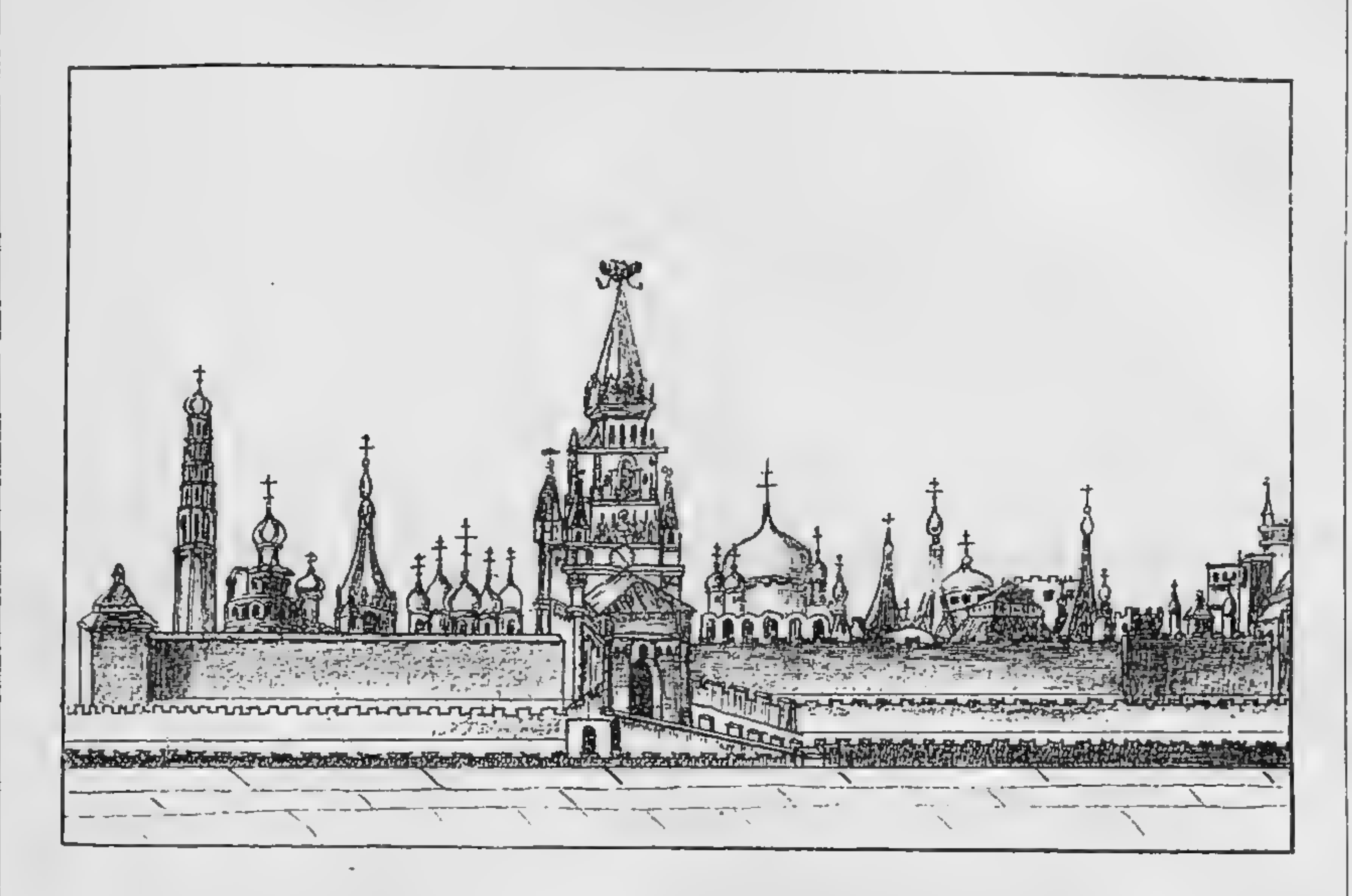
3) Къ третьей части государева дворца принадлежали всѣ хозяйственныя постройки; онѣ носили особыя названія: былъ дворецъ конюшенный, житный,

кормовой, или поваренный, хлѣбенный и другіе. Великокняжеская казна, заключавшаяся обыкновенно въ серебряныхъ и золотыхъ сосудахъ, драгоцѣнныхъ мѣхахъ, матеріяхъ, пряталась, по древнему обычаю, большею частью, въ подвалахъ, или подклѣтахъ каменныхъ церквей.

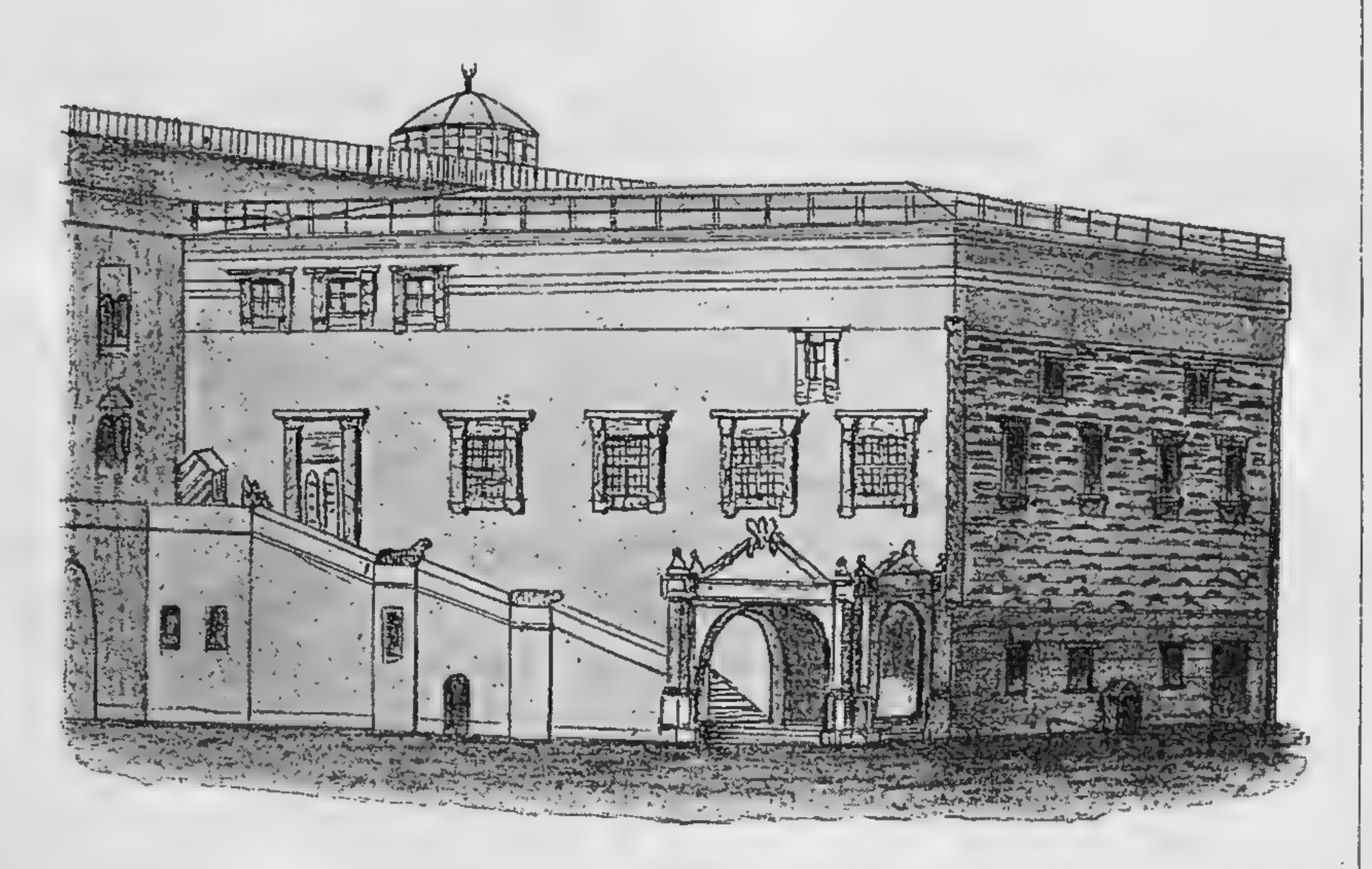
— Правильнаго плана въ древнихъ большихъ постройкахъ не было; дворецъ государевъ въ своемъ расположеніи представлялъ огромную массу зданій, раскиданныхъ безъ всякаго соотвѣтствія въ частяхъ. Довольно полное и наглядное понятіе о характерѣ древнихъ великокняжескихъ и царскихъ жилыхъ построекъ, или хоромъ, даетъ описаніе коломенскаго дворца царя Алексѣя Михайловича. Дворецъ заключалъ въ себѣ нѣсколько отдѣленій, или особыхъ хоромъ, соединенныхъ между собою переходами и сѣнями; постройка этихъ отдѣленій происходила въ разное время, смотря по надобности; постепенно къ старымъ пристроивались новыя клѣти, избы, сѣни, крыльца, переходы. Впереди были государевы хоромы; за ними стояли хоромы царевича, далѣе государева мыленка; отсюда лѣстница вела въ царицыны хоромы; далѣе были четыре отдѣленія хоромъ царевенъ, соединенныя крытыми переходами съ покоями царицы и церковью. Такими же переходами соединялись другія отдѣленія хоромъ—оружейной, стряпущихъ избъ и проч. Нижній ярусъ всѣхъ хоромъ состоялъ изъ подклѣтовъ для дворовыхъ людей, для кладовыхъ и для стрѣлецкихъ карауловъ. Достаточно одного взгляда на дворецъ, чтобы видѣть, что строители не руководились однимъ опредѣленнымъ планомъ, что нѣкоторыя части пристраивались потомъ, по мѣрѣ надобности. Хоромы, крыльца, переходы разбросаны съ мыслью не о правильности плана или красотѣ, а объ удобствахъ; основною мыслью было жить такъ, какъ жили отцы и дѣды, по старинѣ и „по пошлинѣ", какъ пошло изстари, какъ было при отцахъ, при дѣдахъ и

при прадѣдахъ. Въ отношеніи жилищъ, въ ихъ постройкѣ и устройствѣ неизмѣнно сохранялись старые привычные порядки и преданія.

— Но несмотря на это, несмотря и на то, что строители вовсе не гнались за соразмѣрностью и соотвѣтствіемъ отдѣльныхъ частей, всетаки все сооруженіе очень красиво и своеобразно. Особенно любопытны кровли: одна четырехугольная, устроенная кубомъ, украшена на верху глобусомъ съ изображеніемъ орла; другая выведена бочкою съ рѣзнымъ гребнемъ на верху и шестами съ прапорцами (флюгарками), третья двухскатная, четвертая — шатровая, придававшая строенію видъ башни, съ двухглавымъ орломъ на верху. Надъ крыльцомъ опять бочкообразная кровля, надъ сѣнями и переходами стройныя шатровыя кровли разнаго вида. Всѣ эти кровли крыты гонтомъ въ чешую, раскрашенную въ яркія краски. Не менѣе красоты зданію придаютъ безчисленные и разнообразные столбики и балясы у крылецъ и у гульбищъ, а также рѣзныя украшенія оконъ и дверей. Эти украшенія, яркая окраска кровель, цвѣтныя стекла въ окнахъ, затѣйливый и разнообразный видъ составныхъ частей зданія, все это вмѣстѣ взятое было очень красиво и своеобразно.

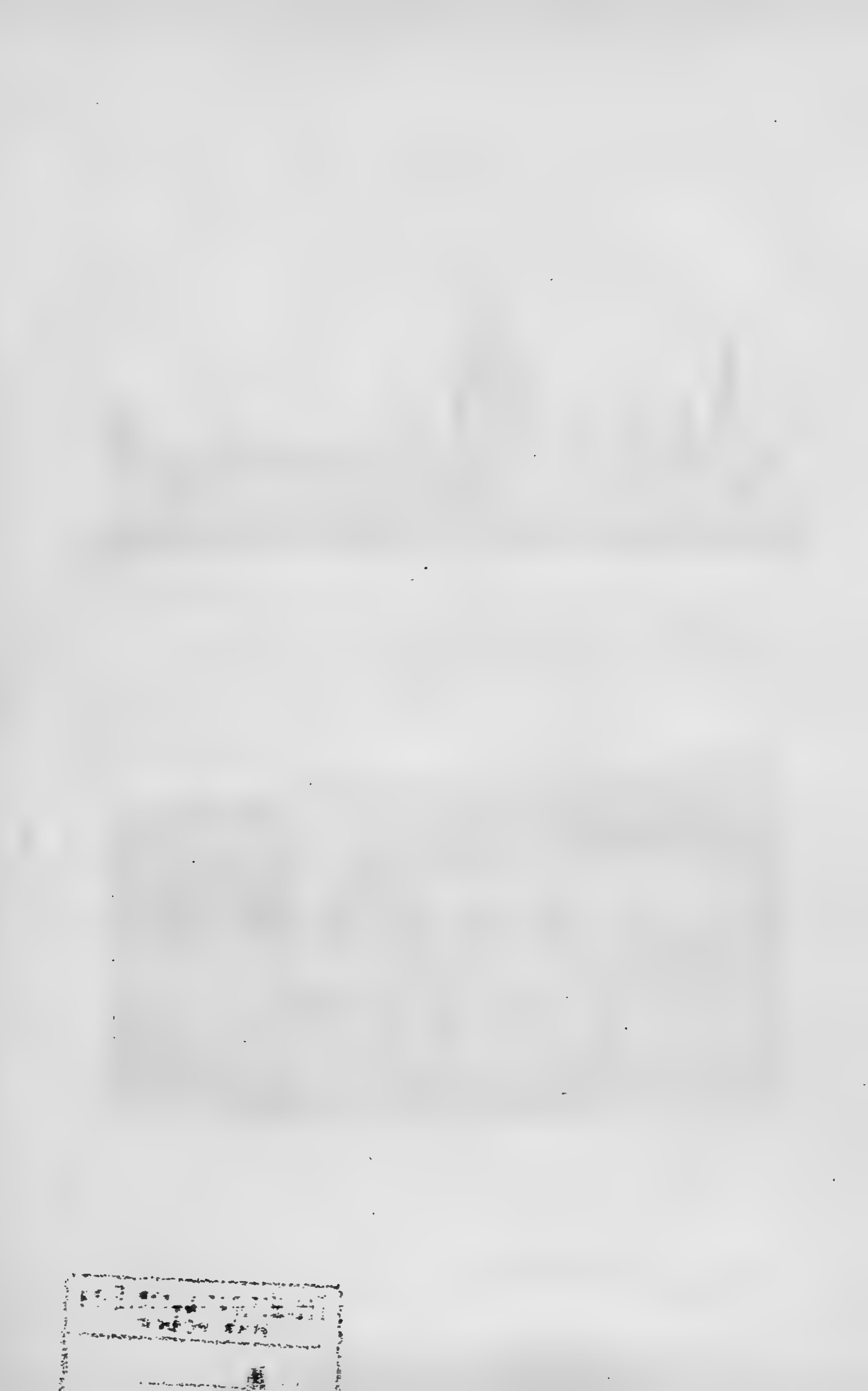

Видъ Кремля въ концѣ XVII столѣтія.

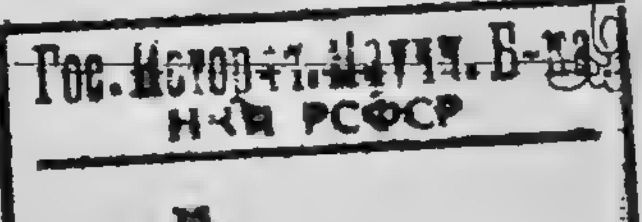
Грановитая Палата.

Дозв. ценз. Спб., 26 марта 1893 г. Тип. Трупова. Спб.

III.

— У первыхъ великихъ князей московскихъ хоромы были деревянныя. Но, по мѣрѣ того, какъ держава Московская принимала болѣе крѣпости и государственной силы, возникла при дворѣ потребность созидать каменныя зданія. Въ концѣ пятнадцатаго вѣка великій князь Московскій сдѣлался Самодержцемъ всея Руси, и прежніе обряды быта великокняжескаго становились уже недостаточными въ жизни Государя—Самодержца. Кромѣ того великій князь Иванъ Васильевичъ III вступилъ въ бракъ съ греческой царевной Софьей Ѳоминишной Палеологъ. Бракъ этотъ произвелъ большія перемѣны въ частномъ быту Московскаго государя: его дворъ и дворецъ съ этого времени стали постепенно преобразовываться, перенимая многое изъ павшей подъ ударами турокъ Греціи. При томъ этотъ бракъ завязалъ тѣсныя сношенія Московскаго государства съ государствами западной Европы; начались частые пріѣзды въ Москву иноземныхъ пословъ, пріемъ которыхъ требовалъ для поддержанія достоинства московскаго государя—самодержца большей роскоши, большаго великолѣпія; поэтому, новый дворецъ, болѣе обширный и болѣе великолѣпный, былъ необходимъ. И самый Кремль въ концѣ пятнадцатаго и въ началѣ шестнадцатаго столѣтія совершенно измѣнился: на мѣстѣ прежнихъ деревянныхъ зданій были уже новыя—каменныя, болѣе обширныя и красивыя. Всѣ постройки воздвигались при помощи итальянскихъ зодчихъ, нарочно для этого выписанныхъ.

— Великій князь Иванъ Васильевичъ III началъ постройку новаго каменнаго дворца между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами, въ 1484 году. Каменный Благовѣщенскій соборъ былъ оконченъ и освященъ въ 1489 году. Черезъ два года зодчіе Марко Пуфъ и Петръ Антоній выстроили на площади большую палату, которая сохранилась до нашего времени и извѣстна подъ именемъ „Грановитой“; названа она такъ потому, что стѣны ея съ внѣшней стороны покрыты выдающимися четырехгранниками. Эта палата, какъ передній пріемный покой дворца, замѣнила древнюю гридню, а въ царскомъ быту получила значеніе главной церемоніальной залы. Въ ней совершались празднества по случаю коронованія, бракосочетанія царей, принимались и угощались послы, духовенство, бояре и проч.; и до настоящаго времени наши государи послѣ коронованія принимаютъ въ Грановитой палатѣ поздравленія.

— Въ іюлѣ 1493 года въ Москвѣ произошелъ страшный, опустошительный пожаръ, истребившій и новый, каменный дворъ великаго князя. Къ новой постройкѣ дворца приступили только черезъ шесть лѣтъ; она была поручена итальянскому зодчему Алевизу, изъ города Милана. Но Иванъ Васильевичъ не дождался окончанія этихъ палатъ: онъ умеръ въ 1505 году. Дворецъ былъ готовъ черезъ три года послѣ его смерти и въ 1508 году сынъ его, Василій Ивановичъ, переѣхалъ на житье въ эти новыя хоромы. Василій Ивановичъ III великолѣпно украсилъ дворецъ вмѣстѣ съ церковью Благовѣщенія, которую повелѣлъ расписать золотомъ, а иконы обложить серебромъ, золотомъ и бисеромъ.

— Расположеніе каменнаго первоначальнаго дворца было слѣдующее. Лицомъ дворецъ былъ обращенъ на площадь между Благовѣщенскимъ, Архангельскимъ и Успенскимъ соборами. На эту площадь выходили двѣ дворцовыя палаты—Большая, нынѣ Грановитая, и

Средняя, называвшаяся иначе Золотою, потому что была расписана внутри золотомъ. Передъ Среднею Палатой было Красное Крыльцо и передніе переходы; позади Средней палаты стояла Столовая изба; она была обращена къ алтарямъ церкви Спаса Преображенія, стоявшей посреди Государева двора. Столовая Изба переходами соединялась съ двумя набережными палатами: Малой и Большой; за этими палатами, къ Москвѣ—рѣкѣ, стояли чердаки, или терема.

— Что касается внутренняго убранства дворца, то уже замѣчено, что великій князь Василій Ивановичъ богато украсилъ его. Въ новомъ дворцѣ появилось много такихъ вещей, которыхъ не знала простая жизнь прежнихъ великихъ князей, и которыя были необходимы при новомъ значеніи Московскаго великаго князя, какъ царя.

— Въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго, въ 1547 году, московскій дворецъ сдѣлался жертвою новаго, ужаснѣйшаго пожара, истребившаго почти всю Москву. Государь выѣхалъ въ село Воробьево и жилъ тамъ все время, пока для него въ Кремлѣ возобновляли распавшіяся отъ огня каменныя палаты; онѣ были увеличены новыми пристройками.

— При Ѳеодорѣ Ивановичѣ всѣ пріемныя палаты дворца были великолѣпно украшены стѣнною живописью. Онъ построилъ для своей супруги, царицы Ирины, особую палату, называвшуюся Царицыной палатой, а также Меньшей Золотой палатой, въ отличіе отъ большой-Грановитой, и Средней Золотой. При Борисѣ Годуновѣ, Дмитріи Самозванцѣ и Василіи Шуйскомъ большихъ перемѣнъ въ составѣ дворца не произошло. Въ смутное время дворецъ опустошенъ былъ поляками такъ, что, при вступленіи на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича, представлялъ самую грустную картину: отъ прежняго великолѣпія, которому такъ дивились посѣщавшіе Москву иностранцы, остались только голыя стѣны.

— При вступленіи на престолъ Михаила Θеодоровича, всѣ палаты и хоромы были безъ кровель, безъ половъ и лавокъ, безъ окончинъ и дверей, такъ что новому царю негдѣ было поселиться. Трудно было царю Михаилу Θеодоровичу, при недостаткѣ денегъ, возстановить прежнее благолѣпіе дворца. Постепенно, по мѣрѣ средствъ, которыя были еще незначительны, такъ какъ Московское государство въ смутное время было въ конецъ разорено, царь возстановлялъ Москву, при чемъ и дворецъ также постепенно возобновлялся и устраивался. Въ 1633 году часовыхъ дѣлъ мастеръ Христофоръ Головей взвелъ воду съ Москвырѣки въ Свиблову башню, а изъ башни той привелъ воду на государевъ Сытный и Кормовой дворецъ; на башнѣ была поставлена машина, посредствомъ которой во дворцѣ была устроена цѣлая система водопроводовъ. Потомъ государь приказалъ выстроить для себя и для дѣтей жилья или покоевыя хоромы каменныя, что было новостью, потому что собственно для житья, до того времени, всегда предпочитались хоромы деревянныя. Въ свое царствованіе Михаилъ Θеодоровичъ успѣлъ не только возстановить старый дворецъ, но и увеличилъ его новыми каменными и деревянными постройками, выроставшими по мѣрѣ размноженія царской семьи.

— Въ царствованіе сына его, Алексѣя Михайловича, не встрѣчается особенно значительныхъ построекъ на царскомъ дворѣ. Онъ возобновлялъ большею частію старое, передѣлывалъ и украшалъ по своей мысли зданія, построенныя предками или его отцомъ; такъ возобновлена была Дворцовая палата, въ которой помѣщался Аптекарскій приказъ и аптека; затѣмъ появился Потѣшный дворецъ, гдѣ происходили комедійныя дѣйствія, т. е. давались представленія. Алексѣй Михайловичъ особенно заботился о внутреннемъ украшеніи дворца, для чего вызвалъ изъ Польши многихъ художниковъ и ремесленниковъ. Внутри двор-

ца появились обои (золотыя кожи) и разнаго рода мебель, на нѣмецкій и польскій образецъ.

— Сынъ Алексѣя Михайловича, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, въ свое недолгое царствованіе обновилъ дворецъ и расширилъ его новыми пристройками, которыя были необходимы, такъ какъ Алексѣй Михайловичъ оставилъ послѣ себя многочисленное семейство. Новыя хоромы были выстроены для вдовствующей царицы Натальи Кириловны съ малолѣтнимъ ея сыномъ, царевичемъ Петромъ, и для царевича Ивана Алексѣевича. Въ то же время Ѳеодоръ Алексѣевичъ обновилъ и свой каменный верхній теремъ.

— Въ концѣ семнадцатаго столѣтія, передъ единодержавіемъ Петра Великаго, дворецъ достигъ самого цвѣтущаго состоянія, до какого онъ не достигалъ ни въ одно изъ предыдущихъ царствованій; съ этого времени начинается постепенное его запустѣніе и разрушеніе.

— Расположеніе дворца въ концѣ семнадцатаго вѣка было слѣдующее. На площади между соборами Успенскимъ, Благовѣщенскимъ и Архангельскимъ, стояли три палаты: Грановитая, Меньшая Золотая, или Царицына, и Средняя Золотая. Передъ Среднею палатой было Красное Крыльцо, на которое съ площади, называвшейся также Красною, вели три лѣстницы. Между соборами Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ стоялъ казенный дворъ, сохранявшій государеву казну: золото и серебро въ разныхъ вещахъ, большею частію въ посудѣ, дорогія парчевыя и шелковыя ткани, сукна и другія шерстяныя и бумажныя ткани, и разнообразные дорогіе мѣха: здѣсь же сохранялись иконы, кресты, ковчеги со Св. Мощами и другая святыня. Позади Средней Золотой Палаты стояла Столовая Изба, а противъ нея, къ Москвѣ рѣкѣ, находились двѣ набережныхъ палаты: Сборная и Отвѣтная. Въ Сборной Палатѣ, послѣ царскихъ панихидъ, бывали сборы большіе, или собранія духовенства, которому давались здѣсь

панихидные столы; поэтому и палата эта называлась еще Панихидною. Въ Отвѣтной Палатѣ происходили обыкновенно совѣщанія бояръ съ иноземными послами, которые получали здѣсь черезъ бояръ царскіе отвѣты; поэтому Отвѣтная палата называлась также Посольскою.

— Государевы каменные терема расположены были между Золотой Царицыной Палатой и церковью Рождества Богородицы. У средины теремного зданія лѣстница вела на Постельное крыльцо съ обширною Постельною площадью, называвшеюся также Боярскою, потому что здѣсь обыкновенно собирались и постоянно толпились стольники, стряпчіе, дворяне, вообще служилое сословіе, не имѣвшіе доступа на верхъ, т. е., въ покоевыя, или жилыя хоромы государя. Съ Постельной площади вела дверь въ Проходную палату, названную такъ потому, что черезъ нее проходили на задній или Постельный дворъ, на которомъ стояли деревянныя хоромы царицы, царевича и царевенъ, соединявшіяся съ каменнымъ теремомъ переходами.

— Съ Постельнаго крыльца лѣстница вела вверхъ къ жилымъ, постельнымъ комнатамъ государя, которыя находились въ третьемъ этажѣ теремнаго дворца. По этой лѣстницѣ входили прежде на передній каменный дворъ, отсюда по лѣстницѣ на каменное, прежде Золотое крыльцо; крыльцо это вело въ переднія проходныя сѣни, черезъ которыя входили въ переднюю палату, и отсюда—въ „Комнату," или кабинетъ государя. За Комнатой слѣдовала Крестовая, или Моленная, называвшаяся иногда просто третьей, и потомъ Опочивальня, извѣстная также подъ именемъ четвертой. Верхній этажъ этого зданія назывался теремомъ, около котораго площадка называлась Верхнимъ Каменнымъ Дворомъ.

— Во второмъ этажѣ Теремнаго дворца находились комнаты для дворовыхъ ближнихъ людей; здѣсь же помѣщалась Потѣшная палата. Подъ четвертой

комнатой терема находилась мыльня, въ которую государь ходилъ по потайной лѣстницѣ.

— Въ первомъ этажѣ терема помѣщались мастерскія палаты, въ которыхъ хранилось платье и всѣ вещи царскаго постельнаго обихода. Нижній этажъ занятъ былъ подвалами и погребами Сытнаго дворца. Съ сѣверной стороны подлѣ теремовъ стояли деревянныя хоромы государя, царицы и ихъ дѣтей. Здѣсь каждый членъ царскаго семейства имѣлъ свои отдѣльныя хоромы, которыя соединялись сѣнями и переходами какъ между собою, такъ и съ теремнымъ дворцомъ и съ верховыми церквами. Церквей въ государевомъ дворцѣ было нѣсколько; изъ нихъ Спасскій соборъ, воздвигнутый Михаиломъ Ѳеодоровичемъ надъ Меньшею Золотою палатой, сдѣлался молельнымъ храмомъ царей. Въ церкви Спаса Преображенія на государевомъ дворѣ молились дворцовые служители, для которыхъ церковная служба совершалась здѣсь раньше обыкновеннаго — „чтобъ, отправясь, шли всякъ на свой приспѣхъ“.

— При царскомъ дворѣ въ семнадцатомъ столѣтіи было нѣсколько „верховыхъ“, т. е. хоромныхъ садовъ, которые назывались „красными“. Такіе сады находились при каждомъ особомъ отдѣленіи дворца; такъ, особые сады находились при комнатахъ государя, царевичей и царевенъ. Верховые сады были расположены на каменныхъ сводахъ надъ палатами и погребами. Съ набережной стороны дворца расположены были набережные каменные красные сады, одинъ верхній, другой—нижній. Верхній имѣлъ въ длину 62 сажени, а въ ширину—8 саженъ; нижній—въ длину 24, а въ ширину—14 с. Сады были обнесены каменною оградой съ частыми окнами; окна украшались рѣзными рѣшетками и изъ нихъ открывался обширный видъ на Замоскворѣчье. На внутреннемъ дворѣ государева дворца, близъ церкви Спаса находился особый садъ, который расположенъ былъ противъ государевой по-

стельной комнаты. Подлѣ Столовой избы, у алтарей Спасопреображенскаго собора, былъ также красный садъ. Набережный верхній садъ по угламъ съ набережной стороны былъ украшенъ большими чердаками, или теремами, въ родѣ бесѣдокъ, или павильоновъ. Въ нижнемъ набережномъ саду въ 1681 году былъ устроенъ прудъ, для чего все мѣсто для пруда, равно какъ и подъ садомъ, выложено было свинцовыми досками. Вода въ прудъ проведена была посредствомъ свинцовыхъ же трубъ изъ водовзводной (Свибловой) кремлевской башни, построенной англичаниномъ Галовеемъ въ царствованіе царя Михаила Өеодоровича; посредствомъ свинцовыхъ трубъ, лежавшихъ въ землѣ, вода шла по разнымъ направленіямъ въ верховые сады, на Сытный, Хлѣбенный и другіе дворцы. Водовзводная машина, по свидѣтельству иностранцевъ, стоила нѣсколько боченковъ золота. На пруду нижняго сада малолѣтній царь Петръ Алексѣевичъ плавалъ со своими потѣшными сверстниками въ лодкахъ и комягахъ. Подлѣ хоромъ вдовствующей царицы Натальи Кирилловны и малолѣтняго царя Петра Алексѣевича, въ 1685 году, былъ устроенъ новый верховый каменный садъ; онъ помѣщался на каменныхъ сводахъ, длиною былъ 10 саженъ, а шириною—4 с. На покрытіе площади для сада вышло 640 пудовъ свинцу, изъ котораго лили доски, покрывали ими своды и плотно запаивали ихъ. Въ апрѣлѣ на этотъ свинцовый полъ наносили хорошо просѣянной земли, глубиною на аршинъ съ четвертью, для разсадки растеній, сдѣлали гряды и ящики для цвѣтовъ, огородили садъ рѣшеткою съ балясами и съ прорѣзной дверью, и расписали ее красною краской; затѣмъ сюда была проведена вода и устроенъ прудокъ. Земля для садовъ бралась большею частью съ мостовыхъ московскихъ улицъ, которыя вообще изобиловали грязью и доставляли отличный черноземъ. Деревья въ верховыхъ садахъ сажали преимущественно плодовыя, а также

ягодные кусты; въ нихъ росли: виноградъ, грецкій орѣхъ, разныя яблони, груши, дули, сливы, вишни, барбарисъ, смородина, крыжовникъ, малина и проч.; сажали арбузы, бобы, сладкій горохъ, тыквы и пр. Въ садахъ росли разныя лекарственныя травы, а также цвѣты: сирень, розы, піоны, гвоздика и др. Всѣ сборы изъ верховыхъ садовъ подавались къ государеву столу.

— Въ лѣтнее время во всѣхъ верховыхъ садахъ висѣли клѣтки съ канарейками, соловьями и даже попугаями. Но любимой птицей въ древности была перепелка; во всѣхъ садахъ висѣло по нѣскольку клѣтокъ съ перепелками; сѣтки у этихъ клѣтокъ были шелковыя.

— Вообще, цари наши любили садоводство, и оно занимало самое видное мѣсто въ ихъ домашнемъ хозяйствѣ. У нихъ были сады не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ; въ концѣ семнадцатаго столѣтія царскому обиходу принадлежало 52 сада, кромѣ московскихъ.

IV.

— Изъ хозяйственныхъ дворцовыхъ построекъ замѣчательно большое трехъэтажное зданіе, въ которомъ въ верхнихъ этажахъ помѣщалась Оружейная Палата съ Оружейнымъ приказомъ. Они завѣдывали всею искусственною частью дворца, какъ-то: искусствомъ иконописнымъ, золотымъ и серебрянымъ дѣломъ, рѣзнымъ, токарнымъ, столярнымъ дѣломъ и пр. Каждое производство помѣщалась въ особыхъ мастерскихъ палатахъ; такъ, въ иконной палатѣ работали иконописцы и живописцы; въ золотой палатѣ—золотыхъ дѣлъ мастера, ювелиры; въ серебряной—серебренники. Собственно Оружейная Палата была дворцовымъ государевымъ арсеналомъ, гдѣ хранилось государево оружіе, украшенное золотомъ и драгоцѣнными каменьями, а также знамена и государевы великіе стяги.

— Въ нижнихъ этажахъ того же зданія помѣщались Сытный, Кормовой и Хлѣбенный дворцы. Сытный дворецъ приготовлялъ и сохранялъ разныя питья про царскій обиходъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ дворцѣ подъячій семнадцатаго вѣка Григорій Котошихинъ въ своихъ запискахъ о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича: „Питья исходитъ на всякій день, кромѣ того, что носятъ для царя, царицы, царевичей и царевенъ, вина простого, двойного и тройного близко 100 ведеръ; пива и меду по 400 и по 500 ведеръ, а въ которое время меду не достаетъ, за медъ дается виномъ, по разсчету. А на иной день, когда бываютъ праздники и иные именинные и родильные дни, исходитъ вина по 400 и по 500 ведеръ, пива и меду

тысячи по двѣ и по три ведеръ и больше. Кромѣ того, пива малиновыя и иныя, и меды сыченые, и красные ягодные, и яблочные, и романея, и ренское, и французское, и иныя заморскія питья, исходятъ, кому указано, поденно и понедѣльно. И что про царскій расходъ исходитъ, того и описать невозможно. На Сытномъ дворѣ всѣхъ питейныхъ погребовъ будетъ больше 30, кромѣ погреба, что съ заморскими питьями. И во всѣхъ тѣхъ погребахъ питья всякія стоятъ во льду, и бываетъ тотъ ледъ изъ года въ годъ отъ марта мѣсяца до такого же времени безъ premѣненія".

— Кромѣ питій на Сытномъ дворѣ сохранялись: виноградъ, арбузы, дыни, яблоки, дули, сливы, вишни, груши, анисъ, финики, орѣхи и пр. Насколько были огромны запасы Сытнаго дворца, показываетъ общая перепись этихъ запасовъ, произведенная въ 1702 году. На дворѣ оказалось:

Вина ренскаго	125	бочекъ.
Вина церковнаго	230	"
Водки приказной и боярской .	800	ведеръ.
Вина простого и двойного . .	20,000	"
Воску	700	пудовъ.
Меду сырцу	5000	"
Разныхъ медовъ	4000	ведеръ.
Гонобобелю	150	"
Брусницы	100	"
Морсу черничнаго	200	"
Анису	80	пуд.
Яблокъ свѣжихъ	46,000.	
Яблокъ въ патокѣ	1,000.	
Яблокъ въ сытѣ	1,100.	
Дуль свѣжихъ	7,300.	
Дуль въ сытѣ	4,000.	
Сливъ соленыхъ	83,500.	
Солоду ячнаго	1,200	четв.
Хмѣлю	200	пуд.
Пива	4,200	вед.

Браги . . . . 2,800 „
Квасу . . . . 9,300 „
Свѣчей восковыхъ . . . . 53,300.

— Кормовой дворецъ былъ собственно царской поварней, гдѣ стряпали повара, курятники, помясы и друг.; на Кормовомъ дворцѣ находилась особая курятная палата, отпускавшая для стола гусей, индѣекъ, куръ, утокъ и другую птицу.

— Хлѣбенный дворецъ изготовлялъ разнаго рода печеный хлѣбъ; на немъ находилась сахарная палата, изготовлявшая и отпускавшая сахары, конфекты, обсахаренные фрукты и проч.

— На заднемъ государевомъ дворѣ помѣщалась истопничья палата, которая завѣдывала отопленіемъ и освѣщеніемъ царскихъ хоромъ и наблюдала за чистотою по всему дворцу.

— Внѣ Кремля, у Водовзводной башни, при впаденіи рѣчки Неглинной въ Москву-рѣку, стояла мельница; прудъ ея назывался Лебединымъ, потому что на немъ плавали и береглись царскіе лебеди—первое кушанье того времени.

— Отъ Потѣшнаго дворца до Боровицкихъ воротъ тянулось зданіе дворца Конюшеннаго. въ которомъ стояли верховые и упряжные кони. Число всѣхъ лошадей государя простиралось до 150; у царицы и царевенъ было до 50 лошадей, которыя запрягались въ сани, кареты и колымаги.

— На башняхъ трехъ кремлевскихъ воротъ: Спасскихъ, Троицкихъ и Тайницкихъ еще въ концѣ шестнадцатаго столѣтія стояли башенные часы. Такіе же часы были и въ зданіяхъ дворца: одни на башнѣ Набережнаго сада, другіе на башнѣ Конюшеннаго дворца; часы эти были необходимы во дворцѣ для должностныхъ лицъ, обязанныхъ явиться или приготовить что къ назначенному часу. Употребленіе карманныхъ, или „зепныхъ“ часовъ было весьма незначительно, какъ по дороговизнѣ ихъ, такъ еще и потому, что по

своему раздѣленію времени они не соотвѣтствовали русскимъ. Счетъ часовъ у русскихъ былъ въ старину византійскій: сутки дѣлились на дневные и ночные часы; съ восходомъ солнца начинался день и билъ первый часъ дня, а съ закатомъ солнца начиналась ночь и билъ первый часъ ночи. Поэтому количество часовъ денныхъ и ночныхъ постепенно измѣнялось. Въ началѣ декабря било 7 часовъ дня и 17 часовъ ночи; въ началѣ марта—12 часовъ дня и 12 часовъ ночи; въ началѣ іюня 17 часовъ дня и 7 часовъ ночи; въ началѣ сентября и въ мартѣ—12 ч. дня и 12 ч. ночи. Такимъ образомъ лѣтомъ, когда были самые долгіе дни, дневныхъ часовъ насчитывалось 17, ночныхъ—7, а зимой—наоборотъ. По такому раздѣленію сутокъ и устраивались наши старинные часы. На Спасской башнѣ часы были съ „перечасьемъ", или съ музыкой изъ тринадцати колоколовъ, изъ которыхъ главный, часовой, вѣсилъ 30 пудъ; остальные назывались „перечасными"; длиною часы были 3 аршина, вышиною 2 арш. и 12 вершковъ, а поперегъ—полтора арш. Кругъ, на которомъ были указныя слова (т. е. церковно-славянскія буквы, обозначавшія въ древности цифры, и арабскія цифры), или циферблатъ имѣлъ въ поперечникѣ болѣе 7 аршинъ. Средина круга была покрыта голубою краской, а по ней раскинуты были золотыя и серебряныя звѣзды съ двумя изображеніями солнца и луны. Это украшеніе изображало небо. Вокругъ, въ каймѣ, располагались указныя слова, т. е. славянскія цифры, мѣдныя, густо вызолоченныя, а между ними помѣщались получасовыя звѣзды, посеребреныя. Указныя слова на Спасскихъ часахъ были мѣрою въ аршинъ. Стрѣлокъ въ этихъ часахъ не было, а оборачивался самый циферблатъ; на верху неподвижно утверждено было солнце съ лучемъ въ видѣ стрѣлкиэтотъ лучъ и показывая часъ на вращающемся кругѣ съ изображеніемъ цифръ (циферблатѣ). Съ восемнадцатаго столѣтія старинные русскіе часы вышли изъ

употребленія. По указу Петра Великаго, въ 1705 г., Спасскіе часы передѣланы на нѣмецкій ладъ, т. е. на 12 часовъ. Новые часы, выписанные изъ Голландіи, обошлись царю 42,500 рублей. При кремлевскихъ башенныхъ часахъ находились особые колокола—„набаты“, въ которые били во время пожаровъ.

— Съ наступленіемъ восемнадцатаго столѣтія Кремлевскій дворецъ былъ покинутъ; зданія его постепенно приходили въ ветхость; нѣсколько разъ онъ дѣлался жертвою пожара. Съ половины восемнадцатаго столѣтія старый Кремлевскій дворецъ сталъ понемногу разбираться и застраиваться новыми зданіями; такъ, въ концѣ прошлаго вѣка архитекторомъ Казаковымъ было выстроено новое великолѣпное зданіе въ кремлѣ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія кремль и дворецъ были очищены окончательно отъ ветхихъ, полуразвалившихся зданій. Остались: Грановитая палата, Каменный теремъ съ верховыми церквами и Потѣшный дворецъ; но и они были значительно передѣланы.

V.

— Внѣшній видъ дворца въ концѣ семнадцатаго вѣка представлялъ чрезвычайно пеструю массу зданій самой разнообразной величины, разбросанныхъ безъ всякаго порядка и плана.

—Кровли зданій были большею частію тесовыя, крытыя „по—чешуйному“; ихъ красили обыкновенно зеленой краской. Снаружи хоромы украшались затѣйливой и замысловатой рѣзьбой, состоявшей преимущественно въ сочетаніи простыхъ геометрическихъ фигуръ; рѣзныя украшенія расписывались яркими красками и мѣстами покрывались сусальнымъ золотомъ и серебромъ. Во всѣхъ почти хоромахъ окна украшались рѣзными наличниками и на верху—рѣзнымъ щиткомъ; эти части, по преимуществу, и расписывались красками или золотились и серебрились. Оконныя ставни также всегда расписывались красками и золотились; на нихъ изображали цвѣты, травы, также птицъ и звѣрей; иногда ихъ расписывали „аспидомъ“, т. е. подъ мраморъ.

— На всѣхъ воротахъ дворца снаружи и съ внутренней стороны стояли иконы, писанныя на доскахъ; это было общимъ обычаемъ того времени; и не только во дворцѣ, но и въ домахъ частныхъ людей, отъ боярина до простолюдина, всегда на воротахъ были иконы или кресты; русскій человѣкъ не входилъ и не выходилъ изъ дому безъ молитвы и безъ крестнаго знаменья.

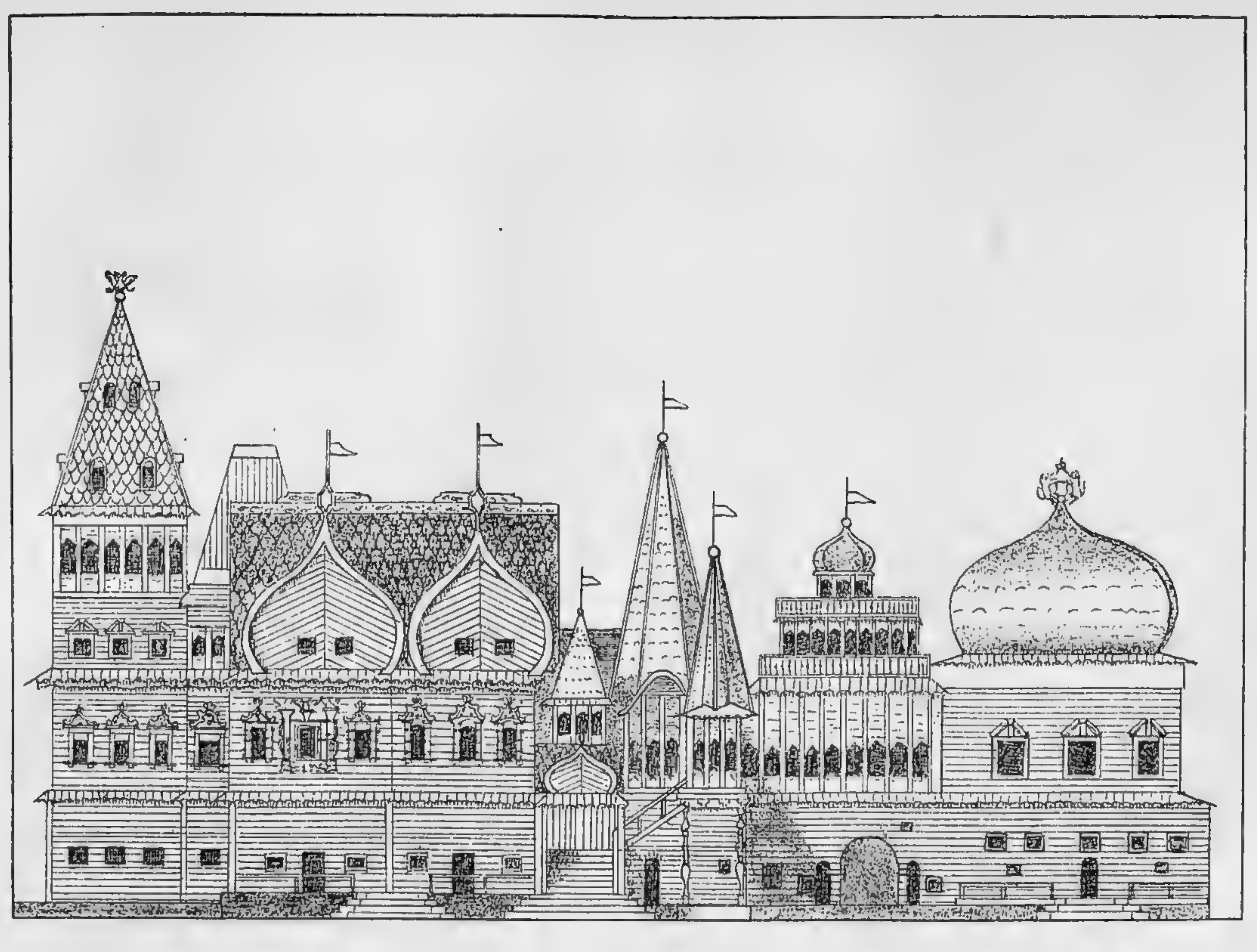
— Убранство хоромъ внутри называлось „нарядомъ“; наряжать хоромы значило убирать, отдѣлать

ихъ начисто внутри. Внутри хоромъ стѣны и потолки обшивались хорошо выстроганнымъ тесомъ. Это былъ нарядъ простой, плотничій, который въ царскомъ быту почти всегда покрывался другимъ нарядомъ—шатернымъ, состоявшимъ изъ уборки комнатъ суknами и другими тканями. При плотничьемъ нарядѣ комнаты убирали столярною рѣзьбой. Съ особеннымъ стараніемъ украшали „подволоки", или потолки; онѣ украшались рѣзьбою изъ дерева и составлялись изъ отдѣльныхъ штукъ, щитовъ, или рамъ; иногда подволоки убирались слюдою съ рѣзными украшеніями изъ жести и даже серебра. Деревянныя рѣзныя подволоки всегда золотились и раскрашивались красками. Окна и двери комнаты также всегда украшались рѣзьбой. Во всѣхъ этихъ украшеніяхъ много употреблялось такъ называемыхъ „дорожниковъ", рѣзныхъ длинныхъ планокъ (багетовъ), изъ которыхъ устраивались рамы и коймы, раздѣлявшія украшенія.

— Полъ настилали досками, иногда „въ—косякъ", отчего онъ и назывался косящатымъ. Нерѣдко полы мостили „дубовымъ кирпичемъ"—квадратными дубовыми брусками отъ 6 до 8 вершковъ длины и отъ 2 до 3 толщины. Это былъ родъ паркета, который расписывали иногда красками, напримѣръ, зеленою и черною въ „шахматъ".

— Обычною мебелью въ царскихъ хоромахъ были лавки, которыя устраивались подлѣ стѣнъ; подъ лавками дѣлались иногда рундуки съ затворками—родъ небольшихъ шкафовъ. Лавка, находившаяся у входныхъ дверей комнаты, въ заднемъ углу называлась „коникомъ", лавки подлѣ оконъ—красными, а у стѣны передняго угла—передними.

— Въ окна вставлялись „оконничные станки", обитые сукномъ и войлокомъ; въ нихъ укрѣплялись „оконницы", соотвѣтствовавшія нашимъ рамамъ; онѣ были подъемныя и отборныя; вмѣсто стеколъ до восемнадцатаго столѣтія употребляли преимущественно слю-

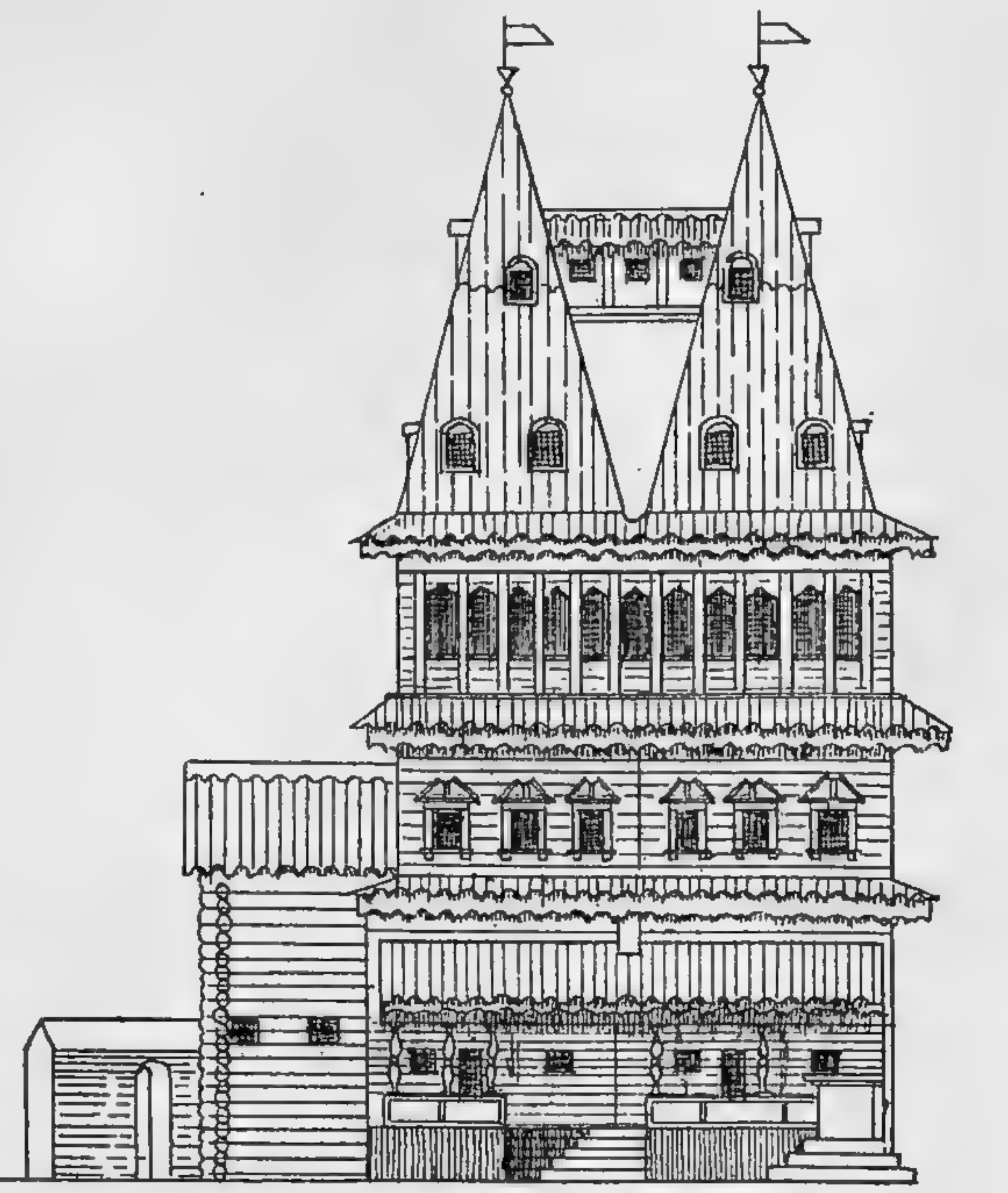
Коломенскій дворецъ.

Дозв. ценз. Спб., 26 марта 1893 г.

Тип. Трупова. Спб.

Дозв. ценз. Спб., 26 марта 1893 г.

Хоромы царевича.

Часы на Спасской башнѣ.

Тип. Трунова. Спб.

ду; иногда слюду въ окнахъ украшали живописью,-изображали на ней людей, звѣрей, птицъ, цвѣты и пр.. Стекольныя оконницы были гораздо меньше въ употребленіи. Однѣ оконницы не могли, конечно, защищать хорошо отъ холода; поэтому, соотвѣтственно теперешнимъ зимнимъ рамамъ, употреблялись такъ называемые „вставни", съ слюденными же оконницами, обитые сукномъ и войлоками. Кромѣ того, въ сильные холода окна закрывались извнутри „втулками", также обитыми войлокомъ и сукномъ.

— Печи во всѣхъ жилыхъ хоромахъ были „образчатыя", или изразцовыя, изъ синихъ и зеленыхъ изразцовъ. Печи ставились четыреугольныя и круглыя, изъ кирпича особой формы. На изразцахъ изображались травы, цвѣты, люди, животныя и разные узоры. Верхніе этажи хоромъ нагрѣвались „проводными трубами" изъ печей нижнихъ ярусовъ; трубы эти были также изразцовыя съ душниками. На крышахъ трубы выводились въ видѣ коронокъ, шатриковъ, узорочно складенныхъ тоже изъ изразцовъ, и покрывались мѣдными сѣтками отъ птичьихъ гнѣздъ, галокъ и сору. Всѣ большія царскія палаты—Грановитая, Золотыя, Столовая и Набережная тоже нагрѣвались проводными трубами изъ печей, устроенныхъ подъ ними въ подклѣтахъ.

— Внутри хоромъ стѣны, потолки, полы, лавки никогда во дворцѣ не оставались голыми, а убирались сукнами, которыя для стѣнъ замѣняли теперешніе обои. Сукна употреблялись обыкновенно красныя, рѣже-зеленыя, а во время траура—чёрныя или темныхъ цвѣтовъ; подъ сукно обыкновенно клали войлокъ или простое сермяжное сукно. Со временъ царя Алексѣя Михайловича стѣны, а также и двери стали обивать золочеными басменными кожами, на которыхъ были вытиснены разныя травы, цвѣты, животныя и птицы. Для обоевъ

употреблялись также холсты и полотна, которые расписывали травами и узорами.

— Лавки обивали также войлоками, а по нимъ краснымъ или зеленымъ сукномъ. Но чаще ихъ покрывали „суконными полавочниками“ разныхъ цвѣтовъ; середина у нихъ была одного цвѣта, а коймы —другого. Полавочники дѣлались иногда и изъ бархату. Иногда на лавкахъ клались тафтяные „бумажники“ (т. е. матрацы) изъ ваты, или „тюшаки“ (т. е. тюфяки) изъ сафьяна.

— Двери и окна завѣшивались тафтяными или суконными завѣсами, а зимою—стеганными на ватѣ.

— Въ важныхъ случаяхъ, во время посольскихъ пріемовъ, въ торжественные дни и царскіе праздники вмѣсто суконъ стѣны наряжали богатыми шелковыми и золотыми матеріями, бархатомъ, атласомъ, а полы—персидскими и индѣйскими коврами.

— Къ хоромному „наряду“ относится также стѣнное и подволочное письмо, т. е., комнатная живопись. Она была извѣстна подъ именемъ „бытейскаго письма“, потому что содержаніе свое она заимствовала изъ бытій и притчъ, такъ что древняя комнатная живопись почти совсѣмъ не отличалась отъ церковной стѣнописи. Украшать комнаты живописью начали уже издревле. Московскій великокняжескій дворецъ былъ украшенъ стѣнописью при великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ III. Въ 1514 г. Средняя (Золотая) палата дворца была украшена стѣннымъ бытейскимъ письмомъ: на сводахъ и стѣнахъ палаты представлена была священная исторія, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изображеніями въ лицахъ добродѣтелей и пороковъ, временъ года и явленій природы. Грановитая палата также украшена была бытейскимъ, историческимъ письмомъ: на стѣнахъ находились изображенія всѣхъ великихъ князей и царей московскихъ, а потолокъ былъ украшенъ картинами изъ ветхаго завѣта; въ сѣняхъ Грановитой

палаты было изображено на стѣнѣ „Видѣніе царя Константина, какъ явися крестъ“. Меньшая, или Царицына Золотая палата украшена была изображеніями дѣяній св. женъ: царицы Елены, великой княгини Ольги и др. Въ Столовой избѣ, на подволокѣ, написано было „звѣздотечное небесное движеніе, двѣнадцать мѣсяцевъ и бѣги небесные“, по замыслу иностраннаго инженера. Стѣны деревянныхъ хоромъ, по холстамъ и полотнамъ, расписывали иногда однѣми только травами и узорами. Заимствуя свое содержаніе преимущественно изъ священныхъ событій и притчъ, древняя русская живопись отличалась блескомъ золота, яркостью красокъ и вычурностью въ украшеніяхъ.

Вообще, московскій царскій дворецъ въ семнадцатомъ столѣтіи своимъ великолѣпіемъ изумлялъ современниковъ. Одинъ изъ нихъ, ученый монахъ и писатель, описалъ въ стихахъ Коломенскій дворецъ царя Алексѣя Михайловича, въ которыхъ сравниваетъ его съ Соломоновымъ дворцомъ и называетъ восьмымъ чудомъ свѣта.

Онъ говоритъ что дворецъ этотъ

„Домъ, иже міру есть удивленіе,
Домъ, зѣло красный, прехитро созданный
Честности царстѣй лѣпо сготованный.
Красоту его мощно есть равняти
Соломоновой прекрасной палатѣ.
Аще же древо здѣ не есть кедрово,
Но стоитъ за кедръ, истинно то слово.
А злато вездѣ пресвѣтло блистаетъ,
Царскій домъ быти лѣпота являетъ.
Написанія егда возглядаю,
Много исторій чудныхъ познаваю.
Четыре части міра написаны,
Аки на мѣди хитро изваяны.
Зодій небесный чудно написася,

Образы свойствъ си лѣпо знаменася.
И части лѣта суть изображены.
Яко достоитъ чинно положены.
И ина многа домъ сей украшаютъ,
Разумы зрящихъ зѣло удивляютъ.
Множество цвѣтовъ живонаписанныхъ,
И острымъ хитро длатомъ изваянныхъ.
Удивлятися всякъ умъ понуждаетъ
Правый бо цвѣтникъ быти ся являетъ.
Егда свѣтлѣе рай бѣ украшенный,
Иже въ началѣ Богомъ насажденный.
Домъ Соломоновъ тѣмъ славенъ безъ мѣры,
Яко ваяны имѣ въ себѣ звѣры.
И здѣ суть мнози, къ тому и рикаютъ,
Яко живіи, львы гласъ испущаютъ.
Очеса движутъ, зіяютъ устами,
Видится, хощутъ ходити ногами,
Страхъ приступити, тако устроенни,
Аки живіи львы суть посажденни.
Окна, яко звѣздъ ликъ въ небѣ сіяетъ.
Драгая слюдва, что сребро блистаетъ.
Множество жилищъ градови равнится.
Вся же прекрасно, кто не удивится,
А инѣхъ красотъ не лѣть ми вѣщати,
Умъ бо мой худый не можетъ объяти:
Единѣмъ словомъ домъ есть совершенный,
Царю велику достойнѣ строенный;
По царстѣй чести и домъ зѣло честный,
Нѣсть лучши его, развѣ домъ небесный!
Седмь дивныхъ вещей древній міръ читаше
Осмый дивъ сей домъ, время имать наше.

Мебель въ царскихъ хоромахъ была неразнообразна. Въ красныхъ, или переднихъ углахъ, подъ образами, стояли столы дубовые, иногда на точеныхъ ножкахъ, и липовые. Столы вообще дѣлались круглые, овальные, восьмигранные, четырехугольные,

нерѣдко съ выдвижными ящиками. Въ обыкновенное время столы покрывались алымъ или зеленымъ сукномъ, а въ торжественные дни золотными коврами и бархатными подскатертниками. Съ половины семнадцатаго столѣтія вошли въ употребленіе нѣмецкіе и польскіе столы на львиныхъ и простыхъ кривыхъ, отводныхъ ногахъ, украшенныхъ рѣзьбой. Съ этого же времени столы стали расписывать разными красками по золоту и серебру, или покрывали одной черной краской и наводили глянсъ, полировали. Бывали столы также изъ чернаго и краснаго дерева и изъ кипариса, съ серебряной оправой и перламутровой инкрустаціей. Доски столовыя бывали иногда мраморныя; столы устраивались иногда и на колесахъ.

По стѣнамъ, вокругъ комнатъ, были лавки, замѣнявшія наши стулья. Кромѣ лавокъ для сидѣнья употреблялись скамьи; онѣ покрывались, какъ и лавки, сукнами, а иногда золотными бархатами и коврами. Теперешніе стулья и кресла въ семнадцатомъ столѣтіи употреблялись еще рѣдко; кресла-же, сверхъ того, считались мебелью почетною и иногда замѣняли троны. Во дворцѣ кресла подавали одному только государю и лицамъ царскаго семейства, а изъ постороннихъ—только патріарху, когда онъ посѣщалъ государя. Стулья и кресла обивались атласомъ, бархатомъ и золотными тканями и кожами и украшались искусною рѣзьбой. Особенно богато украшались „выходные“ кресла и стулья, употреблявшіеся въ торжественныхъ случаяхъ, при выходахъ государя; напр.: при пріемахъ иноземныхъ пословъ и пр.; кромѣ золотныхъ матерій они украшались кованнымъ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями. Въ концѣ семнадцатаго вѣка нѣкоторыя дворцовыя комнаты были „наряжены“, т. е., обмеблированы по европейски; лавки были замѣнены стульями, на стѣнахъ висѣли зеркала.

Въ древнее время зеркала употреблялись преимущественно ручныя; стѣнныя же зеркала появляются только со второй половины семнадцатаго столѣтія; они составляли убранство однѣхъ только внутреннихъ, постельныхъ хоромъ и не употреблялись въ парадныхъ прiемныхъ комнатахъ. Рамы для зеркалъ были деревяннныя, украшенныя рѣзьбой, раскрашенныя красками, вызолоченныя и высеребренныя; часто ихъ оклеивали бархатомъ и тисненой кожей. Величина зеркалъ была незначительна: у царя Алексѣя Михайловича было зеркало „большое“ въ вышину 2 аршина, а въ ширину аршинъ 6 вершковъ съ рамой; его цѣнили въ 50 рублей. Зеркала помѣщались въ простѣнкахъ, между оконъ, или на глухихъ стѣнахъ и всегда задергивались тафтяными, атласными или бархатными завѣсами на кольцахъ, или же затворялись затворами, по кiотному.

Въ постельныхъ хоромахъ, стѣны которыхъ не были украшены живописью, висѣли обыкновенно картины, „парсуны“ (отъ слова персона), т. е., портреты и „фряжскiе листы“, или гравюры. Картины изображали большею частiю событiя изъ царственныхъ книгъ библейской исторiи, напр. „Плѣненiе града Iерусалима“, „Градъ Iерихонъ“, „Видѣнiе царя Константина“ и пр. Иногда содержанiе бралось изъ явленiй природы; такъ, въ 1680 году, мастеръ Иванъ Безминъ написалъ на полотнѣ въ въ 63 аршина на Верхъ государю „Лунное теченiе, солнце, мѣсяцъ, звѣзды“. „Парсуны“, или портреты писались на доскахъ или полотнѣ; въ царскихъ хоромахъ имѣлись только портреты особъ царскаго семейства или высшихъ духовныхъ лицъ и иноземныхъ государей. Портреты иногда писались съ натуры или, какъ тогда говорили, „съ живства“. Такъ были написаны портреты царей Алексѣя Михайловича, Өеодора Алексѣевича, царицы Марьи Ильи-

нишны и другіе. Въ хоромахъ царя Θеодора находился портретъ патріарха Іоакима въ святительской одеждѣ, а также портреты королей польскаго и французскаго. „Фряжскіе листы" соотвѣтствовали нашимъ нынѣшнимъ лубочнымъ картинамъ; ихъ называли „потѣшными нѣмецкими печатными листами"; ими торговали въ Москвѣ въ Овощномъ ряду. Во дворецъ ихъ покупали для государевыхъ дѣтей вмѣстѣ съ игрушками; малолѣтніе царевичи и царевны забавлялись этими листами, вмѣстѣ съ тѣмъ получали изъ нихъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ предметахъ естественной исторіи, географіи, всеобщей ис- и пр. Въ государевой комнатѣ по стѣнамъ висѣли еще чертежи, или географическія карты: „Чертежъ всего свѣта", „Чертежъ Индійскаго и иныхъ государствъ", также „Новый Сибирскій чертежъ", и другіе.

VI.

Употребленіе комнатныхъ часовъ — столовыхъ, стѣнныхъ, а также карманныхъ („воротныхъ", „зепныхъ".—потому что ихъ носили на цѣпочкахъ на вороту, въ „зепи", или карманѣ) относится, вѣроятно, еще къ пятнадцатому вѣку. Такіе часы были рѣдкостью въ Москвѣ, привозились иностранцами и стоили очень дорого. Государи получали часы въ даръ отъ иноземныхъ правителей; часы эти были самой разнообразной формы и самаго хитраго, затѣйливаго устройства; такъ, были часы съ „пересчасьемъ, (т. е., съ игрою), съ людьми, и трубами и съ органомъ; какъ часы забьютъ, то въ трубы и органъ заиграютъ люди, какъ живые"; были часы и съ будильникомъ.

Съ пятнадцатаго же вѣка существовали въ московскомъ дворцѣ и органы для дворцовыхъ увеселеній; вслѣдъ за ними появились и цимбалы, или клавикорды. При царскомъ дворѣ было много мастеровъ органнаго дѣла, которые исправляли старые инструменты и дѣлали новые.

Для храненія разныхъ вещей въ комнатахъ употреблялись скрыни (родъ небольшихъ комодовъ съ выдвижными ящиками), сундуки, погребцы, шкатуны и ларцы (для туалетныхъ вещей и разныхъ драгоцѣнностей), поставцы для посуды, которые представляли большіе ящики съ полками безъ дверецъ; они задергивались завѣсами суконными и шелковыми; на верхнихъ полкахъ ставилась мелкая, а на нижнихъ крупная серебряная посуда.

Посуда эта служила больше для украшеній комнатъ, чѣмъ для употребленія, и шла въ дѣло развѣ только по большимъ праздникамъ или при различныхъ семейныхъ торжествахъ; въ обыкновенное же время серебряная и вызолоченная посуда красовалась на поставцахъ. Тутъ обыкновенно стояли разнаго вида и объема блюда и тарели (торелки), иногда очень изящной рѣзной или чеканной работы, сулеи, братины, ковши, кубки, рассольники и т. д. На сосудахъ дѣлались различныя надписи, иногда вырѣзывались цѣлыя изрѣченія, напр.: „чарка добра человѣку, пить изъ нея на здравіе“, и т. п. Кромѣ металлической посуды въ XVI и XVII вѣкахъ встрѣчаются сосуды изъ камня: агатовые, сердоликовые, изъ горнаго хрусталя. Входила въ обычай понемногу и стеклянная посуда, преимущественно цвѣтного стекла. Всѣ эти драгоцѣнности были показныя, служили только украшеніемъ покоевъ и развѣ только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ употреблялись въ дѣло. Встрѣчались даже вещи, вовсе неудобныя для этого: въ Москвѣ, въ Оружейной Палатѣ, и теперь хранится, напримѣръ, серебряный кубокъ Ивана Васильевича Грознаго въ сажень вышиной и въ пудъ и восемь фунтовъ вѣсомъ. Для украшенія же покоевъ клались на поставцы и разныя драгоцѣнныя бездѣлушки: серебряныя яблочки, костяной городокъ съ башнями, сосуды въ видѣ лошади, пѣтуха, челнока и пр. Всѣ эти поставцы, скрыни, ларцы и пр. дѣлались изъ дерева, украшались рѣзьбой и раскрашивались яркими красками, или же просто чернились въ глянсъ, т. е., полировались.

Вечеромъ большія пріемныя палаты освѣщались паникадилами и стѣнными подсвѣчниками, или „шенданами“, которые висѣли въ простѣнкахъ между оконъ. Паникадила были деревянныя, серебряныя, хрустальныя и слоновой кости. Вмѣсто пани-

кадильнаго яблока, на которомъ утверждались подсвѣчники, иногда дѣлали какое либо изображеніе, напр: змѣи, головы какого нибудь животнаго: вола, лося, коня и т. п. Паникадила висѣли на цѣпяхъ или веревкахъ, обтянутыхъ краснымъ бархатомъ. Стѣнные подсвѣчники, или шенданы, были серебряные и употреблялись только въ парадныхъ случаяхъ; они были изящной заграничной работы; цари московскіе получали ихъ въ даръ отъ иноземныхъ государей и пословъ. Въ обыкновенное будничное время постельныя хоромы освѣщались фонарями, сдѣланными изъ слюды; на столы подавались малые столовые шенданы, серебряные, мѣдные, деревянные и пр.; по ночамъ горѣли мѣдные „ношники“. Во всѣхъ хоромахъ дворца, въ концѣ семнадцатаго вѣка, выходило восковыхъ свѣчей до 900 пудовъ въ годъ, по 4 рубля за пудъ.

Чтобы придать воздуху въ комнатахъ пріятный запахъ, употреблялись различныя куренья изъ благотвонныхъ составовъ и рѣдкихъ ароматовъ; курили на жаровняхъ серебряныхъ и мѣдныхъ.

За чистотою во дворцѣ наблюдала Истопничья Палата; кромѣ ежедневной уборки, разъ въ годъ, именно передъ Пасхой, происходила уборка и чистка повсемѣстная: мыли полы, стѣны, потолки, промывали живопись, выбивали пыль, производили починки попорченнаго и, что нужно, возобновляли, и проч.

Теперь сдѣлаемъ краткій частный обзоръ нѣкоторыхъ дворцовыхъ комнатъ.

Пріемною комнатою была Передняя; главнымъ предметомъ ея убранства было большое кресло, или царское „мѣсто“, стоявшее въ переднемъ углу; здѣсь были еще только лавки по стѣнамъ, на которыя садились гости по старшинству, болѣе почетные ближе къ царскому мѣсту; высшему духовенству подавали также особое кресло.

Большую часть дня государь проводилъ въ своемъ кабинетѣ, или собственно „Комнатѣ“. Здѣсь въ переднемъ углу подъ образами стоялъ столъ, покрытый краснымъ сукномъ; на немъ лежали разные предметы, необходимые для письменныхъ занятій, разныя бумаги и книги, а также стояли часы. Письменный приборъ заключался въ чернильницѣ, обыкновенно серебряной, съ песочницею и съ трубкой, гдѣ мочились перья. Перья государь употреблялъ лебяжьи; кромѣ того были перья съ карандашами для записыванья въ книжкахъ пергаментныхъ, съ грифелями для записыванія въ книжкахъ „каменныхъ“, или на грифельныхъ доскахъ. Передъ столомъ стояло кресло. У стѣнъ комнаты, тамъ, гдѣ не было лавокъ, стояли поставцы, шкафы съ полками и выдвижными ящиками, въ которыхъ сохранялись бумаги письма, книги и разныя вещи, преимущественно же дорогая посуда замысловатой формы и изящной работы. Особенно затѣйливые поставцы были у царевенъ и царевичей, наполненные массой разнообразныхъ серебряныхъ игрушекъ, напр., корабликовъ, животныхъ, птицъ и пр. Почти въ каждомъ жиломъ помѣщеніи дворца находились комнатныя птицы: попугаи, канарейки, соловьи, перепелки, снигири, щеглы и другія. Попугаи впервые были привезены въ Москву въ концѣ пятнадцатаго столѣтія; ихъ привозили иноземные послы и купцы; въ семнадцатомъ столѣтіи ихъ можно было уже купить въ Москвѣ въ Охотномъ ряду, вмѣстѣ съ другими заморскими птицами, напр., канарейками. Канарейки въ то время стоили по 6 и 8 руб. за штуку, цѣна очень значительная по тому времени. Клѣтки съ попугаями и другими птицами висѣли на блокахъ, по которымъ онѣ подымались и спускались.

Утреннія и вечернія молитвы совершались въ Крестовой, или Моленной комнатѣ; здѣсь же совершались иногда и церковныя службы: часы, ве-

черни, всенощныя. Крестовая вся была убрана иконами и разною святынею. Одна стѣна ея сплошь была занята иконостасомъ въ нѣсколько ярусовъ. Нижній ярусъ занимали иконы „мѣстныя“, называвшіяся такъ потому, что онѣ ставились въ особо устроенныхъ мѣстахъ въ родѣ кіотовъ; къ нимъ принадлежали иконы особенно почему либо чтимыя, какъ то: иконы тезоименитыхъ ангеловъ, иконы благословенныя отъ родителей, списки иконъ, прославленныхъ чудесами, исцѣленіями, ковчежцы со св. мощами и пр. Мѣстныя иконы, кромѣ богатыхъ золотыхъ и серебряныхъ окладовъ съ каменьями, украшались различными привѣсками, т. е., крестами, серьгами, кольцами и пр.; внизу иконъ подвѣшивались пелены шелковыя, шитыя золотомъ, низанныя жемчугомъ. На другихъ стѣнахъ Крестовой, надъ окнами и надъ дверьми, ставились иконы въ малыхъ иконостасцахъ, или кіотахъ. Иконопись на Руси считалось священнымъ занятіемъ и находилась подъ непосредственнымъ надзоромъ церковныхъ властей. Подробныя свѣдѣнія о томъ, какъ изображать священныя лица и событія, соотвѣтственно преданіямъ и обычаямъ церкви, тщательно передавались отъ мастеровъ ученикамъ, отъ одного поколѣнія къ другому. Рукописные сборники такихъ свѣдѣній извѣстны подъ именемъ „подлинниковъ“. Такимъ образомъ русская иконопись должна была ограничиться однимъ подражаніемъ, или, такъ называемыми „переводами“; но за то она сохранила строгій византійскій (греческій) стиль, т. е., древнѣйшій стиль христіанскаго искусства. По нѣкоторымъ различіямъ во внѣшнихъ пріемахъ, или „пошибахъ“, ее дѣлятъ на три главныя письма или школы: Новгородское, Строгановское и Московское. Иконы Новгородскаго письма сохранились преимуществено въ старинныхъ церквахъ Новгородской области; до шестнадцатаго столѣтія онѣ ближе

другихъ удержали византійскій стиль. Строгановская школа, получившая названіе отъ своихъ покровителей богатыхъ купцовъ Строгановыхъ, распространилась въ сѣверовосточныхъ городахъ; иконы этой школы, сравнительно съ другими, отличаются красотою отдѣлки и большою живостью красокъ. Представителемъ Московской школы является монахъ Троицкой Лавры Андрей Рублевъ, въ пятнадцатомъ вѣкѣ. Впослѣдствіи въ Москвѣ образуется школа „царскихъ“ иконописцевъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи Оружейнаго приказа. Во второй половинѣ семнадцатаго вѣка начальнымъ лицомъ этой школы былъ извѣстный Симонъ Ушаковъ. Такъ какъ въ Москву постоянно вызывались лучшіе иконники, то здѣсь постепенно сглаживалось различіе между пошибами; притомъ московская иконопись подвергалась нѣкоторому вліянію иностранныхъ мастеровъ, которыхъ выписывали изъ-за-границы цари Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ. Появляется, такъ называемое, „Фряжское“ письмо, составляющее переходъ отъ иконописи къ живописи.

Кромѣ иконъ въ Крестовой сохранялись и другіе священные предметы, приносимые изъ мѣстныхъ монастырей или изъ Святой Земли паломниками. Отъ святыхъ мѣстъ сохранялись: „змирно, ливанъ, мѣры Гроба Господня, свѣчи воску яраго“, которыя зажжены были отъ огня небеснаго, нисходящаго на Гробъ Господень въ день Пасхи, и погашены вскорѣ, дабы хранить ихъ какъ, святыню. Изъ мѣстныхъ монастырей и храмовъ приносилась во дворецъ св. вода въ „вощанкахъ“, т. е., сосудахъ изъ воска а также и освященные чудотворные монастырскіе меды; въ праздничные дни эта святыня благоговѣйно употреблялась на здравіе тѣлу и на спасеніе души. Иконы и различная святыня, приносимая время отъ времени государю и членамъ его семьи, изъ Крестовой передавалась въ Образную Палату, гдѣ ея

скапливалось огромное количество; такъ, въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича въ Образной Палатѣ хранилось такихъ подносныхъ иконъ болѣе 8,200, въ серебряныхъ окладахъ и писанныхъ на золотѣ и на краскахъ; здѣсь же сохранялась церковная утварь, золотые кресты, панагіи, складни, ковчежцы со святыми мощами и пр. Передъ иконами, по обычаю, теплились неугасимыя лампады, а во время службъ и молитвъ горѣли восковыя свѣчи; въ обыкновенное время свѣчи горѣли простыя, а по праздникамъ, особенно на Святой, фигурныя— зеленыя и красныя. Передъ иконостасомъ стояли книжные налои для чтенія; они были глухіе и разгибные и украшены рѣзьбой, золоченьемъ и расписаны красками. При поклонахъ употреблялись поклонныя скамейки, обитыя краснымъ сукномъ; на эти скамейки клались земные поклоны. Во время молитвы употреблялись четки и лѣстовицы, или „лѣсенки", по которымъ кладутся поклоны. Лѣстовицы были обыкновенно ременныя, а иногда костяныя, набранныя по атласу. Четки снизывались изъ зеренъ деревянныхъ, костяныхъ, янтарныхъ, каменныхъ и пр., на шелковыхъ шнуркахъ. Богатыя четки изъ разныхъ камней привозились изъ-за-границы.

Когда оканчивалась молитва или служба, то иконы задергивались тафтяными завѣсами на колечкахъ. При крестовыхъ комнатахъ состояли на царскомъ жалованьѣ особые „крестовые" попы и дьяки которые обязаны были „служить у крестовъ" понедѣльно, или же безперемѣнно.

Въ Постельной, или спальной комнатѣ главнымъ предметомъ убранства была „постеля", т. е., кровать. Кровать устраивалась на четырехъ столбикахъ, аршина въ три вышиною, которые назывались „сохами"; въ эти сохи вставляли брусья и настилали доски для постели; вверху въ сохи также

вставляли четыре бруска для устройства „неба“, или „подволоки“, т. е., верхней покрышки. „Небо“ дѣлалось изъ камки, а съ верхнихъ брусьевъ, составлявшихъ „небо“ спускались завѣсы камчатныя съ бахрамой. Столбы были точеные, съ яблоками на верху, а „небо“ увѣнчивалось короной. Всѣ деревянныя части кровати золотились, серебрились, расписывались красками и украшались рѣзьбой. Кромѣ золоченья и раскраски кровати украшались иногда живописью въ изголовьѣ и на подволокѣ; на послѣдней утверждалось иногда зеркало. На кровать клался сперва „бумажникъ“, или тюфякъ изъ хлопчатой бумаги, потомъ постель пуховая, затѣмъ „взголовье“ пуховое (длинная подушка во всю ширину постели), наконецъ подушки большія и малыя; наволоки на нихъ были изъ тафты или атласа. Одѣяла были также атласныя на тафтяной подкладкѣ. Передъ постелью лежалъ большой цвѣтной коверъ. Особенно богато убирались постели парадныя, которыя выставлялись по случаю семейныхъ празднествъ: свадебъ, родинъ, крестинъ; онѣ до этихъ случаевъ сохранялись обыкновенно въ казнѣ государевой. Въ переднемъ углу спальной стояли „поклонный“ крестъ и икона; небольшая икона или крестъ ставились также и надъ входными дверями; другихъ иконъ здѣсь не было. Въ Постельной комнатѣ хранилось необходимое бѣлье и разныя мелкія принадлежности туалета. Бѣлье сохранялось всегда въ кипарисныхъ сундукахъ за собственной печатью государя или царицы, печать для вскрытія сундука отдавалась самому довѣренному лицу, но обыкновенно въ такой сундукъ ходила сама государыня; самый сундукъ всегда одѣвался суконнымъ чехломъ. Всѣ уборныя принадлежности сохранялись въ сундучкахъ, скрыняхъ, ящикахъ, ларцахъ, или шкатунахъ. До половины семнадцатаго вѣка стѣнныя зеркала не были еще въ большомъ употребле-

нiи; обыкновенно употреблялись небольшiя ручныя зеркала, хранившiяся въ особыхъ ларцахъ съ гребнями; рамки у этихъ зеркалъ были деревянныя золоченыя или обтянутыя бархатомъ и золоченой кожей; устраивали ихъ въ видѣ складней съ затворками. Гребни и гребенки вырѣзывались изъ слоновой кости или изъ рыбьяго зуба (моржевыхъ клыковъ); иногда они украшались сквозною рѣзьбой; при гребняхъ употреблялись также щетки, оправленныя серебромъ. Къ уборнымъ принадлежностямъ нужно отнести еще мыло и духи, изготовлявшiеся изъ благовонныхъ веществъ въ царской аптекѣ или привозившiеся изъ-за-границы. Другiя принадлежности убора: бритвы, ножницы, зубочистки, уховертки, щипцы и пр. сохранялись въ „готовальняхъ" „связкахъ" или въ особыхъ ящикахъ. Къ уборнымъ предметамъ относится еще опахало; оно устраивалось изъ павлиньихъ и страусовыхъ перьевъ, или было сгибное изъ атласа и пергамента (кожи); въ серединѣ опахала обыкновенно вставлялось зеркало. Въ спальной комнатѣ ставились также будильники или часы съ будильникомъ, украшенные разными фигурами.

Изъ постельной комнаты сѣни вели въ Мыленку, помѣщавшуюся или въ подклѣтахъ, или въ одномъ этажѣ съ жилыми комнатами. Сѣни передъ мыленкой назывались „мовными", „мыленными"; онѣ служили передбанникомъ; по стѣнамъ здѣсь стояли лавки и столъ, покрытый краснымъ сукномъ. Внутри мыленки, въ углу, стояла большая изразцовая печь съ каменкой, наполненной камнемъ; отъ печи по стѣнѣ, до другого угла, шелъ полокъ съ широкими ступенями; по стѣнамъ тянулись лавки. Мыленка освѣщалась окнами со слюдяными оконницами; окна завѣшивались суконными или тафтяными завѣсами. Посреди мыленки стояли два чана съ холодной и теплой водой; ведра и шайки были липовыя; квасъ

1) Кубокъ. 2) Стопа. 3) Кружка. 4) Ковшъ.
5) Рассольникъ. 6) Чарка.

Дозв. ценз. Спб., 26 марта 1893 г. Тип. Трунова. Спб.

Стрѣльцы.

Рынды.

Дозв. ценз. Спб., 26 марта 1893 г.

Тип. Трунова. Спб.

которымъ обливались, когда начинали париться, держали въ берестяныхъ буракахъ, а щелокъ—въ мѣдныхъ луженыхъ тазахъ. Иногда квасомъ поддавали пару, но чаще для этого употребляли „ячное“ пиво. Мылись на свѣжемъ, душистомъ сѣнѣ, которое покрывали, для удобства, полотномъ; на лавкахъ и полкахъ клались пучки душистыхъ травъ и цвѣтовъ, на полу разбрасывался мелко изрубленный можжевельникъ; все это вмѣстѣ издавало пріятный запахъ. Парились вѣниками, составлявшими одну изъ самыхъ необходимыхъ вещей въ мыленкахъ. Для отдыха послѣ мытья и парки въ мыленкѣ стояли скамьи съ подголовками, а на лавкахъ клались иногда „мовныя“ постели изъ лебяжьяго и гусинаго пуху, въ камчатной наволокѣ. Въ ночное время мыленка и мовныя сѣни освѣщались слюдяными фонарями. Ненужная вода отводилась изъ мыленки посредствомъ желобовъ.

VII.

Мы уже видѣли, что обращеніе князей съ народомъ было въ древности самое простое: всякій, кому надо было, могъ свободно придти къ князю въ теремъ. Такъ продолжалось до конца пятнадцатаго столѣтія. Но со времени женитьбы великаго князя Ивана Васильевича III на греческой царевнѣ Софьѣ Ѳоминишнѣ, дворъ получилъ новое устройство, установлены были новые придворные обычаи и торжественные обряды. Пышная, великолѣпная обстановка царскаго сана утвердилась окончательно при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ.

Особенный почетъ, воздаваемый царскому величеству, требовалъ, чтобы ко двору приходили пѣшкомъ, оставляя лошадей и экипажи на извѣстномъ разстояніи отъ дворца; низшіе чиновники не могли въѣзжать даже въ Кремль, а входили въ него пѣшкомъ. Бояринъ, въѣхавшій на царскій дворъ, заключался въ тюрьму и лишался даже чести, т. е., боярскаго сана. Простой народъ, еще издали завидя царское жилище, благоговѣйно снималъ свою шапку, воздавая честь мѣстопребыванію государя.

Правомъ свободнаго входа во дворецъ пользовались одни только придворные чины; но и для тѣхъ, смотря по значенію каждаго, существовали извѣстныя границы. Не во всякое отдѣленіе дворца могли свободно входить всѣ, пріѣзжавшие на государевъ дворъ. Бояре, окольничіе, думные и ближніе люди пользовались въ этомъ отношеніи большими преимуществами: они могли прямо входить даже на Верхъ, т. е. покоевыя, или жилыя хоромы госу-

даря. Здѣсь по обыкновенію они собирались каждый день въ Передней и ожидали царскаго выхода изъ внутреннихъ комнатъ. Ближніе бояре, „уждавъ время“, входили даже въ Комнату, или кабинетъ царскій. Для прочихъ же чиновниковъ государевыхъ Верхъ былъ совершенно недоступенъ. Стольники, стряпчіе, дворяне, стрѣлецкіе полковники и головы, дьяки и иные служилые чины собирались обыкновенно на Постельномъ Крыльцѣ, которое было единственнымъ мѣстомъ во дворцѣ, куда они могли приходить во всякое время съ полною свободой; отсюда имъ дозволялось входить въ нѣкоторыя палаты, прилегавшія къ Постельному Крыльцу. Низшіе чиновники не смѣли входить даже и на Постельное Крыльцо. Если кто-нибудь попадалъ нечаянно и по незнанію на царскій дворъ и особенно во внутреннія постельныя отдѣленія, того хватали, допрашивали, а иногда подвергали даже пыткѣ. Люди, не принадлежавшіе къ дворцовому и служилому сословію, приходя ко дворцу по какому-либо дѣлу, оставались на нижнихъ площадкахъ, у лѣстницъ. Всѣ челобидчики, приходившіе съ просьбами на государево имя, стояли на площади передъ Краснымъ Крыльцомъ и дожидались выхода думныхъ дьяковъ, которые принимали здѣсь челобитныя и передавали ихъ въ Боярскую Думу.

Никто не смѣлъ являться во дворецъ съ какимъ бы то ни было оружіемъ; даже иностранные послы и ихъ свита далжны были снимать его при входѣ въ пріемную залу. Строго запрещалось также приходить на дворецъ въ болѣзняхъ или изъ домовъ, въ которыхъ были больные лихорадкой, оспой или другими тяжкими болѣзнями. Также строго запрещалось произносить на царскомъ дворцѣ непристойныя слова и ругаться съ кѣмъ-либо; виновникъ заключался въ тюрьму.

Днемъ и ночью дворецъ охранялся постоянной,

бдительной стражей. Внутри дворца она состояла изъ стольниковъ, стряпчихъ, жильцовъ и пр., а у дворцовыхъ воротъ и въ другихъ мѣстахъ находились постоянные стрѣлецкіе караулы, въ числѣ до 500 человѣкъ, подъ начальствомъ полковника и десяти капитановъ.

Съ новымъ устройствомъ двора нѣкоторыя отдѣленія государева дворца получили въ шестнадцатомъ столѣтіи особое значеніе. Первое мѣсто принадлежало Грановитой Палатѣ, самой обширной и великолѣпной, гдѣ государь являлся во всемъ блескѣ своего царскаго величія, столь изумлявшаго иностранцевъ. Здѣсь происходили торжественные пріемы пословъ и давались пиршества въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ: при вѣнчаніи на царство, при бракахъ, родинахъ, крестинахъ и пр. Для царицы и дѣтей государевыхъ вверху Грановитой Палаты былъ устроенъ тайникъ, или смотрильная палатка; отсюда царица, царевичи и царевны смотрѣли на великолѣпныя церемоніи, происходившія въ Палатѣ.

Въ Грановитой же Палатѣ происходили и великіе Земскіе Соборы.

Средняя Золотая Палата служила обыкновенною пріемной залой, гдѣ съ меньшею торжественностью представлялись государю патріархъ, архіереи, бояре и прочіе сановники. Въ концѣ семнадцатаго вѣка здѣсь происходили засѣданія Боярской Думы.

Меньшая Золотая, или Царицына Палата была пріемною залою царицъ. Здѣсь происходили преимущественно семейныя торжества, родинныя, крестинныя, пріемъ патріарха, духовенства и бояръ, являвшихся поздравлять государя по случаю рожденія и крещенія дѣтей. Въ Свѣтлое Христово Воскресенье, послѣ заутрени, государь, сопутствуемый духовенствомъ и боярами, приходилъ въ эту палату христосоваться съ царицей. Здѣсь же царица принимала

въ праздничные дни поздравленія духовенства и боярынь.

Въ Столовой Палатѣ, или Избѣ, давались государевы чиновные столы; иногда государь жаловалъ здѣсь бояръ и ближнихъ людей именинными пирогами. Накануне Рождества Христова и Крещенія государь слушалъ въ Столовой церковныя службы: царскіе часы, вечерню и всенощную.

Въ Панихидной, или Сборной Палатѣ, давались панихидные столы патріарху и духовнымъ властямъ, что называлось также большими „сборами“. По очень древнему обычаю за этими столами государь передъ владыкой стоялъ и изъ собственныхъ рукъ угощалъ его.

Въ Отвѣтной, или Посольской Палатѣ, происходили переговоры бояръ съ иноземными послами, что вообще называлось „отвѣтомъ“. Въ ней, какъ и въ Грановитой, устроенъ былъ тайникъ, тайное окошко, изъ котораго государь слушалъ иногда посольскія совѣщанія.

Изъ жилыхъ хоромъ важное значеніе въ царскомъ быту имѣли Передняя и Комната. Въ Передней собирались каждый день всѣ бояре, окольничіе, думные и ближніе люди; они являлись по утрамъ и послѣ обѣда. Здѣсь они дожидались царскаго выхода; въ Комнату могли входить самые ближніе бояре. При выходѣ государя всѣ кланялись ему въ землю, что и называлось „бить челомъ“. Государь выходилъ въ тафьѣ, или шапкѣ, которой никогда не снималъ. Послѣ пріема, въ сопровожденіи всѣхъ бояръ, государь шелъ къ обѣднѣ, послѣ которой въ Передней начиналось засѣданіе Боярской Думы, обыкновенно въ присутствіи государя. Засѣданіе Думы происходили иногда и въ Комнатѣ. Въ 1682 году, 12 января, въ теремныхъ покояхъ происходилъ знаменитый соборъ объ уничтоженіи мѣстничества.

Мѣстничествомъ назывался древній обычай бояръ, укоренившійся въ Московскомъ государствѣ, считаться знатностью рода при занятіи мѣста въ войскѣ, въ областномъ управленіи, въ придворныхъ церемоніяхъ, за царскимъ столомъ и пр. Подобный обычай подавалъ поводъ къ безпрестаннымъ спорамъ и жалобамъ и особенно вредилъ военному дѣлу, потому что приходилось назначать главными воеводами людей не самыхъ способныхъ, а самыхъ знатныхъ. Этотъ обычай получилъ начало съ того времени, какъ удѣльные князья стали вступать на службу великихъ князей Московскихъ. Древніе княжескіе роды старались занимать мѣста выше боярскихъ, а боярскіе старые роды выше молодыхъ. Назначаетъ царь боярина въ какую-нибудь должность, приходится служить подъ началомъ другого сановника; если этотъ послѣдній болѣе знатнаго рода, то первый служитъ безо всякой опаски,—порухи своему роду онъ тѣмъ не причиняетъ. Но бѣда, если начальникъ, хотя бы заслуженный и способный сановникъ, не высокъ родомъ своимъ: болѣе родовитому человѣку подчиняться такому начальнику значило, по тогдашнимъ понятіямъ, уронить честь своего рода, поставить его ниже рода своего начальника и дать право всѣмъ родичамъ и потомкамъ послѣдняго, ссылаясь на этотъ случай, считать себя выше, знатнѣе родичей и потомковъ перваго. Такая поруха родовой чести, по родовымъ понятіямъ, считалась непростительнымъ преступленіемъ. Вотъ почему въ старину русскій знатный человѣкъ, безпрекословно повиновавшійся государю, считавшій себя холопомъ его, выказывалъ полное неповиновеніе, когда дѣло шло о томъ, чтобы унизить свой родъ, занять мѣсто ниже человѣка менѣе родовитаго; готовъ былъ скорѣе пойти въ тюрьму, подвергнуться батогамъ, кнуту, лишиться имѣній, чѣмъ причинить безчестіе всему своему роду. Уро-

нить достоинство своего рода значило на вѣки опозорить себя не только въ глазахъ всѣхъ своихъ родичей, но и въ глазахъ всѣхъ порядочныхъ людей. Московскіе государи, конечно, и сами сообразовались при различныхъ назначеніяхъ мѣстъ со степенью родовитости, но не всегда же можно было соблюсти всѣ тонкости родословія, а иногда приходилось же давать предпочтеніе таланту передъ породой, и вотъ тогда-то возникалъ вопросъ для человѣка, стоявшаго за свою родовитость, какъ быть: подчиниться волѣ государя—значитъ уронить весь свой родъ, не подчиниться—значитъ навлечь на себя гнѣвъ государя, лично пострадать. Понятіе о родовой чести такъ высоко ставилось, что почти всѣ избирали послѣднее. Раньше, пока еще существовали удѣлы, для служилаго боярина былъ исходъ, если казалось ему, что государь жаловалъ его не по роду,—тогда можно было отъѣхать на службу къ другому князю; вотъ почему бояре такъ и дорожили въ старину правомъ свободнаго отъѣзда. Но времена эти миновали: удѣловъ не стало, Русская земля сплотилась около Москвы, а здѣсь, въ Москвѣ, около государя, столпились многочисленные бояре; среди нихъ были и князья Рюриковой крови, и заѣзжіе потомки татарскихъ князьковъ, и разные выходцы изъ западной Европы,—всѣ они изо всѣхъ силъ стараются обратить на себя вниманіе государя, стать къ нему ближе, подняться выше другихъ,—тутъ ужъ родовой гордости пришлось выносить частые и тяжкіе удары. Русскихъ родовитыхъ бояръ не оскорбляло возвышеніе разныхъ заѣзжихъ иноземныхъ бояръ,—съ ними нельзя было считаться родовитостью: какъ провѣрить ихъ происхожденіе?—Быть можетъ они и очень родовиты. Иное дѣло свои боярскіе роды: хотя они и сильно разрослись и развѣтвились, но все таки можно, хотя и съ большимъ трудомъ, разобраться, какой изъ

нихъ старше. И вотъ тутъ, въ средѣ русскихъ бояръ, и начинаются безконечные споры изъ за старшинства при назначенiи на разныя мѣста. Приходится, напр., царю послать кого-либо посломъ, или на войну, или назначить въ приказъ, и надо дать ему въ товарищи или въ помощники другого, а этотъ послѣднiй по роду своему считаетъ себя равнымъ или знатнѣе перваго и начинается дѣло: одинъ не хочетъ быть подъ началомъ другого и ставитъ себѣ это въ позоръ и безчестье, а тотъ, въ свою очередь, считаетъ себя обиженнымъ этимъ заявленiемъ и подаетъ челобитье царю, жалуется на обиду, указываетъ, что отецъ обидчика, дѣдъ или прадѣдъ служилъ въ подчиненiи у его дѣда или прадѣда. Вотъ образчикъ подобныхъ челобитныхъ шестнадцатаго вѣка: „Государю князю Ивану Васильевичу Московскому бьетъ челомъ холопъ твой Васюкъ Зюзинъ: сказали, государь, быти у твоего государева дѣла передъ тобою, государемъ, въ окольничихъ Ѳедору Нагому да мнѣ, холопу твоему. Милостивый государь, покажи милость, пощади холопа твоего: ни дѣдъ, ни прадѣдъ мой въ Твери меньше дѣда и прадѣда Ѳедорова николи не бывалъ; сыщи, государь, милосердiемъ твоимъ, какъ тебя, государя, Богъ извѣститъ, а во всемъ воленъ Богъ, да ты, государь, какъ велишь холопу твоему; надежда вся на Бога, да на тебя, государя. Милостивый государь, покажи милость, смилуйся!“ Царь, по челобитью, приказываетъ сыскать въ разрядныхъ книгахъ, какой родъ честнѣе. Если окажется, что назначенный въ подчиненные равенъ или выше родомъ того, съ кѣмъ приходится служить, то назначаетъ другого, менѣе родовитаго, а если ниже, то приказываетъ служить безъ упорства. Если же и послѣ справки онъ будетъ упрямиться, то за ослушанiе его сажаютъ въ тюрьму или подвергаютъ другому наказанiю. Мѣстническiе счеты особенно

усилились съ того времени, когда среди родовитыхъ русскихъ бояръ стали появляться „худородные" люди, жалованные бояре, получившіе санъ благодаря своимъ дарованіямъ да царской милости,— такіе, какъ Ординъ-Нащокинъ или Матвѣевъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Назначаетъ, напримѣръ, государь Аѳанасія Лаврентьевича Нащокина вести переговоры съ польскими послами, а въ товарищахъ у него велитъ быть стольнику Матвѣю Пушкину, а тотъ бьетъ челомъ, что ему, Пушкину, меньше Аѳанасья быть невмѣстно. Нащокинъ, въ свою очередь, жалуется царю, что Пушкинъ бьетъ челомъ не дѣломъ. Государь приказываетъ Пушкину служить, какъ велѣно, но тотъ упорствуетъ. Дѣло кончается тѣмъ, что государь посылаетъ ослушника въ тюрьму и велитъ ему сказать, что отъ него отпишутъ вотчины и помѣстья, если онъ не покорится; но Пушкинъ стоитъ на своемъ:

„Отнюдь тому не бывать! Хотя вели, государь, казнить смертію, Нащокинъ передо мной человѣкъ молодой и неродословный".

На этотъ разъ ослушникъ, по родовымъ понятіямъ, былъ правъ, и потому ослушаніе не имѣло для него особенно печальныхъ послѣдствій. Если же случалось, что упрямецъ, оказавшись по сыску неправымъ, продолжалъ упорствовать, то подвергался, по усмотрѣнію государя, суровому наказанію: долгому заключенію въ тюрьмѣ, битью батогами, лишенію помѣстій и ссылкѣ въ Сибирь.

Сверхъ того существовалъ любопытный обрядъ „выдачи головою" виновнаго его противнику за безчестье. Обрядъ этотъ, по разсказу Котошихина, производился такимъ образомъ. Тотъ, кому выдавали головой виновнаго, въ назначенный день долженъ былъ быть дома, и ждать своего обидчика. Отсылался же онъ съ дьякомъ или подъячимъ; при-

става, взявъ его за руки, вели по городу, а на лошадь садиться не давали (идти пѣшкомъ для боярина считалось уже униженіемъ). Когда же приводили во дворъ къ обиженному боярину, то ставили приведеннаго у нижняго крыльца и дьякъ или подъячій приказывалъ извѣстить о своемъ приходѣ хозяина. Когда тотъ выходилъ на крыльцо, дьякъ говорилъ ему:

„Великій государь указалъ, а бояре приговорили того человѣка, который съ тобой быти не хотѣлъ, за его боярское безчестье отвесть къ тебѣ головой".

Въ отвѣтъ на это бояринъ, которому государь оказывалъ такую честь, кланялся и приказывалъ отпустить противника своего домой, причемъ ему не позволялось сѣсть во дворѣ на коня.

Нерѣдко случалось, по словамъ Котошихина, что выдаваемый головой, идучи отъ царскаго двора до двора своего противника и даже стоя передъ нимъ, „лаетъ и безчеститъ его всякою бранью, а тотъ за его злыя, лайчивыя слова ничего не чинитъ и не смѣетъ, потому что того человѣка присылаетъ царь за его безчестье, желая почтить оскорбленнаго боярина, а не для того, чтобы посланный подвергся побоямъ или увѣчью". Если бы это случилось, то виновный въ насиліи понесъ бы двойное наказаніе, потому что онъ своимъ поступкомъ оскорбляетъ не своего противника, а какъ бы самого царя.

Дьяка или подъячаго, производившаго выдачу головой, бояринъ, почтенный царской милостью, щедро одаривалъ подарками, а на другой день ѣхалъ благодарить самого государя.

Мѣстничество сказывалось не только при полученіи служебныхъ мѣстъ, но во всѣхъ возможныхъ случаяхъ: въ засѣданіи Думы, за царскимъ столомъ, въ процессіяхъ. Въ Думѣ, по словамъ Ко-

тошихина, думные люди „садятся по роду своему и по чести, кто кого честнѣе породою, а не потому, кто кого старѣе въ чинѣ“; такъ что пожалуетъ царь, напр. какого-нибудь родовитаго человѣка, хотя бы и молодого, въ думные бояре, онъ въ тотъ же день „по своей породѣ“ займетъ въ Думѣ мѣсто выше, т. е. ближе къ царю, чѣмъ многіе бояре, престарѣлые и заслуженные, но менѣе родовитые. Также садятся и за царскимъ столомъ. Царскіе родичи по женѣ часто у царя за обѣдомъ не бываютъ, потому что имъ ниже другихъ бояръ сидѣть стыдно, а выше не могутъ, „потому что породою не высоки“. Забавные случаи происходили иногда за царскимъ столомъ. Станутъ разсаживаться приглашенные по мѣстамъ и случится, кому-нибудь сидѣть ниже лица, съ которымъ онъ породою равенъ или даже честнѣе. Тутъ ужъ и царская милость—не въ милость! И вотъ опасающійся учинить поруху своему роду подъ разными предлогами старается уклониться отъ стола, проситъ царя отпустить его домой или въ гости, и царь отпускаетъ; а если какъ нибудь провѣдаетъ, что кто-либо просится обманомъ, не желая сидѣть ниже другого, такому велитъ остаться и сидѣть за столомъ, подъ кѣмъ придется; но тотъ не садится, бьетъ челомъ царю, чтобъ онъ не безчестилъ его, что „родъ его съ тѣмъ родомъ, подъ которымъ велятъ сидѣть, не бывалъ“. Царь приказываетъ насильно посадить ослушника, а онъ посадить себя не даетъ, и того, ниже котораго приходится сидѣть, „безчеститъ и лаетъ“. Когда же его посадятъ силою, онъ не сидитъ, выбивается изъ за стола вонъ; его не пускаютъ и уговариваютъ не гнѣвить царя, а онъ кричитъ:

„Хотя царь велитъ мнѣ голову отсѣчь, мнѣ подъ тѣмъ не сидѣть“!

И спустится подъ столъ. Тогда царь прикажетъ

вывести его вонъ, послать въ тюрьму, или до указу „къ себѣ на очи пускать не велитъ"; а послѣ того за то ослушаніе отнимается у ослушника честь, боярство или окольничество и думное дворянство.

Постоянные мѣстническіе споры очень тяготили правительство: приходилось для рѣшенія ихъ разбираться въ запутанныхъ родословныхъ, наводить справки въ разрядныхъ книгахъ, разсматривать мѣстническія дѣла въ Боярской Думѣ. Мѣстничество начало уже проявляться и среди близкихъ родичей; такъ, въ 1652 году князь Григорій Ромодановскій билъ челомъ на племянника своего Юрія, что ему съ нимъ быть невмѣстно. „Онъ мнѣ въ роду въ равенствѣ", заявлялъ онъ; а князь Юрій жаловался на дядю: „хотя онъ мнѣ по родству—дядя, но можно ему со мною быть, потому что у отца своего онъ—осьмой сынъ, а я у своего отца—первый сынъ и дѣдъ мой отцу его—большой братъ". Дѣло дошло до того, что и дьяки стали мѣстничаться: дьякъ одного приказа не хотѣлъ сидѣть ниже другого дьяка, такъ какъ считалъ свой приказъ выше того, гдѣ служилъ второй. Много неурядицъ въ дѣлахъ проистекало отъ мѣстничества; но нигдѣ такъ не вредило оно, какъ въ военномъ дѣлѣ: приходилось назначать военачальниковъ не по уму, а по роду; случалось, что начальствующія лица не ладили между собою изъ-за мѣста и больше думали о своихъ родовыхъ счетахъ, чѣмъ о пользѣ дѣла, а на войнѣ болѣе, чѣмъ гдѣ либо требуется единонушіе.

Правда, у государей было средство обходить родовую спѣсь: они объявляли въ извѣстныхъ случаяхъ, что „боярамъ быть безъ мѣстъ"; это значило, что высшей властью устранялись на этотъ разъ какіе бы то ни было родовые счеты, и что подчиненіе начальникамъ никакого безчестія роду подчиненныхъ не наносило, и первые даже не имѣли

права въ будущемъ ссылаться на свое преимущество надъ послѣдними въ этомъ случаѣ.

Со времени Ивана Васильевича Грознаго объявленіе службы „безъ мѣстъ“—встрѣчается все чаще и чаще. Въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича это уже вошло въ обычай; теперь оставалось только разъ навсегда обратить обычай въ законъ. Это и сдѣлано было при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ.

Изъ именитыхъ бояръ въ то время самымъ виднымъ по уму и самымъ образованнымъ былъ молодой князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Ему указалъ государь вѣдать ратныя дѣла, и поручено было съ нѣсколькими лицами, выборными изъ военнаго люда, обсудить, какія перемѣны надо сдѣлать въ военномъ строѣ, чтобы поднять его, а то „непріятели показали новые въ ратныхъ дѣлахъ вымыслы“, и потому „надобно сдѣлать въ государскихъ ратяхъ разсмотрѣніе и лучшее устроеніе, чтобы имѣть имъ въ воинскія времена противъ непріятелей пристойную осторожность и охраненіе, и чтобы прежде бывшее воинское устроеніе, которое показалось на бояхъ не прибыльно, перемѣнить на лучшее“.

Выборные нашли, что служилыхъ людей надо росписать по ротамъ, какъ въ иноземныхъ отрядахъ, въ ротмистры и поручики назначать изъ стольниковъ, дворянъ и пр., чтобъ были между собой безъ мѣстъ и безъ подбора, въ какомъ чинѣ великій государь укажетъ, и просили государя:

„Для совершенной въ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ прибыли и лучшаго устроенія указалъ бы великій государь всѣмъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ людямъ и всѣмъ чинамъ быть на Москвѣ въ приказахъ и полкахъ, у ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлъ и въ городахъ между собою безъ мѣстъ, гдѣ кому великій государь укажетъ и впередъ никому ни съ кѣмъ разрядомъ

и мѣстами не считаться, разрядные случаи и мѣста оставить и искоренить, чтобы впередъ отъ тѣхъ случаевъ въ ратныхъ и всякихъ дѣлахъ помѣшки не было".

Это челобитье выборныхъ людей Голицынъ доложилъ государю. 12 января 1682 года въ теремныхъ покояхъ дворца назначено было „чрезвычайное сидѣдье" съ боярами; были приглашены патріархъ, архіереи и нѣкоторые игумены монастырей. Когда было прочтено челобитье, началъ говорить царь и между прочимъ такъ выразился о мѣстничествѣ:

„Злокозненный плевосѣятель и супостатъ общій—дьяволъ, видя отъ такого славнаго ратоборства христіанскимъ народамъ тишину и мирное устроеніе, а непріятелямъ христіанскимъ озлобленіе и искорененіе, всѣялъ въ незлобивыя сердца славныхъ ратоборцевъ „мѣстные" случаи, отъ которыхъ въ прежнія времена въ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ происходила великая пагуба, а ратнымъ людямъ отъ непріятелей великое умаленіе".

Далѣе, указавъ еще на вредъ мѣстничества, государь, выражая намѣреніе уничтожить его, привелъ примѣры дѣда своего и отца, которые уже тяготились имъ, и заключилъ вопросомъ:

„По нынѣшнему-ли выборныхъ людей челобитью всѣмъ разрядамъ и чинамъ быть „безъ мѣста", или по прежнему быть „съ мѣстами"?

Въ отвѣтъ на это патріархъ съ большимъ укоромъ отнесся къ мѣстничеству, отъ котораго, по его словамъ, „аки отъ источника горчайшаго вся злая и Богу зѣло мерзкая и всѣмъ нашимъ царственнымъ дѣламъ ко вредительству происходило". Въ заключеніе патріархъ сказалъ:

„Азъ же и со всѣмъ освященнымъ соборомъ не имѣемъ никоея же достойныя похвалы принести ве-

ликому царскому намѣренію за премудрое ваше царское благоволеніе".

Бояре, окольничіе и всѣ, бывшіе въ Думѣ, согласились съ патріархомъ и просили государя уничтожить мѣстничество, отъ котораго чинились „великія нестроенія, разрушенія, непріятелемъ радованія, а между ними (русскими ратными людьми) богопротивное дѣло — великія продолжительныя вражды".

Послѣ этого государь велѣлъ принести разрядныя книги и сказалъ:

„Для совершеннаго искорененія и вѣчнаго забвенія, всѣ эти просьбы о случаяхъ и записки о мѣстахъ изволяемъ предать огню, чтобъ злоба эта совершенно погибла и впередъ не поднималась и соблазна бы и претыканія никто никакого не имѣлъ".

Затѣмъ царь потребовалъ, чтобъ всѣ, у кого есть разрядныя книги и записи, прислали бы ихъ для сожженія и съ этихъ поръ быть всѣмъ между собою безъ мѣстъ и впредь никому ни съ кѣмъ никакими прежними случаями не считаться и никого не укорять, и никому ни надъ кѣмъ не возноситься.

Всѣ присутствовавшіе въ отвѣтъ на это воскликнули:

„Да погибнетъ въ огнѣ оное богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впередъ да не воспомянется во вѣки"!

Въ дворцовыхъ переднихъ сѣняхъ развели огонь, и разрядныя книги запылала. Когда дали знать государю, что онѣ сожжены, патріархъ обратился къ членамъ Думы и сказалъ:

„Начатое и совершенное дѣло впредь соблюдайте крѣпко и нерушимо, а если кто впредь оному дѣлу воспрекословитъ, тотъ бойся тяжкаго церковнаго

запрещенія и государскаго гнѣва, какъ преобидникъ царскаго повелѣнія и презиратель нашего благословенія“.

Въ отвѣтъ всѣ воскликнули: „да будетъ такъ“!

Никто изъ бояръ и не подумалъ отстаивать мѣстничество. Это и понятно. Всѣ понимали нелѣпость укоренившагося обычая, тяготились имъ. Боярскіе роды такъ разрослись и спутались, что часто очень трудно было съ точностью разобраться, кто кого родовитѣе. Конечно, нерѣдко и лица, спорившія о старшинствѣ, сознавали, что они подвергаются опасности ошибиться и понести за это всю тяжесть государевой опалы. Но, при всемъ томъ, никто изъ бояръ въ отдѣльности, дорожа своей родовой честью, не хотѣлъ отступить отъ нелѣпаго обычая. Теперь же, когда уничтоженіе этого обычая, тягостнаго для всѣхъ исходило отъ высшей власти,—всѣмъ оставалось только порадоваться.

Царь, довольный тѣмъ, что такъ легко, безъ всякаго отпора, удалось уничтожить застарѣлое зло объявилъ, что въ Разрядномъ приказѣ, вмѣсто прежнихъ разрядныхъ мѣстническихъ книгъ, будетъ заведена родословная книга гдѣ будутъ записаны на память боярскіе роды и службы служилыхъ людей. Всѣмъ дозволялось держать у себя такія родословныя книги, но съ этихъ поръ, при назначеніи на разныя должности, онѣ не принимались въ разсчетъ.

Хотя мѣстничество было уничтожено, но все-таки знатныя лица пользовались особенными отличіями: бояре, окольничіе, думные люди могли, напримѣръ, ѣздить въ каретахъ и саняхъ на двухъ лошадяхъ, въ праздничные дни на четырехъ, а на свадьбахъ даже на шести; другія же, ниже стоящія лица (спальники, стольники, дворяне), зимою имѣли право ѣздить въ саняхъ на одной лошади, а лѣтомъ верхомъ. Также при дворѣ давались нѣкоторыя преимущества знатнымъ, но все это нисколько

Успенскій соборъ.

Шапка Мономаха.

Дозв. ценз. Спб., 26 марта 1893 г. Тип. Трунова. Спб.

не мѣшало давать ходъ и возвышать на службѣ людей вовсе не родовитыхъ, но способныхъ.

VIII.

— Изрѣдка случалось, что въ передней государь принималъ запросто иноземныхъ пословъ. Это была большая честь, которой удостоивались немногіе.

— Иностранный посолъ изъ болѣе отдаленныхъ западно-европейскихъ государствъ былъ въ пятнадцатомъ вѣкѣ рѣдкимъ, необыкновеннымъ явленіемъ въ Москвѣ; съ шестнадцатаго вѣка эти послы стали появляться здѣсь чаще и чаще, но и тогда появленіе ихъ задавало важную работу разнымъ служилымъ людямъ государства и занимало не одно засѣданіе Государевой Думы. Пріѣздъ иноземнаго посла кромѣ того имѣлъ часто и важное торговое значеніе: часто вмѣстѣ съ посольствомъ пріѣзжалъ цѣлый караванъ купцовъ съ иностранными товарами.

— Иностранныя описанія этихъ посольскихъ поѣздокъ въ Москву наполнены разсказами о лишеніяхъ и опасностяхъ, которыя посолъ встрѣчалъ на своемъ пути. Послы изъ Западной Европы ѣхали въ Москву обыкновенно черезъ Польшу и Литву; въ Краковѣ, если дѣло было зимой, ставили экипажи на сани и продолжали путь до Вильны. Отсюда открывались двѣ большія дороги къ Москвѣ: одна, болѣе длинная, но менѣе трудная, шла черезъ Ливонію на Новгородъ, другая, кратчайшая, но сопряженная съ большими трудностями, шла черезъ Минскъ, Борисовъ, Оршу, Дубровку на Смоленскъ и оттуда черезъ Дорогобужъ, Возьму и Можайскъ.

— Подъѣзжая къ московскимъ предѣламъ съ запада, посолъ посылалъ въ ближайшій московскій го-

родъ извѣстить о себѣ намѣстника, при чемъ объявлялось, какого онъ званія, какъ велика его свита и какимъ облеченъ онъ достоинствомъ. Въ Москвѣ строго различали три степени посольскаго достоинства: высшее достоинство принадлежало большому, или великому послу, ниже было званіе посланника, послѣднею была степень гонца. Съ различіемъ этихъ степеней сообразовался самый пріемъ посла.

— Намѣстникъ тотчасъ посылалъ съ извѣстіемъ о посольствѣ къ государю, а на встрѣчу послу отправлялъ болѣе или менѣе значительнаго человѣка со свитой, смотря по достоинству посла и по важности того государя, отъ котораго шелъ онъ. Посланный, въ свою очередь, посылалъ съ дороги кого-нибудь изъ своей свиты объявить послу, что навстрѣчу идетъ большой человѣкъ, который дождется посла въ такомъ то мѣстѣ. Большой человѣкъ встрѣчалъ посла, стоя со свитой среди дороги, и ни на шагъ не сторонился, чтобы дать проѣхать иностранцамъ, которые должны были при проѣздѣ сворачивать съ дороги. Зимой, когда такой объѣздъ былъ не очень удобенъ, подлѣ дороги расчищали снѣгъ, чтобы дать послу возможность проѣхать мимо, не завязнувъ въ снѣгу. Сошедшись, обѣ стороны, прежде чѣмъ начать объясненіе, должны были сойти съ лошадей или экипажей, о чемъ послу дѣлалось внушеніе заранѣе; отговориться отъ этого нельзя было ни усталостью, ни болѣзнью, потому что, объясняли встрѣчавшіе, „ни говорить, ни слушать что говорятъ отъ имени государя, нельзя иначе, какъ стоя“. При этомъ, оберегая честь своего государя, московскій большой человѣкъ тщательно наблюдалъ, чтобы не сойти съ лошади первымъ, оттого часто происходили важныя недоразумѣнія и споры съ иностраннымъ посломъ.

Когда всѣ спѣшивались, большой человѣкъ подходилъ къ послу съ открытой головой и въ доволь-

но длинной рѣчи извѣщалъ его, что онъ посланъ намѣстникомъ великаго государя проводить посла до такого то города и спросить его, благополучно ли онъ ѣхалъ? При этомъ, гдѣ случалось упоминать имя государя, сказывался его титулъ съ перечисленіемъ главнѣйшихъ княжествъ *). Затѣмъ посланный протягивалъ послу руку и, дождавшись, пока тотъ обнажитъ также голову, уже неоффиціально спрашивалъ его, благополучно ли онъ ѣхалъ? Наконецъ, сѣвъ на лошадей или въ экипажи, посолъ со свитой отправлялся объѣздомъ мимо большого человѣка, который при этомъ справлялся объ имени и родѣ посла и каждаго изъ его свиты, также объ именахъ ихъ родителей, о мѣсторожденіи, какой кто знаетъ языкъ, изъ какого званія, не родственникъ-ли послу и т. д., о чемъ тотчасъ въ подробности писали въ Москву. За посломъ и его свитой двигались, на значительномъ отъ нихъ разстояніи, посланный и его спутники, наблюдая, чтобы никто изъ иностранцевъ не отставалъ отъ своихъ.

Ѣхали обыкновенно очень медленно, въ ожиданіи отвѣта изъ Москвы, что иногда пословъ выво-

*) Царскій титулъ, въ которомъ старались обозначить всѣ владѣнія и племена, подвластныя государю, принялъ въ семнадцатомъ вѣкѣ очень большіе размѣры. Вотъ полный титулъ царя Алексѣя Михайловича въ первой половинѣ его царствованія: Великій Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя Россіи Самодержецъ, Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій, царь Казанскій, царь Астраханскій, царь Сибирскій, государь Псковской и Великій князь Тверской, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій князь Новгорода, Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій и всея Сѣверныя страны Повелитель и Государь Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскія земли, Черкесскихъ и Горскихъ князей и иныхъ многихъ Восточныхъ и Западныхъ и Сѣверныхъ владѣній и земель Отчичъ и Дѣдичъ и Наслѣдникъ, Государь и Обладатель».

дило изъ терпѣнія. Нѣмецкій посолъ Герберштейнъ, побывавшій два раза въ Московскомъ государствѣ при Василіи Ивановичѣ III, на разстояніи 85 верстъ, отъ границы до Смоленска, ночевалъ трижды, притомъ два раза на снѣгу подъ открытымъ небомъ. Проводники готовили ночлегъ и доставляли все нужное.

Въ большихъ городахъ, напримѣръ, Смоленскѣ Новгородѣ, намѣстники угощали пословъ разными винами и медами, и если посолъ былъ отъ важнаго государя, дружбой съ которымъ дорожили, его допускали въ крѣпость города, дѣлая ему честь пушечной пальбой. Въ Смоленскѣ или Новгородѣ посла встрѣчали обыкновенно пристава изъ Москвы и провожали до столицы. Съѣстные припасы доставлялись иногда вмѣстѣ съ приставами изъ Москвы и слѣдовали за посольскимъ поѣздомъ, потому что въ пустынной странѣ, по которой лежала иногда дорога, ихъ трудно было доставать въ мѣстахъ стоянокъ. Случалось, что, благодаря дорожнымъ приключеніямъ или корыстнымъ разсчетамъ приставовъ, послы оставались на цѣлый день безъ пищи; между тѣмъ пристава строго смотрѣли, чтобы посолъ ничего не покупалъ дорогой.

По обычаямъ московскаго двора, иноземное посольство съ самаго вступленія на почву Московскаго государства, освобождалось отъ всякихъ путевыхъ издержекъ. Не только продовольствіе посольства, но и перевозка его до столицы производилась на счетъ Московскаго государства. Верстахъ въ трехъ отъ Москвы послу объявляли гонцы, что въ такомъ то мѣстѣ ждутъ его большіе люди отъ государя, передъ которыми надо сойти съ лошадей или экипажей на землю. Придворные, выѣзжавшіе навстрѣчу послу, старались болѣе всего повести дѣло такъ, чтобы посолъ первый обнажилъ голову, первый вышелъ

изъ экипажа или слѣзъ съ лошади. Это значило оберегать честь государя. Если посолъ не зналъ хорошо обычаевъ московскихъ дипломатовъ, онъ не обращалъ на это вниманія и много проигрывалъ во мнѣніи послѣднихъ. Но послы, знавшіе, какое значеніе придавали въ Москвѣ этимъ формальностямъ, особенно польскіе, принимали подобныя же мѣры съ своей стороны и оттого при встрѣчахъ происходили безконечныя, часто шумныя ссоры. Въ ожиданіи посла, высланные встрѣчать его стояли на дорогѣ длиннымъ рядомъ и, когда обѣ стороны спѣшивались и сходились вмѣстѣ, одинъ изъ большихъ людей, отъ имени государя (при чемъ сказывался полный титулъ) справлялся о здоровьѣ государя, отъ котораго ѣхалъ посолъ; другой такимъ же образомъ извѣщалъ, что они назначены проводить посла до квартиры и заботиться о доставленіи ему всего нужнаго. Если пословъ двое или болѣе, то съ такими рѣчами обращались къ каждому отдѣльно. Затѣмъ первый прежнимъ оффиціальнымъ образомъ справлялся отъ имени своего государя, благополучно ли посолъ ѣхалъ; другой представлялъ ему осѣдланныхъ лошадей въ подарокъ отъ государя. Пока говорили эти рѣчи и отвѣчали на нихъ, обѣ стороны стояли съ открытыми головами, потомъ подавали другъ другу руки и неоффиціально повторяли взаимныя привѣтствія.

Затѣмъ обѣ стороны садились на лошадей или въ экипажи, при чемъ вся ловкость московскихъ приставовъ устремлялась на то, чтобы прежде посла надѣть шапку, первымъ вскочить на лошадь или въ экипажъ. Чтобы вѣрнѣе успѣть въ этомъ, прибѣгали ко всевозможнымъ уловкамъ: Олеарій, бывшій въ Москвѣ при Голштинскомъ посольствѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича (въ 1634 году), разсказываетъ, что, при встрѣчѣ турецкаго посла въ

1634 году, послѣднему нарочно подали горячую лошадь, на которую нельзя было сѣсть скоро.

По переѣздѣ черезъ Москву—рѣку поѣздъ встрѣчали многочисленныя толпы народа, сбѣгавшагося изъ города и окрестностей. Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ значительныхъ городахъ при проѣздѣ иностранныхъ пословъ, по приказу государя, обыкновенно собирали народъ въ городъ изъ окрестныхъ селеній, въ праздничномъ нарядѣ, чтобы этимъ внушить посламъ выгодное понятіе о населенности страны и зажиточности ея обитателей. Въ городахъ при этомъ случаѣ запирали лавки, торговцевъ и покупателей гнали съ рынка, ремесленники прекращали свои занятія и наполняли улицы, по которымъ проѣзжало посольство.

Въ семнадцатомъ вѣкѣ еще чаще, нежели въ шестнадцатомъ, стали являться въ Москву блестящія посольства изъ западной Европы, и въ Москвѣ старались принимать ихъ съ соотвѣтствующимъ великолѣпіемъ и торжественностью; это былъ лучшій случай блеснуть передъ чужими людьми и внушить гостямъ самое выгодное понятіе о хозяевахъ. Вслѣдствіе этого обрядность пріема усложнялась еще болѣе. Посольство до въѣзда въ столицу останавливалось въ какомъ нибудь изъ подмосковныхъ селъ чтобы приготовиться къ торжественному въѣзду. Посольство выступало въ сопровожденіи многочисленнаго московскаго конвоя, съ обѣихъ сторонъ пословъ окружали пристава. По мѣрѣ приближенія посольскаго поѣзда къ Москвѣ, его встрѣчали одинъ за другимъ отряды всадниковъ въ одеждѣ разныхъ цвѣтовъ; они выстраивались по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой двигалось посольство. Послѣдній отрядъ, встрѣчавшій его подъ самымъ городомъ, былъ самый великолѣпный: это были „жильцы“, на боевыхъ лошадяхъ, одѣтые всѣ въ красное платье, съ особеннымъ украшеніемъ назади, похожимъ на крылья,

которое нѣкоторые иностранцы находили очень красивымъ.

Поѣздъ двигался очень медленно. При въѣздѣ въ городъ посольская и московская музыка, не прерывавшаяся съ самаго начала поѣзда, начинала играть громче. По обѣ стороны улицъ, по которымъ проѣзжало посольство, стояло рядами нѣсколько тысячъ стрѣльцовъ. Такое событіе, какъ въѣздъ великолѣпнаго иностраннаго посольства, не могло не возбуждать любопытства въ жителяхъ Москвы. Они высыпали изъ домовъ и во множествѣ покрывали улицы, лавки, окна и кровли домовъ.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ въ Москвѣ отводили посольству квартиру въ пустомъ зданіи безъ мебели, даже безъ постелей. Когда германскій посолъ Герберштейнъ напомнилъ объ этомъ приставамъ, они отвѣчали, что у нихъ не въ обычаѣ давать посламъ постели. Пристава каждый день приходили къ послу, спрашивая, не терпитъ-ли онъ въ чемъ недостатка. Съѣстные припасы приносилъ дьякъ, особо для того назначенный. Въ обращеніи съ послами пристава наблюдали строгое различіе, смотря по тому, откуда и съ какимъ достоинствомъ пріѣзжалъ посолъ: съ большимъ посломъ обращались не такъ, какъ съ посланникомъ или гонцомъ; съ посломъ нѣмецкимъ не такъ, какъ съ польскимъ, литовскимъ и пр. Также строго до мелочей опредѣлено было количество всѣхъ припасовъ, выдававшихся послу ежедневно, хлѣба, соли, мяса, перцу, овса, сѣна, даже дровъ для кухни. Если посолъ хотѣлъ купить что нибудь на рынкѣ, пристава очень сердились и всѣми мѣрами старались не допустить до этого, говоря, что это значитъ наносить безчестье государю.

Квартира посламъ обыкновенно отводилась внѣ Кремля; останавливаться въ Кремлѣ не дозволялось. Во все время пребыванія пословъ въ Москвѣ ихъ окружали самымъ бдительнымъ надзоромъ. При

дверяхъ занимаемаго ими дома ставились „караульщики“; особые приставники сопровождали иностранцевъ, когда они по какимъ-либо дѣламъ выходили со двора, что. впрочемъ, не дозволялось безъ уважительной причины. Никому также нельзя было, не навлекая на себя опаснаго подозрѣнія, приходить къ послу и говорить съ нимъ по частнымъ дѣламъ; даже когда кто-нибудь изъ посольства заболѣвалъ, къ нему не допускались, или рѣдко допускались придворные лѣкари изъ иностранцевъ, единственные тогда лѣкари въ Москвѣ.

Всѣ иностранцы шестнадцатаго вѣка, ѣздившіе послами въ Москву и описавшіе свои поѣздки, съ большей или меньшей горечью жалуются на дурное обращеніе съ ними московскихъ приставовъ, на стѣсненія, которымъ посолъ подвергался въ Москвѣ: говорятъ, что съ ними обращались презрительно, держали скорѣе, какъ плѣнниковъ. нежели, какъ министровъ иностраннаго государя, едва позволяли выходить изъ квартиры съ провожатыми, которые зорко слѣдили за каждымъ шагомъ. Олеарій говоритъ, что едва голштинское посольство размѣстилось на своей квартирѣ, пристава принесли ему суточное содержаніе и, удаляясь заперли ворота и приставили къ нимъ 12 стрѣльцовъ, съ приказаніемъ никого не пускать ни со двора, ни на дворъ; одни только пристава приходили къ посламъ каждый день, чтобы развлекать ихъ и справляться не имѣютъ, ли они въ чемъ нужды.

Послѣ перваго представленія государю посольство получало болѣе свободы. Слѣдили за тѣмъ, чтобы посольство не входило въ слишкомъ короткія сношенія съ жителями Москвы, особенно съ иностранцами. Посламъ говорили, что ихъ могутъ посѣщать всѣ, кому будетъ угодно, но на самомъ дѣлѣ устраивали такъ, что немногимъ удавалось проникнуть въ посольскій домъ. Стража подвергала строгому до-

просу желавшихъ видѣть посла и своей безцеремонностью у многихъ отбивала охоту къ подобнымъ посѣщеніямъ. Если иностранецъ, служившій въ русскомъ войскѣ, просилъ у своего начальника позволенія повидаться съ посольскими людьми, ему не отказывали, но внушали при этомъ оставить свое намѣреніе, чтобы не возбудить подозрѣнія при дворѣ. Женщинамъ вовсе запрещено было входить въ посольскій домъ. Также заботливо старались помѣшать сношеніямъ посольствъ съ своими дворами. Мейербергъ, австрійскій посолъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича (въ 1661—1663 г.) напрасно просилъ у московскаго двора и устно и письменно позволенія сообщить въ Вѣну нѣкоторыя извѣстія о себѣ. Письма, присылавшіяся изъ-за-границы посламъ въ Москву, вскрывались, прочитывались и потомъ уничтожались.

Въ описаніяхъ иностранныхъ посольствъ находимъ нѣсколько указаній на количество припасовъ, ежедневно отпускавшихся на содержаніе посольства, во время его пребыванія въ Москвѣ, равно какъ и на пути къ ней. Англійскому послу со свитой, состоявшей изъ 40 человѣкъ, въ 1568 году, на пути къ Москвѣ, пристава ежедневно выдавали припасовъ на два рубля. Голштинскому посольству, въ 1634 году, свита котораго состояла изъ 34 человѣкъ ежедневно выдавалось на содержаніе по 2 руб. 5 коп., и, благодаря дешевизнѣ жизненныхъ припасовъ, которую послы встрѣчали на пути, этой суммы было совершенно достаточно для продовольствія ихъ со свитой. По прибытіи въ Москву, то же посольство ежедневно получало на содержаніе по 62 коровая хлѣба, по четверти быка, по 4 барана, по 12 куръ, по 2 гуся, по одному зайцу или тетереву, по 50 яицъ, по 10 коп. на свѣчи и по 5 коп. на мелочные расходы по кухнѣ, по четверти ведра испанскаго вина, по 2 ведра меда, по три четверти ведра пива

и нѣсколько меньше водки; кромѣ того посольскимъ слугамъ отпускались по бочкѣ пива, по боченку меда и по боченку же водки. Сверхъ всего этого, выдавали на недѣлю пудъ масла и столько же соли, три ведра уксусу, да по воскресеньямъ прибавляли мяса по два барана и одному гусю. Въ день прибытія посольства въ Москву, также въ дни большихъ праздниковъ и придворныхъ торжествъ содержаніе посольства удвоялось. Иногда пристава приносили посольству уже готовыя кушанья, что ставило иностранцевъ въ большое затрудненіе, потому что московскія блюда рѣдко были имъ по вкусу, и гораздо удобнѣе было для нихъ получать сырые припасы, которые они могли приготовлять по своему.

Въ первые дни по прибытіи посольства въ Москву, пока въ Думѣ наводили справки и шли разсужденія о немъ, посламъ предоставлялось отдыхать отъ дороги; но иногда это отдохновеніе продолжалось такъ долго, что наскучивало имъ. Здѣсь также дѣло не обходилось безъ проволочекъ, подобныхъ тѣмъ, какія испытывалъ посолъ на пути къ Москвѣ; назначатъ день для представленія государю, потомъ отложатъ и т. д. Наконецъ объявляли рѣшительный срокъ; наканунѣ его пристава нѣсколько разъ приходили къ послу, внушая ему приготовиться къ явленію передъ свѣтлыя очи государя.

Утромъ, на другой день, тѣ же пристава являлись къ послу въ богатыхъ одеждахъ, которыя они надѣвали въ сѣняхъ посольскаго дома, и объявляли о приближеніи бояръ, которые имѣли представить посла во дворецъ, добавляя, чтобы посолъ вышелъ къ нимъ навстрѣчу. Бояре, съ многочисленной свитой подъѣхавъ къ посольской квартирѣ, сходили съ коней, но не входили въ домъ, а ожидали выхода посла, стараясь сдѣлать такъ, чтобы посолъ дальше вышелъ къ нимъ навстрѣчу. Сѣвъ на коней или въ экипажи, которые присылались изъ дворца, отправ-

лялись въ Кремль, обыкновенно черезъ Спасскія ворота.

Главнымъ параднымъ входомъ во дворецъ было Красное Крыльцо. Здѣсь во время посольскихъ важныхъ пріемовъ происходила церемонія встрѣчъ. По этому случаю все крыльцо наполнялось дворовыми и служилыми людьми младшихъ разрядовъ, которые стояли здѣсь по обѣ стороны пути въ богатѣйшихъ одеждахъ, выдаваемыхъ на это время изъ царской казны. Особенно пышныя встрѣчи дѣлались именитымъ иноземнымъ посламъ; число встрѣчъ было неодинаково; именитому послу давалось три встрѣчи: первая, меньшая, у лѣстницы на подъѣздномъ помостѣ; вторая, средняя, на крыльцѣ, а иногда въ сѣняхъ пріемной палаты, и, наконецъ, третья, большая, у самыхъ дверей палаты. Другимъ менѣе значительнымъ лицамъ, дѣлалось только двѣ встрѣчи: меньшая—на крыльцѣ и большая—въ сѣняхъ, а инымъ, какъ напримѣръ, иноземнымъ посланникамъ и гонцамъ, была одна только встрѣча—въ сѣняхъ у порога. Такимъ образомъ самою почетною встрѣчею была меньшая, у лѣстницы.

При входѣ въ палаты, посла встрѣчали первостепенные бояре, которые вели его къ государю. Переднія палаты, которыя проходилъ при этомъ посолъ, были наполнены князьями, боярами и другими важнѣйшими придворными людьми, между которыми особенное вниманіе иностранцевъ обращали на себя старики съ сѣдыми бородами, сидѣвшіе и стоявшіе вдоль стѣнъ переднихъ палатъ: это были гости, или важнѣйшіе купцы государевы, присутствовавшіе здѣсь для того, чтобы своей почтенной наружностью придать больше важности и торжественности обстановкѣ пріема. При входѣ посла въ палату, гдѣ находился самъ государь, бояре, сидѣвшіе по лавкамъ въ шапкахъ, вставали и снимали ихъ. На нихъ была длинная до пятъ одежда, ко-

торую иные, за неимѣніемъ своей, брали на этотъ случай изъ государевыхъ кладовыхъ.

Государь сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ, на престолѣ: по правую его сторону на стѣнѣ висѣлъ образъ Спасителя и надъ головой государя образъ Божіей Матери. Престолъ помѣщался не на серединѣ палаты, а въ углу, между двумя окнами. По правую сторону, на пирамидальной подставкѣ изъ чеканнаго серебра, находилась держава изъ массивнаго золота. По обѣимъ сторонамъ около престола стояли четыре тѣлохранителя, или рынды, въ бѣлыхъ одеждахъ съ серебряными бердышами на плечахъ. На государѣ была также длинная до пятъ одежда: онъ сидѣлъ съ открытой головой; по правую сторону около него на скамьѣ лежала остроконечная шапка (колпакъ), похожая на голову сахара; въ рукѣ держалъ онъ посохъ съ изображеніемъ креста на верху, унизанный довольно большими хрустальными шариками. Здѣсь же на скамьѣ стояла вызолоченная лохань съ рукомойникомъ, покрытымъ полотенцемъ. Эта лохань должна была непріятно поражать пословъ, ибо извѣстно было, что въ ней государь моетъ руки послѣ пріема иностранныхъ пословъ; если вѣрить словамъ Герберштейна и Мейерберга, это омовеніе совершалось только послѣ пріема католическихъ пословъ.

Какъ только посолъ входилъ въ пріемную палату, думный дьякъ или одинъ изъ первостепенныхъ бояръ докладывалъ государю. Ставъ противъ престола посолъ передавалъ письмо и грамоту отъ своего государя, при имени котораго московскій государь вставалъ и сходилъ съ верхней ступени престола. Когда оканчивались первыя привѣтствія, государь справлялся о здоровьѣ своего брата—государя и, пока посолъ отвѣчалъ, садился на прежнее мѣсто; потомъ, по приглашенію дьяка, посолъ подходилъ къ престолу и цѣловалъ руку государя, который при

этомъ спрашивалъ его, благополучно ли онъ ѣхалъ. Затѣмъ, поклонившись сперва государю, потомъ на обѣ стороны князьямъ и боярамъ, во все это время стоявшимъ изъ почтенія къ послу, послѣдній, по приглашанію того же дьяка, садился на скамью, которую ставили противъ государя, между тѣмъ какъ свита подходила къ государевой рукѣ. Послы изъ Польши, Литвы, Ливоніи, Швеціи и проч. являлись во дворецъ съ подарками, или „поминками", которые думный дьякъ или одинъ изъ приставовъ подносилъ государю. Каждый изъ членовъ посольской свиты приносилъ особенный подарокъ, и о каждомъ докладывалось особо, причемъ громко и внятно произносилось его имя и назывался подарокъ. Въ сторонѣ сидѣлъ дьякъ и записывалъ каждый подарокъ съ именемъ того, кто его подносилъ. Посидѣвъ немного посолъ получалъ отъ государя приглашеніе отвѣдать съ нимъ хлѣба-соли.

Послѣ того посла отводили въ другую палату, гдѣ онъ излагалъ и обсуждалъ съ думными людьми дѣла, касавшіяся его посольства. Если посолъ пріѣзжалъ для важныхъ и сложныхъ переговоровъ, эти разсужденія тянулись нѣсколько дней, даже мѣсяцевъ, сопровождаясь многими формальностями, крайне утомлявшими иностранцевъ. Всякій разъ, когда посолъ дѣлалъ новое предложеніе, разсуждавшіе съ нимъ думные люди шли къ государю за отвѣтомъ, который иногда только на другой день передавали послу. Когда для отвѣта требовалось много предварительныхъ справокъ, его откладывали на нѣсколько дней. Медленность переговоровъ увеличивалась еще отъ порядка, въ какомъ передавались отвѣты. Въ нихъ, гдѣ нужно было, повторялись сполна титулы обоихъ государей, между которыми велись переговоры, и дословно передавались предложенія посла. Изложенный такимъ образомъ на нѣсколькихъ длинныхъ листахъ отвѣтъ раздѣлялся по листамъ между

думными людьми и каждый изъ нихъ поочередно прочитывалъ свой листъ послу.

Пока посолъ разсуждалъ съ боярами, готовили обѣдъ. При входѣ посла въ столовую всѣ приглашенные, уже сидѣвшіе по мѣстамъ, прежнимъ порядкомъ вставали, на что посолъ отвѣчалъ поклонами и садился на указанное государемъ мѣсто. Среди столовой стоялъ большой поставецъ, снизу квадратный, кверху съуживавшійся пирамидально, уставленный множествомъ золотой и серебряной посуды, въ которой особенное вниманіе англичанъ обратили на себя въ 1553 году четыре огромныя вазы до 5 футовъ вышиной. Вокругъ, по сторонамъ столовой, разставлены были столы на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого. Государь передъ обѣдомъ снималъ пышную одежду, въ которой принималъ пословъ, и являлся за столъ въ другой, обыкновенной бѣлой одеждѣ, что означало дружественное расположеніе. Отъ стола государева до другихъ оставляли столько пространства, сколько можно захватить распростертыми руками. Ниже государя сидѣли его братья или старшіе сыновья, если были. На болѣе значительномъ разстояніи отъ послѣднихъ помѣщались важнѣйшіе князья и бояре, по степени важности и значенія у государя. За дальнѣйшими столами, по обѣимъ сторонамъ палаты, садились остальные гости, приглашенные по особой милости государя; прямо противъ стола государева садились особо послы, и недалеко отъ нихъ посольская свита.

Столы покрывались чистыми, но маленькими скатертями и уставлялись сосудами съ уксусомъ, перцомъ, солью въ такомъ порядкѣ, что на каждыхъ четырехъ гостей приходилось по одной уксусницѣ, одной перечницѣ и одной солонкѣ. Всѣ эти сосуды были изъ чистаго золота или серебра. Обыкновенно подавали столько разной посуды, что едва устанав-

ливали ее на столахъ, а между тѣмъ недоставало многихъ необходимыхъ принадлежностей европейскаго стола, что ставило иностранцевъ, обѣдавшихъ у государя, въ большое затрудненіе. Салфетокъ не не употребляли вовсе, ножей, вилокъ и тарелокъ подавали очень мало. Одинъ иностранецъ на парадномъ царскомъ обѣдѣ не нашелъ въ своемъ приборѣ ни ножа, ни тарелки; у сидѣвшаго подлѣ боярина удалось добыть одинъ ножъ для себя и своего товарища, которымъ они и пользовались вмѣстѣ въ продолженіе всего обѣда. Даже при Алексѣѣ Михайловичѣ каждому гостю подавали только по одной тарелкѣ на весь обѣдъ. Посуда подавалась не всегда въ опрятномъ видѣ.

Государь, подозвавъ къ себѣ одного изъ служителей, давалъ ему продолговатый ломоть хлѣба и приказывалъ отнести его послу; подошедши къ послѣднему служитель громко объявлялъ ему, что великій государь его посылаетъ хлѣба со своего стола; пока онъ произносилъ это посолъ и прочіе гости стояли. Принявъ хлѣбъ и положивъ его на столъ, посолъ молча кланялся сперва государю, потомъ всѣмъ присутствующимъ на обѣ стороны. Такія же посылки дѣлались и нѣкоторымъ другимъ изъ приглашенныхъ, въ знакъ особой милости государя, что каждый разъ сопровождалось вставаньемъ всѣхъ гостей и поклонами получившаго хлѣбъ. Когда государь хотѣлъ оказать кому нибудь самую большую милость и любовь свою, то посылалъ соли съ своего стола.

Послѣ раздачи хлѣба приносили водку, которую обыкновенно пили передъ обѣдомъ, потомъ жареныхъ лебедей, составлявшихъ первое блюдо на государевыхъ обѣдахъ, когда не было поста. Государю подносили трехъ лебедей, и онъ пробовалъ ножемъ, который лучше. Выбранный тотчасъ выносился, разрѣзывался на части и на трехъ тарелкахъ при-

носился опять къ государю. Отрѣзавъ по частичкѣ отъ разныхъ кусковъ, государь давалъ прежде отвѣдать ихъ стольнику, потомъ отвѣдывалъ самъ и посылалъ на тарелкахъ послу и кому-нибудь изъ остальныхъ гостей въ знакъ особой милости, причемъ повторялась прежняя церемонія вставаній и поклоновъ, доводившая непривычнаго иностранца до утомленія. Остальные лебеди разрѣзывались и подавались гостямъ на тарелкахъ, по четыре куска на на каждой. Лебедей ѣли съ уксусомъ, солью и перцемъ. Для той же цѣли во все время обѣда стояли на столѣ сметана, соленые огурцы и сливы. Въ такомъ же порядкѣ подавались и прочія блюда, съ той, впрочемъ, разницею, что уже не уносились изъ столовой подобно жареному. Объ остальныхъ блюдахъ иностранцы не сообщаютъ подробностей; въ подачѣ ихъ они не находили никакого порядка и потому не могли припомнить при множествѣ разныхъ блюдъ, что за чѣмъ слѣдовало. Въ постъ первымъ кушаньемъ, которымъ открывался обѣдъ, была икра съ зеленью. Всѣхъ блюдъ подавалось иногда до 500.

Изъ напитковъ на столахъ стояли обыкновенно мальвазія и другія вина, также разныхъ родовъ меды. Обыкновенно государь приказывалъ подавать себѣ кубокъ одинъ или два въ продолженіе обѣда. Когда онъ пилъ, подзывалъ къ себѣ посла и ласково приглашалъ его, какъ и прочихъ гостей, ѣсть и пить хорошенько. Многіе иностранцы, зная обычай русскаго гостепріимства, садились за столъ съ тревожной мыслью, что ихъ заставятъ пить много, ибо въ продолженіе обѣда часто напоминали не забывать государева здоровья.

За столомъ говорили мало; изрѣдка обращался государь къ послу съ какимъ нибудь вопросомъ. Такъ великій князь Василій Ивановичъ, между прочимъ, спросилъ однажды Герберштейна, брилъ ли

1) Стаканъ. 2) Ложки. 3) Братина. 4) Сулея. 5) Ножъ.
6) Вилки.

Дозв. ценз. Спб., 26 марта 1893 г. Тип. Трунова Спб.

онъ бороду, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, прибавилъ: „И это по нашему“; а самъ первый изъ московскихъ государей, замѣчаетъ при этомъ Герберштейнъ, обрилъ себѣ бороду въ угоду второй своей женѣ. Бесѣда оживлялась передъ десертомъ, когда посолъ долженъ былъ подойти къ столу государя и взять изъ рукъ послѣдняго заздравный кубокъ. Обѣдъ продолжался три или четыре часа, иногда до самой ночи, такъ что оканчивался уже при огнѣ.

Но угощеніе посла не оканчивалось въ этотъ день пріемнымъ обѣдомъ во дворцѣ. Тѣ же люди, которые привели посла во дворецъ, вели его обратно на квартиру и приносили съ собой серебряныя чарки и другіе сосуды съ напитками, преимущественно съ разными медами. Такимъ образомъ въ посольскомъ домѣ пристава устраивали настоящую попойку; это называлось „поить посла“, причемъ главнѣйшей заботой приставовъ было, во что бы то ни стало, напоить посла, какъ можно пьянѣе. Изъ разсказовъ о польскихъ и татарскихъ посольствахъ мы знаемъ, что пристава часто вполнѣ достигали своей цѣли—напоить посла, причемъ дѣло не обходилось часто безъ печальныхъ исторій. Но при этомъ достигались иногда и другія важныя цѣли: подпившій посолъ не разъ проговаривался о томъ, что ему приказано было держать на умѣ.

По окончаніи переговоровъ, для которыхъ пріѣзжалъ посолъ, государь иногда приглашалъ его съ собой на охоту или какую-нибудь другую потѣху, а передъ отъѣздомъ на прощальный обѣдъ. Въ концѣ его государь, вставъ съ своего мѣста, приказывалъ подать себѣ кубокъ, говоря, что онъ пьетъ въ знакъ любви и за здоровье своего брата—государя, прося посла передать послѣднему все, что онъ здѣсь видѣлъ и слышалъ. Потомъ государь подавалъ кубокъ послу, приглашая его выпить также за здоровье сво-

его государя. Этотъ кубокъ, въ знакъ особенной милости иногдя дарился послу. Принявъ его, посолъ отступалъ нѣсколько назадъ и, выпивъ, кланялся государю. Съ такимъ приглашеніемъ обращался государь ко всѣмъ, присутствовавшимъ на обѣдѣ. Послѣ того онъ подзывалъ посла къ рукѣ и отпускалъ его.

Обыкновенно посолъ со всею свитой, не исключая и низшихъ служителей, получалъ отъ государя подарки, состоявшіе изъ шубъ и разныхъ мѣховъ. Герберштейнъ во второй пріѣздъ получилъ, сверхъ собольей шубы, два сорока соболей, 300 горностаевъ и 1500 бѣлокъ. Пословъ изъ западной Европы дарили почти исключительно мѣхами, преимущественно собольими; но пословъ татарскихъ и вообще восточныхъ государь жаловалъ, кромѣ того, разнымъ платьемъ, шапками, сапогами, даже матеріями на платье. Татарскіе послы были особенно падки на эти подарки, которые часто были единственной цѣлью ихъ пріѣзда въ Москву.

При отъѣздѣ посолъ долженъ былъ въ свою очередь дарить приставовъ; Поссевинъ, бывшій въ Москвѣ въ царствованіе Ивана Грознаго, совѣтуетъ давать имъ 25 или 30 золотыхъ и столько же ихъ служителямъ, если нельзя будетъ дать больше. Прежнимъ порядкомъ пристава провожали посольство до московской границы и тамъ, при разставаніи, также получали подарки.

IX.

Въ передней палатѣ государь слушалъ иногда церковныя службы: часы, вечерню, всенощную; на Святой христосовался съ боярами, то есть, жаловалъ ихъ къ рукѣ. Въ дни имянинъ, послѣ обѣдни, государь изъ собственныхъ рукъ раздавалъ боярамъ и всѣмъ дворовымъ и служилымъ людямъ водку и именинные пироги, или калачи. Въ Передней государь давалъ также праздничные столы, а въ Комнатѣ кушалъ иногда запросто, безъ чиновъ, съ нѣкоторыми изъ бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ, которые приглашались по особому благоволенію государя и сидѣли за столомъ всегда уже безъ мѣстъ. Здѣсь же государь иногда „кормилъ полонянниковъ“ и „нищую братію“ человѣкъ по шестидесяти и болѣе, и жаловалъ ихъ изъ своихъ государскихъ рукъ по рублю и по два на человѣка. Такіе столы давались по поводу важныхъ семейныхъ событій и особенно во дни поминовенія усопшихъ.

Особенно оживленный видъ представляли теремные покои передъ заутренею Свѣтлаго Воскресенія, когда бояре, окольничіе, думные и ближніе люди, служилые и дворовые чины собирались сюда къ царскому выходу къ заутрени. Государь изъ внутреннихъ покоевъ выходитъ въ Комнату, слушалъ здѣсь „полунощницу“, послѣ которой принималъ бояръ, входившихъ въ Комнату, чтобы ударить челомъ государю. Затѣмъ бояре и ближніе люди шли передъ государемъ, по три въ рядъ, до Успенскаго собора, гдѣ и становились по обѣ стороны пути.

Въ теченіе всей Свѣтлой недѣли государь принималъ въ теремныхъ покояхъ поздравленія отъ всѣхъ чиновъ. Младшихъ чиновъ онъ жаловалъ къ рукѣ большею частію на переднемъ крыльцѣ.

Сборнымъ мѣстомъ для младшаго дворянства и приказныхъ людей, имѣвшихъ дѣло во дворцѣ, служило Постельное Крыльцо. Здѣсь съ утра до вечера толпились стольники, стряпчіе, дворяне, стрѣлецкіе полковники и головы, дьяки и иные служилые; здѣсь можно было узнать всѣ важныя новости; здѣсь же объявлялись царскіе указы, касавшіеся наиболѣе служиваго сословія, напр., указы о войнѣ и мирѣ, о сборѣ войска, о походахъ и пр. Такимъ образомъ Постельное Крыльцо было придворною „площадью", публичнымъ мѣстомъ служилыхъ людей, Поэтому младшіе придворные чины назывались „площадными", въ отличіе отъ старшихъ, или „комнатныхъ", имѣвшихъ право входить въ комнаты государя. Слова: „площадь", „площадной" означали понятія общаго, публичнаго, всенароднаго, а также—обыкновеннаго, рядового.

Говоря о мѣстничествѣ мы замѣтили, что старое наше служилое сословіе, боярство и дворянство, было чрезвычайно щепетильно въ отношеніи своей родовой чести: самое простое, шутливое слово считалось нарушеніемъ чести, относилось къ безчестью; этого достаточно было, чтобы возбудить безпрестанныя жалобы, иски съ цѣлью получить вознагражденіе за сдѣланное безчестье. Приказы были завалены дѣлами подобнаго рода, весьма хорошо кормившими судей и подъячихъ.

Безчестье заключалось чаще всего въ словахъ, непристойныхъ и непригожихъ, а иногда просто шуточныхъ и самыхъ обыкновенныхъ. Поводомъ къ произнесенію непригожихъ безчестныхъ словъ служили обыкновенно ссоры и брани, возникавшія безпрестанно, такъ какъ тогдашніе нравы были очень

просты и грубы. А иногда достаточно было самаго простого, шутливаго и самаго обыкновеннаго выраженія *), чтобы его причли къ безчестью и начали искъ; даже простыя списки въ имени, отчествѣ и фамиліи составляли безчестье и давали поводъ къ жалобѣ.

Множество жалобъ о безчестьи возникало по поводу ссоръ и брани на Постельномъ Крыльцѣ. Здѣсь постоянно происходили непріязненныя, враждебныя столкновенія соперниковъ. А такъ какъ ссора и брань во дворцѣ нарушала еще и честь государева двора, за что взыскивалось еще строже, то ссорившіеся и не упускали случая, ища защиты а болѣе въ отмщенье, тотчасъ же пожаловаться на противника и выставить его вину особенно сильной, такъ какъ онъ нарушилъ еще и честь государева двора.

Дѣла о нарушеніи чести государева двора непригодными словами и дерзкими поступками разбирались домашнимъ судомъ государя, т. е., царскимъ Постельничимъ или Стряпчимъ съ ключомъ, который дѣлалъ „обыскъ“, или „сыскъ“, допрашивалъ свидѣтелей происшествія, потомъ изъ допросовъ составлялъ записку, приводилъ статью изъ Уложенія (сборника законовъ царя Алексѣя Михайловича) и докладывалъ государю. Рѣшеніе съ изложеніемъ дѣла объявлялось обвиненному при всѣхъ, по извѣстной формѣ.

Вотъ примѣръ подобныхъ жалобъ.

Въ 1649 году, августа 13, билъ челомъ царю Алексѣю Михайловичу Иванъ Бутурлинъ на Ивана Иванова сына Бирдюкина—Зайцова и подалъ ссылочную челобитную, а въ челобитной писалъ: Бьетъ

*) Напр.: «Робенокъ,—сынишко боярскій,—черти тебѣ сказываютъ,—трусъ,—смотрѣлъ звѣроподобно,—разоренье де мнѣ отъ тебя,—мучилъ де ты меня» и пр.

челомъ холопъ твой Ивашко Бутурлинъ: въ нынѣшнемъ, государь, во 157 году, августа въ 13 день, на Постельномъ Крыльцѣ, лаялъ меня, холопа твоего, Иванъ Ивановъ сынъ Бирдюкинъ-Зайцовъ, матерны, а слышали ту его Иванову лаю твои государевы стольники князь Семенъ княжъ Андреевъ сынъ Хованской, князь Ѳедоръ княжъ Ѳедоровъ сынъ Долгоруковъ, князь Настасъ княжъ Алибеевъ сынъ Макидонской, князь Александръ княжъ Ивановъ сынъ Лобановъ, князь Тихонъ Бораевъ сынъ Кутумовъ, Иванъ да Микита Андреевы дѣти Вельяминова, Андрей да Василій Яковлевы дѣти Дашкова, Андрей Ильинъ сынъ Безобразовъ. А служу я, холопъ твой, тебѣ государю много лѣтъ, а безчестья ни отъ кого не бывало, Милосердый Государь! Пожалуй меня, холопа твоего, вели государь про ту его Иванову лаю сыскать и по сыску мнѣ, холопу твоему, оборонъ учинить по своей государевѣ милости. Царь-государь смилуйся пожалуй“!

157 года, августа въ 13 день, государь пожаловалъ, велѣлъ про то сыскать постельничему Михайлу Алексѣевичу Ртищеву.

И постельничему Михайлу Алексѣевичу Ртищеву стольники и дворяне въ сыску князь Ѳедоръ Долгорукой, князь Анастасъ Макидонскій, князь Тихонъ Кутумовъ, Иванъ да Микита Вельяминовы, Андрей да Василій Дашковы, Андрей Безобразовъ, сказали по государеву крестному цѣлованію: „въ прошломъ де во 157 году, августа въ 13 день, на Постельномъ Крыльцѣ Иванъ Бутурлинъ у Ивана Зайцова прошалъ шапочныхъ петель жемчужныхъ и Иванъ де Зайцовъ Ивана Бутурлина излаялъ за это матерны“. Да тѣжъ обыскные люди въ рѣчѣхъ своихъ прибавили,—Микита Вельяминовъ сказалъ: Иванъ Зайцовъ Ивана Бутурлина излаялъ матерны и съ жемчугомъ“. Василій Дашковъ сказалъ: „Иванъ де Зайцовъ Ивану Бутурлину молвилъ: ты де у меня,

бл. . . . . сынъ окончину изломилъ". Князь Семенъ Хованской сказалъ: „промежъ Ивана Бутурлина и Ивана Зайцова ничего не слыхалъ". Князь Александръ Лобановъ сказалъ, того де онъ не слыхалъ, какъ Иванъ Зайцовъ Ивана Бутурлина излаялъ матерны, а то онъ слышалъ, какъ Иванъ Бутурлинъ Ивану Зайцову говорилъ: лаешь де ты меня,

На основаніи статьи Соборнаго Уложенія рѣшеніе послѣдовало такое: „158 года, сентября 16, указалъ государь, за честь двора своего, Ивана Зайцова послать въ тюрьму, а Бутурлину доправить на немъ безчестье, окладъ его".

Въ 1674 году билъ челомъ государю стряпчій Иванъ Хрущовъ на стряпчаго Александра Протасьева, что онъ Александръ, на его великаго государя дворѣ прошибъ у него, Ивана Хрущова, кирпичемъ голову. Государь указалъ сыскать думному дворянину и ловчему московскаго пути Аѳ. Ив. Матюшкину; а по сыску Протасьевъ, вмѣсто кнута, битъ батоги нещадно, за то, что онъ ушибъ Хрущова на его государевѣ дворѣ, передъ нимъ, великимъ государемъ. Да на немъ Александрѣ велѣло доправить Хрущову безчестья вчетверо.

Брань возникала не рѣдко между самыми знатными и значительными лицами; ихъ не останавливала ни близость царскихъ покоевъ, ни близость особы государя; часто брань начиналась даже въ его присутствіи. Все это показываетъ, на сколько были грубы нравы нашихъ предковъ, даже высшихъ сословій въ государствѣ.

X.

Дворцовые покои съ утра до вечера наполнялись боярами и другими придворными чинами.

Государь вставалъ очень рано, обыкновенно часа въ четыре утра. Постельничій, съ помощью спальниковъ и стряпчихъ, подавалъ государю платье и „убиралъ“ его. Умывшись, государь выходилъ въ Крестовую, гдѣ его встрѣчалъ съ крестомъ духовникъ, или крестовый попъ. Государь прикладывался ко кресту и затѣмъ молился около четверти часа; послѣ молитвы онъ прикладывался къ иконѣ святого, память котораго праздновалась въ тотъ день, и слушалъ поученіе изъ сборника, которое читалъ крестовый дьякъ. Окончивъ утреннюю молитву, государь посылалъ ближняго боярина къ царицѣ спросить о здоровьѣ, какъ почивала, а затѣмъ самъ ходилъ съ ней здороваться. Послѣ того они вмѣстѣ слушали заутреню и раннюю обѣдню въ одной изъ дворцовыхъ церквей.

Между тѣмъ во дворецъ собирались бояре, окольничіе и другіе высшіе придворные чины, „ударить челомъ государю“. Собирались они обыкновенно въ Передней. При выходѣ государя всѣ кланялись ему въ землю; за особенную милость государя бояре кланялись въ землю иногда до тридцати разъ. Если кто-либо изъ бояръ не являлся во дворецъ безъ уважительной причины, тотъ подвергался немилости и наказанію. Часу въ девятомъ государь, въ сопровожденіи собравшихся бояръ отправлялся къ поздней обѣднѣ въ одну изъ придворныхъ церквей, а въ праздничные дни—въ соборъ или въ церковь то-

го святого, память котораго въ тотъ день праздновалась; обѣдня продолжалась часа два. Государи были чрезвычайно богомольны; Алексѣй Михайловичъ въ постъ стоялъ въ церкви часовъ по шести сряду и дѣлалъ иногда по тысячѣ и болѣе поклоновъ, особенно въ большіе праздники.

Послѣ обѣдни государь занимался въ Комнатѣ дѣлами, слушалъ доклады и челобитныя и постановлялъ по нимъ рѣшенія. Если было у государя важное дѣло и онъ находилъ нужнымъ посовѣтоваться съ опытными людьми, то онъ созывалъ къ себѣ въ Переднюю Палату или въ Комнату „думныхъ" людей; подобное собраніе называлось „сидѣньемъ великаго государя съ боярами о дѣлахъ". Въ Думѣ засѣдали только высшіе придворные чины: бояре, окольничіе и думные дворяне. Царь приказывалъ своимъ совѣтникамъ, „помысля, дать къ дѣлу способъ". Думные люди высказывали свои мнѣнія, кто имѣлъ, что сказать; составлялся приговоръ, дьяки записывали, прибавляя слова: „государь указалъ, а бояре приговорили".

Вотъ какъ Котошихинъ описываетъ засѣданіе Думы: „Когда случится царю сидѣть съ боярами и думными людьми въ Думѣ объ иноземныхъ и о своихъ государственныхъ дѣлахъ, бояре, окольничіе и думные дворяне садятся по чинамъ, отъ царя поодаль, на лавкахъ,—бояре подъ боярами, кто кого породою ниже, а думные дьяки стоятъ, а инымъ временемъ царь велитъ имъ сидѣть.... А когда царь имъ свою мысль объявитъ и приказываетъ, чтобы они, бояре и думные люди, помысля къ тому дѣлу дали способъ,—и кто изъ бояръ поважнѣе и разумнѣе, или кто изъ меньшихъ, мысль свою объявляютъ. А иные бояре, брады своя уставя, ничего не отвѣчаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ (т. е. по знатности происхожденія); и многіе изъ нихъ гра-

мотѣ не ученые и не студированые (т. е. не образованные); однако сыщется и кромѣ нихъ, кому отвѣчать изъ бояръ, большихъ и меньшихъ статей. А на чемъ которое дѣло приговорятъ, приказываетъ царь и бояре думнымъ дьякамъ помѣтить и тотъ приговоръ записать. А случится писать о чемъ грамоты въ окрестныя государства, и тѣ грамоты прикажутъ приготовить посольскому думному дьяку, а дьякъ приказываетъ подъячему, а самъ не готовитъ, только чернитъ и прибавляетъ, что надобно. А какъ изготовятъ,—и тѣ грамоты слушаютъ напередъ бояре, а потомъ они же слушаютъ въ другой разъ съ царемъ всѣ вмѣстѣ... А на всякихъ дѣлахъ закрѣпляютъ и помѣчаютъ думные дьяки, а царь и бояре ни къ какимъ дѣламъ рукъ своихъ не прикладываютъ". Только послы собственноручно подписываютъ договоры.

Случалось, что царь обсуждалъ какое-нибудь дѣло тайно въ небольшомъ кругу самыхъ близкихъ окольничихъ и комнатныхъ бояръ.

Дума ведетъ начало отъ стародавняго обычая русскихъ князей совѣщаться о важныхъ дѣлахъ съ съ главными дружинниками своими, или „думцами", какъ ихъ звали; но раньше такія совѣщанія были укоренившимся, почти обязательнымъ обычаемъ для князя; а со времени усиленія московскихъ государей, Дума утрачиваетъ свою обязанность. Она не представляла какого-нибудь опредѣленнаго учрежденія. Царь могъ созвать ее, могъ и безъ нея рѣшить любое дѣло, могъ призвать въ Думу, кого желалъ. Особенное значеніе Боярская Дума пріобрѣтала лишь во время отсутствія государя или въ малолѣтство его. Нерѣдко призывался патріархъ и весь „освященный соборъ", т. е. высшіе духовные сановники, которые составляли какъ бы думу патріарха. Но, тѣмъ не менѣе, званіе думнаго боярина было очень почетно, и получить этотъ санъ могли

по большой части лишь представители боярскихъ родовъ, достигнувъ почти старческаго возраста.

Случались и такія важныя дѣла, что государь считалъ нужнымъ созвать всенародную думу, или „Земскій Соборъ“. Первый такой соборъ былъ созванъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Особенно часто созывались выборные люди при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, когда государство было въ полномъ разстройствѣ и безъ всякихъ средствъ. Земскіе соборы вели свое начало отъ стараго обычая князей призывать на совѣтъ сверхъ обычныхъ своихъ думцевъ—дружинниковъ, еще и лучшихъ изъ горожанъ,—„старцевъ городскихъ“. Въ составъ соборовъ входили выборныя лица изъ всѣхъ свободныхъ сословій государства (дворяне, дѣти боярскіе, гости, торговые и посадскіе люди) и кромѣ того Боярская Дума и весь „освященный соборъ“, т. е. духовныя лица, составлявшія высшій совѣтъ при патріархѣ.

Открывалъ Земскій Соборъ обыкновенно самъ царь и дѣло велось такимъ образомъ: выборнымъ предъявлялись записанные вопросы, на которые требовались отвѣты, тоже письменные, но не поголовно а по сословіямъ. Могли, впрочемъ, и отдѣльныя лица представить, если считали нужнымъ, свои особыя мнѣнія. Вопросы не подвергались вовсе обсужденію въ общемъ собраніи; стало быть дѣло не разъяснялось всесторонне и никакого рѣшенія на соборѣ обыкновенно не постановлялось. Отвѣты выборныхъ лицъ подвергались обсужденію въ Боярской Думѣ, и тутъ уже, по желанію царя, дѣлались постановленія, имѣвшія силу закона. Конечно, земскіе соборы, гдѣ происходило избраніе царя (Бориса Годунова, Михаила Ѳеодоровича) имѣли больше силы и значенія, чѣмъ тѣ, которые созывались государемъ лишь для опроса свѣдущихъ по разнымъ дѣламъ, особенно денежнымъ.

Земскіе соборы за исключеніемъ собора 1613 года, не имѣли значенія общенародной думы: хотя и говорилось, что собирались представители „всѣхъ чиновъ людей государства“, но на дѣлѣ оказывалось не совсѣмъ такъ:—крестьянъ, напр., обыкновенно не было; при томъ выборные были по большей части не изо всѣхъ городовъ: случалось, что соборъ состоялъ изъ москвичей да представителей мѣстъ, близкихъ къ столицѣ. Выборные изъ каждаго сословія, подавая свое мнѣніе, имѣли въ виду не пользу всего народа, а только своего сословія. Рѣдко на соборахъ, насколько извѣстно, высказывались какія либо дѣльныя соображенія, которыми правительство могло бы воспользоваться; чаще выборные даже скромно уклонялись отъ прямого отвѣта на вопросъ, предоставляя рѣшить его самому „государю и государевымъ боярамъ“, выражая готовность нести всякую службу государю обыкновенно въ такихъ словахъ: „мы же, гдѣ государь укажетъ, на его государеву службу готовы, кому въ мочь“.

Земскіе соборы мало-по-малу совсѣмъ выходятъ изъ обычая. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ ихъ насчитываютъ двѣнадцать, при Алексѣѣ Михайловичѣ всего четыре; а при его преемникѣ соборовъ уже вовсе не было. Болѣе удобными оказались не общіе, а частные соборы: нужно, напр., рѣшить вопросъ о преобразованіяхъ войска,—поручается это выборнымъ изъ служилыхъ людей; надо обсудить вопросъ о налогахъ и недоимкахъ,—созывались представители только тягловыхъ (податныхъ) посадскихъ людей и т. д.

До 1669 года Дума присутствовала только по утрамъ; въ этомъ году, указомъ 3 декабря, боярамъ велѣно заниматься и по вечерамъ, съѣзжаясь въ первомъ часу ночи, т. е. тотчасъ послѣ захода солнца. Утромъ же они собирались въ десятомъ часу.

Засѣданіе Думы оканчивалось утромъ около двѣнадцати часовъ утра. Бояре, ударивъ челомъ государю, разъѣзжались, а государь шелъ къ столовому кушанью, или къ обѣду. Обѣдалъ государь большею частію одинъ; иногда только приглашалъ къ своему столу самыхъ близкихъ бояръ. Обыкновенный столъ государя былъ очень простъ; такъ, къ столу Алексѣя Михайловича подавались всегда самыя простыя блюда, ржаной хлѣбъ, немного вина, овсяная брага или легкое пиво. Чрезвычайно строго государь соблюдалъ посты. Великимъ постомъ Алексѣй Михайловичъ обѣдалъ только три раза въ недѣлю: въ воскресенье, четвергъ и субботу; въ остальные же дни кушалъ по куску чернаго хлѣба съ солью, по соленому грибу или огурцу и пилъ по стакану пива; рыбу онъ кушалъ только два раза во весь великій постъ. Кромѣ постовъ, онъ ничего мясного не ѣлъ по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ; можно считать что онъ постился восемь мѣсяцевъ въ году. Вообще государи наши отличались строгой приверженностью къ православію, ко всѣмъ уставамъ и обрядамъ церкви.

Котошихинъ говоритъ въ своихъ запискахъ: „А готовится про царскій обиходъ и въ роздачю мясные ѣствы, въ недѣлю, во вторникъ, въ четвергъ, въ субботу. А въ постные дни—въ понедѣльникъ и въ среду и въ пятокъ, и въ посты готовятъ про царскій обиходъ ѣствы, рыбныя и пирожныя, съ масломъ деревяннымъ и съ орѣховымъ и со льнянымъ и съ коноплянымъ; а въ Великой и въ Успеніевъ посты готовятца ѣствы: капуста сырая и грѣтая, грузди, рыжики соленые сырые и грѣтые, и ягодные ѣствы, безъ масла, кромѣ Благовѣщеньева дни; и ѣстъ царь въ тѣ посты, въ недѣлю, во вторникъ, въ четвергъ, въ суботу, поодиножды на день, а пьетъ квасъ, а въ понедѣльникъ и въ среду и въ пятницу во все посты не ѣстъ и не пьетъ ничего, развѣ для

своихъ и царицыныхъ и царевичевыхъ и царевниныхъ именинъ; а какъ власти и бояре у царя бываютъ на праздники за столомъ, и имъ въ тѣ постные дни ѣствы ставятъ на столъ таковыхъ, что и царю. Такъ же какъ бываютъ у царя иныхъ государствъ послы и посланники и гонцы, на пріѣздѣ или на отпускѣ, въ постные жъ дни или въ посты и къ нимъ посылаютца съ царскимъ столомъ ѣствы постные жъ, рыбные и пирожные съ масломъ; а поденный кормъ дается имъ въ посты въ постные дни не противъ постовъ, мясомъ и рыбою по указу. Такимъ же обычаемъ и про царицу и царевичей и про царевенъ большихъ, въ посты и въ постные дни, ѣствы готовятъ противъ тогожъ, что и царю; а меньшимъ царевичамъ и царевнамъ, въ посты и постные дни, готовятся ѣствы рыбные и пирожные съ масломъ, для того, что имъ еще во младыхъ лѣтѣхъ посту содержати не мощно. Да не токмо у царя въ посты и постные дни постити и не ѣсти ничего и не пити, окромѣ квасу, но и у патріарха, и у властей, и въ монастырехъ, и у бояръ, и у всякихъ чиновъ людей, и у крестьянъ таковъ же обычай: кто хочетъ воздержателенъ быти, поститъ потому-жъ, и ѣстъ, у кого что прилучилося постное; а кто не хочетъ постити, и ѣстъ рыбу и упивается виномъ и инымъ питьемъ, и такихъ отъ того не унять, а иныхъ унимаютъ, смиряютъ и отлучаютъ власти и попы отъ церкви Божіи и возлагаютъ епитемію."

Въ мясные же и рыбные дни за столомъ государя подавалось иногда до семидесяти блюдъ, которыя почти всѣ расходились на „подачи" боярамъ, окольничимъ и другимъ лицамъ, которымъ государь желалъ оказать свое благоволеніе и почесть. Котошихинъ такъ описываетъ эти подачи: „А готовятъ всякія ѣствы царю и царицѣ и царевичамъ и царевнамъ и въ роздачю и взносятъ въ Верхъ, порознь,

про кого что готовлено. И какъ царь садится ѣсть въ обѣдъ и въ вечеру, или когда бываютъ власти и бояре на обѣдѣ: и у поставца *) садится дворецкій, или окольничей и думной человѣкъ, или дьякъ дворцовой и отпущаютъ ѣству къ царю и къ царицѣ и къ царевичамъ икъ царевнамъ, „на кушивая" (т. е. отвѣдывая), и раздаютъ ѣствы въ раздачи по росписямъ, и кушавъ царь которыя ѣствы прикажетъ послать къ которому боярину, или окольничему и думному и ближнему, или иному человѣку „въ подачю". Да въ тожъ время, какъ царь кушаетъ, роздается всѣмъ боярамъ и думнымъ людямъ и спалникамъ, посылаютъ къ нимъ на дворы отъ обѣду и отъ ужины поденные подачи съ истопниками, по росписи, по блюду; и на утрее, или того дни въ вечеру, пріѣхавъ, бояре за подачю царю бьютъ челомъ. А будетъ котораго дни къ которому боярину и ближнему человѣку подачи не пришлютъ, или который истопникъ для себя тоѣ подачи, которыя имъ боярамъ уставлены, того дни не принесетъ: и они сказываютъ дворецкому, или бранятъ дьяковъ и путныхъ ключниковъ, что къ нимъ не прислано, а царского гнѣву они не вѣдаютъ никакого, за чтобъ не прислать передъ иными своею братіею; и ставитъ себѣ въ безчестье и бьютъ челомъ о томъ царю, что онъ вины на себя не вѣдаетъ никакой, а въ подачѣ его передъ своею братьею обезчестили. И царь или дворецкой велятъ про то сыскати росписми и записными книгами, что послана ли та къ нему подача и съ кѣмъ имянемъ: и будетъ сыщутъ, что послана, а тотъ человѣкъ, съ кѣмъ послана, не отнесъ, для себя, или ненарочнымъ дѣломъ идучи уронитъ въ грязь, или прольетъ, и тому человѣку,

---

*) Въ сосѣдней со Столовой комнатѣ накрывался «кормовой поставецъ», или столъ для дворецкаго, на который кушанье ставилось прежде, нежели подавалось государю.

кто такъ учинитъ бываетъ наказанiе, бьютъ передъ царскими палатами батоги; а будетъ сыщутъ, что не послано забвенiемъ, и тѣ люди, которые разсылаютъ, передъ тѣмъ бояриномъ и думнымъ и ближнимъ человѣкомъ добиваютъ челомъ, чтобъ на нихъ царю не билъ челомъ. А за то, какъ бьютъ челомъ на дворецкаго, или окольничего, бываетъ царь гнѣвенъ, а дьяковъ и путныхъ ключниковъ посылаетъ на день въ тюрьму. Такъ же бываютъ подачи отъ царицы и отъ царевичей и отъ царевенъ къ бояромъ, и думнымъ и ближнимъ людемъ, и къ ихъ женамъ и дѣтемъ, и къ инымъ людемъ, кого похотятъ пожаловать, или по свойству. А разойдется про царя, и царицу, и царевичей, и царевенъ, и бояромъ въ подачи, на всякой день, ѣствъ больши 3000 кромѣ иныхъ расходовъ, и родильныхъ и праздничныхъ дней".

Каждое блюдо всегда отвѣдывалъ сперва въ поварнѣ поваръ, потомъ ключники, несшiе блюдо во дворецъ и ставившiе его на поставецъ, затѣмъ дворецкiй и наконецъ кравчiй, который и ставилъ его на столъ. То же самое было и съ винами; ихъ нѣсколько разъ отливали и пробовали; наконецъ чашникъ, отвѣдавъ вино, держалъ кубокъ впродолженiе всего стола и каждый разъ, какъ только государь спрашивалъ вино, онъ отливалъ немного изъ кубка въ ковшъ и предварительно самъ выпивалъ, послѣ чего уже подносилъ кубокъ царю. Всѣ эти предосторожности установлены были изъ страха отравы и порчи.

Послѣ обѣда государь ложился отдыхать и обыкновенно почивалъ часа три, до вечеренъ. Къ вечернѣ снова собирались во дворецъ бояре и другiе чины, въ сопровожденiи которыхъ государь выходилъ въ придворную церковь къ вечернѣ. Послѣ нея иногда опять собиралась Дума, но большею

Царь въ полномъ облаченіи. Царица въ полномъ одѣяніи.

Дозв. ценз. Спб., 26 марта 1893 г. Тип Трунова. Спб.

частью время послѣ вечерни государь проводилъ уже въ семействѣ или съ самыми близкими людьми.

Цари наши отличались большою любознательностью и охотно занимались чтеніемъ духовно-назидательнымъ и церковно-историческихъ книгъ; изъ подобныхъ книгъ и состояли ихъ библіотеки. Особенной начитанностью отличался царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Любили наши государи читать и отечественныя лѣтописи и сказанія.

Кромѣ чтенія, любимымъ занятіемъ государей было слушать разсказы бывалыхъ людей о далекихъ земляхъ, объ иноземныхъ обычаяхъ и особенно о старинѣ. У царя Алексѣя Михайловича было во дворцѣ много стариковъ, имѣвшихъ по сту лѣтъ отъ роду, и онъ очень любилъ слушать ихъ разсказы о старинѣ; ихъ называли „верховыми (т. е. придворными) богомольцами“ и „верховыми нищими“; среди ихъ были и юродивые. Юродивые въ старину пользовались всеобщимъ уваженіемъ за святую, богоугодную жизнь и благочестіе; на нихъ смотрѣли, какъ на пророковъ и предвозвѣщателей воли Божіей. Верховые нищіе пѣвали государю „Лазаря“ и другіе духовные стихи. Были при царскомъ дворѣ еще и „бахари“, которые разсказывали сказки и пѣсни, очень любимыя нашими предками.

Къ любимымъ развлеченіямъ государя нужно отнести и шахматы; онъ игралъ въ нихъ почти каждый день.

Во второмъ этажѣ Теремного Дворца находилась Потѣшная Палата, въ которой разнаго рода потѣшники забавляли царское семейство пѣснями, музыкой, плясками, танцованьемъ по канату и тому подобными „дѣйствами.“ Были также при дворѣ дураки-шуты и дурки-шутихи, карлы и карлицы, которые пѣснями, кувырканьемъ и пр. потѣшали царское семейство.

Зимою, особенно по праздникамъ, цари любили смотрѣть медвѣжье поле, то есть, бой охотника съ

дикимъ медвѣдемъ. Весною, лѣтомъ и осенью они часто выѣзжали въ окрестности Москвы и тѣшились соколиною охотой. Лѣто государь проводилъ большею частію въ загородныхъ дворцахъ. Такъ, любимымъ въ лѣтнее время мѣстопребываніемъ царя Алексѣя Михайловича было село Коломенское, въ семи верстахъ отъ Москвы.

Послѣ вечерняго кушанья, или ужина, государь, какъ и утромъ, шелъ въ Крестовую и молился тамъ около четверти часа, а затѣмъ уходилъ въ опочивальню. Въ этомъ же покоѣ ложился и „постельничій," убиравшій царскую постель, а иногда „стряпчій съ ключомъ" и одинъ или два спальника. Въ сосѣдней комнатѣ ложились еще шестеро другихъ спальниковъ, а въ третьей комнатѣ помѣщалось нѣсколько жильцовъ; у внѣшнихъ дверей сторожили истопники.

XI.

Выше было сказано, что московскіе государи отличались чрезвычайнымъ благочестіемъ, они совершали богомольные выходы въ каждый церковный праздникъ, присутствовали при всѣхъ церковныхъ обрядахъ и торжествахъ, при чемъ являлись народу въ несказанномъ великолѣпіи, соотвѣтственно значенію древняго царскаго сана.

Къ обѣднѣ государь выходилъ обыкновенно пѣшкомъ, если было близко, или въ каретѣ, а зимою въ саняхъ, всегда въ сопровожденіи бояръ и прочихъ служилыхъ и дворовыхъ чиновъ. Во время большихъ праздниковъ государь облекался въ „нарядъ царскій", блиставшій золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями; нарядъ этотъ былъ очень тяжелъ, а потому государя всегда поддерживали подъ руки стольники или бояре. Свита государя была одѣта также богато; если бояринъ не имѣлъ собственной богатой одежды, то ему выдавали на время выхода такую одежду изъ царской казны.

Во время шествія впереди государя шли меньшіе чины, по два или по три въ рядъ, а за нимъ слѣдовали бояре, окольничіе, думные дворяне и ближніе люди. На всѣхъ выходахъ въ царской свитѣ находился постельничій со „стряпнею", которую несли за нимъ стряпчіе, а именно: „полотенцо", или носовой платокъ, „стулъ", на который садился государь, „подножье", или коверъ, на который онъ становился, „солношникъ", или зонтикъ, и другіе предметы.

Въ монастыри и церкви, лежавшіе внѣ Кремля, государь зимой ѣхалъ въ саняхъ, или, какъ тогда

говорили, „шелъ саньми"; возницею бывалъ стольникъ, сидѣвшій верхомъ, такъ какъ въ старину ѣздили безъ вожжей; другой стольникъ стоялъ на запяткахъ. За санями шли бояре, окольничіе и другіе придворные чины. Весь поѣздъ сопроводжалъ отрядъ стрѣльцовъ человѣкъ во сто, чтобы разгонять толпу.

Первый выходъ былъ въ Новый годъ, начинавшійся тогда 1 сентября, „на лѣтопровожденіе", въ десятомъ часу утра. Посреди соборной площади, противъ Краснаго Крыльца, устраивался обширный помостъ. На немъ, съ восточной стороны, поставлялись три налоя, на одномъ изъ которыхъ ставили образъ Симеона Лѣтопроводца; съ западной стороны устраивались два особыхъ мѣста, одно для государя, другое-для патріарха. Патріархъ выходилъ на „дѣйство" изъ западныхъ вратъ Успенскаго Собора въ сопровожденіи духовенства въ богатѣйшихъ облаченіяхъ; въ то же время изъ дворца показывалось шествіе государя, возвѣщавшееся звономъ на Иванѣ Великомъ. Взойдя на помостъ, государь прикладывался къ евангелію и иконамъ, потомъ принималъ благословеніе отъ патріарха, который спрашивалъ при этомъ о его царскомъ здоровьѣ. Духовныя власти и бояре становились по обѣ стороны мѣстъ государя и патріарха, по чину. Вся соборная площадь еще до выхода государя покрывалось служилыми людьми, стоявшими парадно на заранѣе назначенныхъ мѣстахъ.

По окончаніи молебствія патріархъ осѣнялъ крестомъ государя и „здравствовалъ" ему длинною рѣчью, которую заканчивалъ пожеланіемъ здравія государю, государынѣ и всему его семейству. Государь благодарилъ патріарха и потомъ прикладывался къ евангелію и святымъ иконамъ. Послѣ того государя и патріарха поздравляли съ новымъ годомъ духовныя власти и бояре. За этими поздравленіями государя поздравляла вся площадь: всѣ стрѣлецкіе полки, бывшіе на площади, и многое множество на-

рода, весь „міръ“,—всѣ въ одно мгновеніе ударяли челомъ въ землю и многолѣтствовали государю. Государь отвѣтствовалъ „міру“ поклономъ. Послѣ этого государь отправлялся въ Благовѣщенскій Соборъ къ обѣднѣ, или къ себѣ въ хорому.

Въ сочельникъ, 24 декабря, рано утромъ государь дѣлалъ тайный выходъ въ сопровожденіи только отряда стрѣльцовъ и подъячихъ Тайнаго Приказа въ тюрьмы и богадѣльни; здѣсь онъ изъ собственныхъ рукъ раздавалъ милостыню заключеннымъ, плѣннымъ и богадѣленнымъ, увѣчнымъ и всякимъ бѣднымъ людямъ. По улицамъ государь также раздавалъ милостыню нищимъ и убогимъ. Кромѣ того, довѣренные лица государя раздавали милостыню на Красной Площади и другихъ мѣстахъ. Ни одинъ бѣдный человѣкъ въ Москвѣ не оставался въ этотъ день безъ царской милости: у каждаго было чѣмъ разговѣться, каждый былъ съ праздникомъ. Такіе царскіе выходы „тайно“ дѣлались и наканунѣ другихъ большихъ праздниковъ.

Послѣ утренняго тайнаго выхода государь слушалъ царскіе часы въ Столовой Избѣ или въ Золотой Палатѣ. Затѣмъ, къ вечеру, государь, въ сопровожденіи бояръ и прочихъ чиновъ, выходилъ въ Успенскій Соборъ къ вечернѣ и къ дѣйству многолѣтія. Во время службы соборный архидіаконъ „кликалъ“ многолѣтіе государю и всему царскому семейству. Послѣ того патріархъ со властьми „здравствовалъ“ государю, а государь поздравлялъ патріарха и властей; затѣмъ государю здраствовали бояре и другіе чины, а государь поздравлялъ ихъ.

Вечеромъ приходили во дворецъ протопопы, попы и пѣвчіе „славить Христа“. Государь принималъ ихъ въ Столовой Избѣ или въ Передней Палатѣ и жаловалъ ихъ по ковшу меда. Кромѣ того христославы получали „славленое“, т. е., деньги, смотря по важности причта—одни больше, рублей по 12 на

всѣхъ, другіе меньше—по полтинѣ и даже по нѣсколько алтынъ.

Въ самый праздникъ Рождества Христова государь слушалъ заутреню въ Столовой или въ Золотой Палатѣ. Сюда же передъ обѣдней являлся патріархъ, въ сопровожденіи духовныхъ властей, славить Христа и поздравлялъ государя. По уходѣ патріарха государь облекался въ царскій нарядъ и отправлялся въ сопровожденіи богато разодѣтыхъ бояръ въ соборъ къ обѣднѣ. Послѣ обѣдни у государя въ Столовой или Золотой Палатѣ приготовлялся праздничнѣй столъ для патріарха, духовныхъ властей и бояръ, а на тюремномъ дворѣ кормили заключенныхъ и плѣнныхъ, иногда человѣкъ по тысячи.

Особенной торжественностью и великолѣпіемъ отличался царскій выходъ въ день Крещенія; въ немъ государь являлся народу въ полномъ блескѣ своего царскаго величія; чтобы видѣть торжественное освященіе воды на Москвѣ—рѣкѣ, въ Москву съѣзжалось множество народа со всего государства. Вся Кремлевская площадь покрывалась густою толпою народа; отъ Успенскаго собора до самой Москвы—рѣки стоялъ въ двѣ линіи строй стрѣльцовъ, пролагая дорогу для крестнаго хода.

Около 12 часовъ утра государь начиналъ, при звонѣ колоколовъ на Иванѣ Великомъ свое шествіе изъ дворца въ Успенскій соборъ; народъ на площади, при его появленіи, билъ ему челомъ. Въ соборъ за государемъ входили только высшіе придворные чины, а остальные становились на помостѣ между Успенскимъ и Архангельскимъ соборами. Когда начинался крестный ходъ, государь выходилъ и останавливался у южныхъ вратъ собора; патріархъ, проходя мимо, осѣнялъ его Животворящимъ крестомъ, а духовныя власти отдавали ему по два поклона.

Торжественное шествіе открывали, по два въ рядъ, стрѣльцы въ числѣ 400—600 человѣкъ, въ лучшемъ

цвѣтномъ платаѣ, съ богато украшеннымъ оружіемъ. За стрѣльцами слѣдовалъ крестный ходъ, а за нимъ шелъ патріархъ въ сопровожденіи огромнаго числа духовенства: однихъ священниковъ бывало до 300 и до 200 дьяконовъ. Потомъ слѣдовало шествіе государя; впереди шли нижніе придворные чины въ бархатныхъ кафтанахъ, по три въ рядъ; за ними—дворяне, стольники, стряпчіе въ золотыхъ кафтанахъ; далѣе—бояре, окольничіе и ближніе люди въ богатыхъ шубахъ, наконецъ—постельничій съ двѣнадцатью стряпчими, которые несли „царскую стряпню": посохъ, шапку, полотенце, коверъ, стулъ и пр.

Государь шествовалъ въ „большомъ царскомъ нарядѣ". Поверхъ зипуна и богатѣйшаго становаго кафтана на немъ было царское „платно", или порфира. Платно дѣлалось изъ золотной матеріи, изъ бархата, атласа, съ горностаевымъ воротникомъ и собольей опушкой, съ широкими и короткими рукавами, съ кружевомъ вдоль полъ и по подолу, съ запонами и другими украшеніями изъ драгоцѣнныхъ камней; при вѣнчаніи на царство платно возлагалось на вѣнчаемаго въ храмѣ поверхъ становаго кафтана. Царская шапка блестѣла драгоцѣнными камнями: алмазами, изумрудами, яхонтами. Плечи государя покрывали „бармы", или оплечье; на груди висѣлъ крестъ Животворящаго Древа; въ правой рукѣ государь держалъ жезлъ, богато украшенный золотомъ и каменьями; сафьянные или бархатные сапоги были также богато унизаны жемчугомъ и каменьями. Двое стольниковъ поддерживали государя подъ руки, а около шли бояре, окольничіе и думные дворяне въ богатыхъ шубахъ и высокихъ горлатныхъ шапкахъ. По обѣимъ сторонамъ царскаго пути шли стрѣлецкіе полковники, которые оберегали царское шествіе отъ тѣсноты. Затѣмъ шли въ богатыхъ праздничныхъ одеждахъ гости, приказные и, наконецъ, народъ. Позади шествія ѣхали большія нарядныя

сани, на которыхъ государь возвращался домой съ іордани.

На Москвѣ-рѣкѣ устраивалась іорданская сѣнь, богато украшенная красками, золотомъ и серебромъ; внутри было изображено Крещеніе Спасителя. Подлѣ іордани стояли особыя мѣста для царя и патріарха; іордань и эти мѣста окружались рѣзною рѣшоткой.

Шествіе подходило къ іордани, государь съ патріархомъ занимали свои мѣста; духовенство становилось вокругъ іордани, а бояре и другіе высшіе чины подлѣ царскаго мѣста; за рѣшеткой помѣщались низшіе придворные чины, стрѣлецкіе полковники и пр. На льду Москвы рѣки стояли войска со знаменами, барабанами и оружіемъ; по берегамъ густыми толпами тѣснился народъ.

Передъ началомъ освященія воды духовныя власти подходили, по два въ рядъ, къ государю и патріарху и кланялись; потомъ патріархъ раздавалъ всѣмъ свѣчи, начиная съ государя, и начиналъ молебствіе. Когда онъ погружалъ въ воду Животворящій Крестъ, начальники всѣхъ полковъ и знаменьщики со знаменами подходили къ іордани для окропленія знаменъ святою водой. Послѣ погруженія Креста патріархъ серебрянымъ ведромъ черпалъ воду изъ іордани и отдавалъ ее ключарю; потомъ онъ наполнялъ также св. водой государеву стопу, которую относили во дворецъ и окропляли тамъ всѣ комнаты и иконы. Затѣмъ патріархъ трижды осѣнялъ государя Крестомъ, кропилъ святою водой и поздравлялъ съ торжествомъ; государь прикладывался ко Кресту, поздравлялъ патріарха и принималъ поздравленія духовенства и бояръ.—Тѣмъ же порядкомъ крестный ходъ возвращался въ Успенскій Соборъ, откуда государь, отслушавъ отпускную молитву, шествовалъ во дворецъ.

Въ воскресенье передъ масляницею совершалось „дѣйство страшнаго суда“. На площади, за алта-

ремъ Успенскаго собора, устраивались два мѣста: одно для государя, а другое для патріарха. Противъ патріаршаго мѣста ставили помостъ, обитый краснымъ сукномъ, а на немъ изображеніе Страшнаго Суда и большой налой подъ св. Евангеліе. Патріархъ и государь шествовали изъ Успенскаго собора на мѣста, гдѣ быть дѣйству, съ крестнымъ ходомъ и при оглушительномъ колокольномъ звонѣ. Дѣйство состояло въ пѣніи стихиръ, освященіи воды и чтеніи, на всѣ четыре стороны, Евангелія, послѣ чего патріархъ отиралъ губкою образъ Страшнаго Суда и другія иконы; затѣмъ онъ осѣнялъ государя крестомъ и кропилъ св. водой. Въ этотъ день утромъ государь тайно обходилъ тюрьмы и богадѣльни, раздавалъ милостыню и освобождалъ заключенныхъ. Кромѣ того во дворцѣ, въ Столовой Палатѣ, въ этотъ день давался столъ на нищую братію; государь самъ обѣдалъ за этимъ столомъ и угощалъ своихъ многочисленныхъ гостей, а послѣ обѣда раздавалъ имъ милостыню.

Съ половины масляницы наступали прощеные дни. Въ среду, четвергъ и пятницу государь посѣщалъ монастыри, гдѣ прощался съ братіею и старцами и одѣлялъ ихъ милостынею. Въ субботу или воскресенье государь и патріархъ ходили прощаться къ государынѣ; она принимала ихъ въ Золотой Палатѣ и жаловала бояръ, сопровождавшихъ царя, къ рукѣ.

Въ воскресенье передъ постомъ патріархъ со всѣми духовными властями приходилъ передъ обѣдней прощаться къ государю, который принималъ его въ Столовой Палатѣ. Затѣмъ государь прощался со всѣми придворными чинами, т. е. жаловалъ ихъ къ рукѣ. Вечеромъ происходилъ обрядъ прощенія въ Успенскомъ соборѣ: государь подходилъ къ патріарху и, „говоря прощеніе“, прикладывался ко кресту. Духовныя и свѣтскія власти также, говоря

прощенiе, цѣловали крестъ у патрiарха и потомъ подходили къ государю къ рукѣ.

Изъ собора государь шествовалъ прощаться къ патрiарху въ сопровожденiи бояръ и прочихъ чиновъ. Патрiархъ встрѣчалъ его на лѣстницѣ, благословлялъ и, принявъ подъ руку, шелъ съ нимъ на обычныя мѣста. Еще до прихода государя въ сѣняхъ устраивался царскiй „питейный поставецъ" съ разными винами и медами. Посидѣвъ немного, государь, приказывалъ стольникамъ подавать свое царское питье; стольники вносили разныхъ питiй по три кубка и подавали ихъ патрiарху; патрiархъ, отливъ немного изъ каждаго кубка для себя, подносилъ ихъ государю, который откушавъ изъ кубковъ, возвращалъ ихъ стольникамъ. Послѣ того стольники вносили кубки для бояръ, всѣхъ питiй по кубку. Послѣ этихъ „прощальныхъ чашъ", всѣ присутствовавшiе въ палатѣ, по знаку государя, выходили въ сѣни, а государь и патрiархъ оставались на полчаса одни. Потомъ бояре входили снова, патрiархъ благословлялъ государя, который шествовалъ отъ него въ Успенскiй и Архангельскiй соборы, гдѣ „прощался" у св. мощей и у гробовъ родителей.

Въ этотъ прощальный день государи наши наблюдали еще одинъ прекрасный обычай: утромъ начальники всѣхъ приказовъ докладывали государю о заключенныхъ, которые многiе годы томятся въ тюрьмахъ. По этимъ докладамъ государь освобождалъ весьма многихъ преступниковъ, особенно тѣхъ, вина которыхъ не была велика.

Въ Сборное воскресенье церковь совершала „дѣйство православiя" въ память возстановленiя почитанiя св. иконъ, на которомъ провозглашается вѣчная память православнымъ и анаѳема еретикамъ. Дѣйство происходило тамъ же, гдѣ и дѣйство Страшнаго Суда, т. е. за алтаремъ Успенскаго собора. Государь выходилъ изъ дворца съ дворцовыми иконами; патрi-

архъ, выйдя изъ собора, встрѣчалъ иконы и государя, кадилъ, прикладывался къ иконамъ и благословлялъ государя крестомъ. При входѣ государя въ соборъ, хоръ пѣлъ ему многолѣтіе. Потомъ при звонѣ колоколовъ, духовенство съ иконами выходило на дѣйство. Когда протодьяконъ провозглашалъ: „аще кто не почитаетъ и не кланяется святымъ иконамъ, да будетъ анаѳема“, государь сходилъ съ своего мѣста и прикладывался къ иконамъ, за нимъ прикладывался патріархъ, всѣ духовныя власти и свѣтскіе чины и, наконецъ, народъ. Послѣ того протодьяконъ „кликалъ“ государю многолѣтіе, а патріархъ со властями здравствовалъ государю. По окончаніи дѣйства государь слушалъ въ соборѣ обѣдню.

На Благовѣщенье Пресвятыя Богородицы государь слушалъ всенощную въ Благовѣщенскомъ соборѣ. За всенощной патріархъ совершалъ „чинъ хлѣболомленія“. Благословивъ хлѣбы и вино, онъ раздроблялъ хлѣбы и подносилъ часть государю вмѣстѣ съ кубкомъ вина; потомъ раздавалъ властямъ и боярамъ; хлѣбы эти назывались „укругами“. Въ праздникъ Благовѣщенія государь часто кормилъ въ своихъ покояхъ нищихъ.

XI.

Не менѣе торжественно, чѣмъ крестный ходъ въ Богоявленіе, совершался въ недѣлю Ваій (Вербное воскресенье) обрядъ „шествія на осляти“ въ память входа Господня въ Іерусалимъ. Обрядъ этотъ во второй половинѣ семнадцатаго вѣка происходилъ такимъ образомъ.

Послѣ ранней обѣдни государь выходилъ въ Успенскій соборъ въ праздничномъ выходномъ платьѣ, въ сопровожденіи бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ и прочихъ чиновъ. Изъ собора совершался крестный ходъ; въ немъ участвовало духовенство всей Москвы и окрестныхъ монастырей, и многіе иногородніе игумены и священники; несли хоругви, кресты, иконы, рипиды. Съ одной стороны патріарха несли евангеліе, съ другой—золотой, украшенный жемчугомъ, крестъ. Духовенство было въ богатѣйшемъ облаченіи. Вслѣдъ за патріархомъ открывалось царское шествіе въ томъ же порядкѣ, какъ и въ Богоявленіе.

Шествіе направлялось изъ Успенскаго собора черезъ Спасскія ворота къ храму Покровскаго собора (церкви Василія Блаженнаго); здѣсь останавливались лицомъ къ востоку. Государь и патріархъ шли въ соборный придѣлъ Входа Господня въ Іерусалимъ; государя сопровождали только знатнѣйшіе сановники, прочіе же становились у Лобнаго мѣста по чинамъ. Въ соборѣ патріархъ совершалъ молебствіе и облачался; государь также возлагалъ на себя торжественный царскій нарядъ. Въ тоже время на Лобномъ мѣстѣ, убранномъ бархатомъ и сукнами, ставили налой, покрытый зеленою бархатной пеленой; на

налой клали евангеліе и иконы. Путь отъ Лобнаго мѣста къ Спасскимъ воротамъ былъ огражденъ и тутъ стояли кадки съ вербами для народа. Стрѣльцы и народъ наполняли площадь. На кровлѣ одной изъ близкихъ къ собору лавокъ становился служилый человѣкъ со знаменемъ, чтобы давать сигналы во время церемоніи.

Близъ Лобнаго мѣста стояло осля. Это былъ конь, который покрывался съ головой бѣлымъ суконнымъ покрываломъ (каптуромъ) съ длинными ушами, что придавало ему нѣкоторое подобіе осла. При конѣ былъ патріаршій бояринъ и пять человѣкъ дьяковъ; тутъ же стояла нарядная верба, большое дерево, украшенное искусственно зеленью, плодами и цвѣтами. Ставилась она на богато украшенныхъ саняхъ (обыкновенно на колесахъ), въ которыя запряжено было шесть коней въ цвѣтныхъ бархатныхъ попонахъ.

Когда государь и патріархъ выходили изъ Покровскаго собора, образа и кресты направлялись къ Успенскому собору. Патріархъ, поднявшись на Лобное мѣсто, подавалъ царю сначала ваію (пальмовую вѣтвь), а затѣмъ вербу, стволъ которой былъ обшитъ бархатомъ. Подобныя-же ваіи и вербы раздавалъ онъ духовнымъ и свѣтскимъ сановникамъ, а меньшимъ людямъ и народу митрополиты и епископы раздавали только вербу.

Затѣмъ архидіаконъ читалъ евангеліе о входѣ Спасителя въ Іерусалимъ и когда доходилъ до словъ: „и посла два отъ ученикъ“,—тогда соборный протопопъ съ ключаремъ подходили къ патріарху; онъ благословлялъ ихъ „по осля идти“. Они шли къ лошади и отвязывали ее. При этомъ патріаршій бояринъ спрашивалъ: „Что отрѣшаете осля сіе“? А посланные отвѣчали: „Господь требуетъ“. Затѣмъ, покрывъ лошадь коврами, подводили ее къ патріарху, который, взявъ въ одну руку евангеліе, а въ дру-

гую крестъ, благословлялъ государя и садился на лошадь.

Шествіе открывалось младшими государевыми чинами; за ними везли нарядную вербу: на саняхъ, подъ деревомъ, стояли и пѣли патріаршіе пѣвчіе. За вербою слѣдовало духовенство съ иконами, за ними—ближніе люди, думные дьяки и окольничіе въ богатыхъ уборахъ, потомъ государь въ большомъ царскомъ нарядѣ, поддерживаемый подъ руки ближними людьми, велъ „осля“ за конецъ повода; середину повода держалъ за государемъ одинъ изъ важнѣйшихъ бояръ; кромѣ того лошадь вели подъ уздцы два дьяка. Передъ государемъ стольники и ближніе люди несли царскій жезлъ, государеву свѣчу и пр. По обѣ стороны шли бояре, окольничіе и думные дворяне съ ваіями. Патріархъ на всемъ пути благословлялъ народъ крестомъ. За нимъ шло въ огромномъ числѣ духовенство въ блистающихъ ризахъ. Шествіе заключали гости (именитые купцы).

На всемъ пути дѣти, мальчики лѣтъ 10—15-ти, постилали передъ государемъ и патріархомъ куски сукна разныхъ цвѣтовъ, суконныя однорядки и кафтаны. Медленно и торжественно вступала процессія въ Спасскія ворота; тогда начинался звонъ не только въ Кремлѣ, но по всѣмъ московскимъ церквамъ и не прекращался до вступленія царя и патріарха въ Успенскій соборъ. Здѣсь архидіаконъ доканчивалъ чтеніе евангелія, патріархъ принималъ у государя ваію; государь получалъ отъ него благословеніе и шелъ къ обѣднѣ въ одну изъ дворцовыхъ церквей, а патріархъ служилъ литургію въ соборѣ и, по отпускѣ, шелъ къ нарядной вербѣ и благословлялъ ее. Затѣмъ отъ вербы отсѣкали сукъ и относили его въ алтарь; послѣ того отрѣзали вѣтви и часть ихъ посылали на серебряныхъ блюдахъ на верхъ, т. е. во дворецъ, а другую раздавали духов-

нымъ сановникамъ и боярамъ. Остатки-же вербы и убранство саней доставались на долю народа.

Обрядъ шествія на осляти справлялся и по другимъ большимъ русскимъ городамъ; въ нихъ патріарха замѣнялъ архіерей, а царя—воевода.

Вообще церковное благолѣпіе, богатство и пышность обрядовъ всегда были предметомъ особенной заботы благочестивыхъ русскихъ государей и святителей; особеннаго же великолѣпія достигли они при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ.

Предъ наступленіемъ Свѣтлаго Христова Воскресенья, въ среду, пятницу, и субботу, государь снова посѣщалъ ночью тюрьмы и богадѣльни, раздавалъ вездѣ щедрую рукою милостыню нищимъ и заключеннымъ, освобождалъ преступниковъ, выкупалъ посаженныхъ за долги.

Наканунѣ Свѣтлаго Дня государь слушалъ въ Комнатѣ полунощницу, послѣ которой принималъ высшихъ сановниковъ, которые являлись въ Комнату „видѣть его великаго государя пресвѣтлыя очи.“ Низшіе придворные чины не допускались въ Комнату, а видѣли государскіе очи и били челомъ ужъ на выходѣ, въ Передней, на Золотомъ, Постельномъ или Красномъ Крыльцѣ. Бояре, окольничіе и всѣ другіе сановники должны были непремѣнно явиться въ это время во дворецъ и сопровождать государя къ заутрени, а потомъ къ обѣднѣ.

Утреню государь слушалъ всегда въ Успенскомъ Соборѣ; государь шествовалъ въ соборъ въ роскошномъ царскомъ нарядѣ, въ сопровожденіи богато разодѣтыхъ бояръ. Послѣ крестнаго хода вокругъ собора, государь входитъ въ храмъ и становится на своемъ мѣстѣ; за нимъ входили всѣ высшіе сановники. Затѣмъ, во время заутрени, государь прикладывался къ образамъ и „творилъ цѣлованіе въ уста“ съ патріархомъ, митрополитами, архіепископами и

епископами, а остальныхъ духовныхъ лицъ жаловалъ къ рукѣ, причемъ всѣмъ жаловалъ красныя яйца. Похристовавшись съ патріархомъ и духовными властями, государь шествовалъ на свое мѣсто, жаловалъ къ рукѣ бояръ и ближнихъ людей и раздавалъ имъ яйца, которыя держалъ на блюдахъ „приносчикъ“ „съ десятью подносчиками“; яйца были гусиныя, куриныя и деревянныя точеныя, расписанныя по золоту яркими красками цвѣтными травами; государь раздавалъ ихъ по три, по два и по одному, смотря по знатности лицъ.

Послѣ заутрени государь шелъ въ Архангельскій соборъ, гдѣ прикладывался къ иконамъ и св. мощамъ и христосовался съ родителями, т. е., поклонялся ихъ праху. Отсюда царь направлялся въ Благовѣщенскій соборъ, гдѣ также прикладывался къ образамъ и мощамъ; благовѣщенскій протопопъ былъ царскимъ духовникомъ и государь „цѣловался съ нимъ въ уста“ и жаловалъ яйцами. Изъ Благовѣщенскаго собора государь шелъ во дворецъ, гдѣ жаловалъ къ рукѣ бояръ и другихъ придворныхъ, оставшихся во дворцѣ для охраненія царскаго семейства.

Затѣмъ во дворецъ являлся патріархъ съ духовными властями славить Христа и поздравлять; государь принималъ ихъ въ Золотой или Столовой Палатѣ; отсюда съ патріархомъ, духовенствомъ и боярами онъ шествовалъ къ царицѣ; которая принимала ихъ въ своей Золотой Палатѣ, окруженная боярышнями. Государь христосовался съ нею, патріархъ и духовенство благословляли царицу иконами и цѣловали у нея руку; бояре, ударивъ челомъ, также цѣловали у ея руку. Въ это время обѣ руки государыни поддерживали боярыни изъ ближнихъ родственницъ. Раннюю обѣдню слушалъ обыкновенно въ одной изъ дворцовыхъ церквей, вмѣстѣ съ семействомъ, съ царицею и дѣтьми; къ поздней

Шествіе на осляти въ Вербное воскресенье.

Дозв. ценз. Спб., 26 марта 1893 г. Тип. Трупова. Спб.

выходилъ въ Успенскій соборъ, въ полномъ царскомъ нарядѣ и въ сопровожденіи придворныхъ чиновъ.

Въ этотъ радостный для всѣхъ день, государь снова посѣщалъ тюрьмы, больницы и богадѣльни; сказавъ преступникамъ: „Христосъ Воскресъ и для васъ", онъ дарилъ каждаго изъ нихъ одеждою и присылалъ, чѣмъ разговѣться. Кромѣ того, въ этотъ же день государь давалъ столъ на нищую братію въ царицыной Золотой Палатѣ.

Въ среду Свѣтлой недѣли государь принималъ въ Золотой Палатѣ патріарха, митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ, приходившихъ съ „приносомъ", или съ дарами. Патріархъ благословлялъ государя образомъ и золотымъ крестомъ, дарилъ ему нѣсколько кубковъ, нѣсколько кусковъ бархату, атласу, камки и другихъ матерій, потомъ три сорока соболей и сто золотыхъ. Митрополиты и архіепископы подносили государю (или присылали со своими стряпчими) „великоденскій мѣхъ меду" и „великоденское яйцо", т. е. извѣстное количество золотыхъ. Царицѣ, царевичамъ и царевнамъ были такіе же дары, только въ меньшемъ размѣрѣ. Вмѣстѣ съ духовенствомъ къ государю являлись съ дарами именитый человѣкъ Строгановъ и гости московскіе и изъ другихъ городовъ. Приношеніе Строганова было самымъ большимъ послѣ патріаршаго. Въ 1675 году царю Алексѣю Михайловичу съ семействомъ было поднесено всего 2359 золотыхъ.

Въ теченіи всей Свѣтлой недѣли государь послѣ обѣдни принималъ поздравленія отъ всѣхъ служилыхъ, дворовыхъ и всякихъ чиновъ людей, жаловалъ каждаго къ рукѣ и одѣлялъ всѣхъ крашеными яйцами. На раздачу всѣмъ крашеныхъ яицъ выходило съ Свѣтлаго дня по Вознесеньевъ до 37000 штукъ.

Въ Троицынъ день былъ также торжественный

царскій выходъ ьъ Успенскій соборъ, при чемъ впереди государя ближніе стольники несли на коврѣ „вѣникъ“ (т. е. пукъ цвѣтовъ) и „листъ“ (т. е. кучу ощипанныхъ съ дерева листьевъ). Передъ началомъ троицкой вечерни соборные ключари подносили государю подобный же „листъ“ отъ патріарха, и смѣшавъ съ государевымъ листомъ и разными травами и цвѣтами, настилали имъ царское мѣсто и кропили розовой водой. Этимъ же листомъ устилали мѣсто патріарху и высшимъ духовнымъ властямъ, а остальное разносило по всему храму. На этомъ благовонномъ листу, во время моленія, государь совершалъ колѣнопреклоненіе, или, какъ тогда говорили, „лежалъ на листу“.

Въ день Происхожденія Честнаго и Животворящаго Креста Господня, 1 августа, когда бываетъ крестный ходъ на воду, былъ также царскій выходъ. На Москвѣ-рѣкѣ противъ Симонова монастыря устраивалась іордань, какъ и въ Крещенье. Крестный ходъ совершался изъ Симонова монастыря. Государь, въ сопровожденіи бояръ, шелъ съ крестнымъ ходомъ на воду и по освященіи ея торжественно погружался въ іордань вмѣстѣ съ боярами. На этомъ выходѣ государь былъ въ обыкновенномъ выходномъ платьѣ, но для торжественнаго погруженія въ іордани, надѣвалъ на себя кресты съ мощами.

Эти постоянные царскіе выходы съ крестными ходами и въ другихъ случаяхъ указываютъ на чрезвычайное благочестіе нашихъ государей.

XII.

О вѣнчаніи государей на царство.

Внѣшними отличительными знаками верховной власти государей считаются: корона, скипетръ, держава, престолъ и порфира.

У насъ древнѣйшею короною, или „царскимъ вѣнцомъ“ считается такъ называемая, „шапка Мономаха“, хранящаяся нынѣ въ Москвѣ, въ Оружейной Палатѣ. Лѣтописецъ сообщаетъ, что она была прислана великому князю Кіевскому Владимиру Всеволодовичу Мономаху императоромъ византійскимъ Алексѣемъ Комненомъ и что она принадлежала прежде дѣду Владимира, по матери, Константину Мономаху; что привезшій въ Кіевъ эту шапку эфесскій митрополитъ Неофитъ вѣнчалъ ею, какъ царскимъ вѣнцомъ, Владимира Мономаха и что великій князь заповѣдалъ вѣнчать по смерти его на царство до тѣхъ поръ, пока на Руси не будетъ могущественный самодержецъ. Кромѣ шапки Владимиру Мономаху были присланы изъ Царьграда еще „бармы“, скипетръ и держава, и всѣмъ этимъ предметамъ было усвоено названіе „мономаховы“. Тогда же были присланы изъ Царьграда Животворящій Крестъ, „гривна“ на цѣпи изъ аравійскаго золота, а также „крабійца“, или сосудъ для мѵра.

Бармами назывались собственно иконы, бывшія на большой „діадимѣ“, или на широкомъ, златотканомъ платнѣ, составлявшемъ ожерелье и вмѣстѣ съ тѣмъ оплечья, въ видѣ закругленной перелины. Онѣ назывались „святыми“ и отличались отъ бармъ

„меньшихъ нарядовъ“ тѣмъ, что на этихъ послѣднихъ не было иконъ. На иконахъ, составлявшихъ бармы Мономаховы, были первоначально изображенія: Спасителя, Богоматери, Іоанна Крестителя и святыхъ.

Коронація государей представляетъ соединеніе двухъ торжествъ: религіознаго и государственнаго. Въ первомъ изъ этихъ торжествъ существенною частью бываетъ мѵропомазаніе, при которомъ призывается особенная благодать Святого Духа на помазуемаго государя. По ученію нашей церкви, не признающіе такой благодати подлежатъ анаѳематствованію и отлученію. Въ праздникъ православія, совершающійся въ первое воскресенье великаго поста, въ чинѣ „Послѣдованія“, установленномъ на этотъ случай, между прочимъ провозглашается: „Помышляющимъ, яко православные государи возводятся на престолы не по особливому о нихъ Божію благоволенію и при помазаніи дарованія Духа Святого къ прохожденію великаго сего званія на нихъ не изливаются: и тако дерзающимъ противъ ихъ на бунтъ и измѣну—анаѳема“!

Скипетръ принадлежитъ къ древнѣйшимъ символамъ власти. Онъ заимствованъ отъ пастушескаго посоха и употреблялся еще, какъ почетный знакъ, у древнихъ грековъ и римлянъ, а затѣмъ и христіанской церкви. Впослѣдствіе онъ былъ усвоенъ и христіанскими государями. У насъ посохъ считался издревле главнымъ знакомъ верховной власти, и въ 1613 году царскій посохъ былъ поднесенъ, вмѣсто Мономаховой шапки, новоизбранному царю Михаилу Ѳедоровичу Романову. Затѣмъ европейскіе государи замѣнили длинные посохи укороченными жезлами, получившими общее названіе скипетровъ.

Къ древнѣйшимъ знакамъ верховной власти принадлежитъ еще и держава, то-есть, шаръ, или глобусъ или, такъ называемое у насъ въ старину, „Яблоко“.

Длинная одежда, въ видѣ мантіи, считалась всегда почетнымъ убранствомъ, и это объясняется тѣмъ что въ такой одеждѣ человѣкъ представляется сановитѣе. Судя по греческому названію царской одежды, „порфира", —надобно полагать, что первоначально она была багрянаго цвѣта. О порфирѣ упоминается уже въ описаніи старинныхъ коронацій русскихъ государей.

Къ знакамъ верховной власти государей принадлежитъ еще престолъ, обыкновенно называемый „трономъ". Понятіе о почетномъ возвышенномъ сѣдалищѣ существовало въ самой глубокой древности и у всѣхъ народовъ. Понятіе же о царскомъ престолѣ утвердилось въ христіанскомъ мірѣ вмѣстѣ съ понятіемъ о Богѣ, о престолѣ Котораго упоминается очень часто и въ священномъ Писаніи, и въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ. Всѣ государи имѣли въ своихъ дворцахъ тронныя залы, въ которыхъ на особомъ возвышеніи, подъ балдахиномъ, поставленъ престолъ, или богато убранное кресло. Изъ старинныхъ русскихъ престоловъ замѣчательны три: царя Ивана Васильевича Грознаго, царя Михаила Ѳедоровича, или такъ называемый „персидскій" престолъ, присланный въ подарокъ этому государю персидскимъ шахомъ Аббасомъ, и престолъ царя Алексѣя Михайловича. Кромѣ того, существуетъ еще престолъ двумѣстный, сдѣланный изъ серебра для одновременнаго коронованія царей Ивана и Петра Алексѣевичей. Коронаціонные престолы украшались обыкновенно драгоцѣнными камнями, а также литыми изъ золота фигурами и рѣзными украшеніями.

При коронаціи государей употреблялась (и теперь употребляется) утварь, имѣющая особое значеніе по своей древности или составляющая особую святыню. Такъ, при коронаціи русскихъ государей употребляется крестъ съ частицею Животворящаго Креста, присланною Владимиру Мономаху, а также присланная

ему же „крабійца", или яшмовой сосудъ, принадлежавшій нѣкогда кесарю Августу, „обладавшему всею вселенною". Собственно чаша эта была пиршественная; она сдѣлана изъ яшмы, украшена драгоцѣнными камнями, а на крышѣ ея находится змій, свернувшійся въ кольцо, въ стоячемъ положеніи, въ нее вливалось мѵро для священнаго мѵропомазанія.

Обрядъ коронованія всегда предшествовалъ мѵропомазанію. О таинствѣ мѵропомазанія упоминается въ первый разъ только при вѣнчаніи на царство Ѳеодора Ивановича, а первое коронованіе на великое княженіе „Володимирское, Московское и Новгородское" было коронованіе князя Димитрія Ивановича, родного внука великаго князя Ивана Васильевича III. Оно происходило 3 февраля 1498 г., въ Москвѣ. Въ ту пору Московскій дворъ, вслѣдствіе брака великаго князя, съ Софіей Ѳоминишной Палеологъ, а также вслѣдствіе наплыва въ Москву грековъ, придерживался обычаевъ императорскаго византійскаго двора. Поэтому и самая мысль о коронаціи, или „вѣнчаніи на царство", могла возникнуть подъ вліяніемъ грековъ. Политическая же цѣль, которую имѣлъ при этомъ великій князь, заключалась въ томъ, чтобы упрочить наслѣдіе московскаго престола въ прямомъ и исходящемъ своемъ потомствѣ по праву первородства, предоставивъ, такимъ образомъ, старѣйшинство племяннику передъ его дядями.

Коронованіе князя Димитрія совершилось въ Успенскомъ соборѣ и послѣ того храмъ этотъ былъ постоянно мѣстомъ совершенія такого священнодѣйствія, несмотря на то, что впослѣдствіи первенствующею столицею Россіи сдѣлался Петербургъ и что во время упомянутой коронаціи были другіе города, имѣвшіе старѣйшинство передъ Москвою: не говоря уже о Кіевѣ и Новгородѣ, даже Владимиръ

на Клязьмѣ имѣлъ въ историческомъ отношеніи преимущество передъ Москвою.

Въ успенскомъ соборѣ для коронаціи князя Димитрія былъ устроенъ помостъ съ тремя сѣдалищами: для великаго князя, для его внука и для митрополита, а близъ этого мѣста лежали на столѣ бармы и шапка Мономаха.

Великій князь Иванъ Васильевичъ III, объявивъ въ соборѣ митрополиту, что онъ благословляетъ своего внука Димитрія, по случаю смерти отца Димитіева, которому онъ, слѣдуя обычаямъ, предоставилъ еще прежде великое княженіе, просилъ, чтобы митрополитъ далъ Димитрію свое благословеніе. Тогда митрополитъ, вставъ со своего сѣдалища, положилъ руки на голову Димитрія и прочелъ молитву, въ которой молилъ Господа, чтобы онъ съ любовію возрѣлъ съ высоты своего жилища на раба своего, Димитрія, и сподобилъ его помазаться елеемъ радости и принять свыше, силу вѣнецъ и скипетръ царствія. По прочтеніи этой молитвы, два архимандрита поднесли митрополиту бармы, а онъ передалъ ихъ великому князю, который уже самъ возложилъ ихъ на своего внука. Послѣ другой молитвы, прочитанной митрополитомъ, ему поднесли, также архимандриты, шапку Мономаха, а онъ поднесъ ее великому князю, который и надѣлъ ее на Димитрія. Затѣмъ было пропѣто многолѣтіе обоимъ великимъ князьямъ и принесены имъ поздравленія, по окончаніи которыхъ началась литургія, а послѣ нея Димитрій, сопутствуемый дядями и боярами, ходилъ. имѣя на плечахъ бармы, а на головѣ шапку Мономаха, въ соборы Михаила Архангела и Благовѣщенскій, для поклоненія гробамъ своихъ предковъ и мощамъ чудотворцевъ. При выходѣ изъ соборовъ онъ былъ осыпаемъ золотыми и серебряными деньгами.

Коронованіе это сопровождалось пышнымъ пиромъ у великаго князя. О мѵропомазаніи и прича-

щеніи въ этомъ случаѣ не упоминается; хотя, безъ всякаго сомнѣнія, таинства эти были совершаемы во время обѣдни.

Самое совершеніе этого обряда осталось безъ послѣдствій, такъ какъ, спустя съ небольшимъ два года, Иванъ III, разгнѣвавшись на своего внука, лишилъ его великокняжескаго престола, назначивъ своимъ преемникомъ старшаго изъ оставшихся въ живыхъ сыновей, Василія, и тѣмъ самымъ какъ бы уничтожилъ дѣйствительность обряда, совершеннаго надъ Димитріемъ, поставивъ выше этого свою волю. Вѣроятно, вслѣдствіе такой недѣйствительности вѣнчанія на царство, надъ преемникомъ Ивана, Василіемъ III, не было совершено такого обряда, но сынъ послѣдняго, Иванъ Васильевичъ Грозный, былъ торжественно коронованъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, и съ того времени коронованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мѵропомазаніе, совершалось надъ всѣми русскими государями, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которые не успѣли совершить его по кратковременности своего царствованія, какъ, напрѣръ, царь Ѳеодоръ Борисовичъ и др.

О коронаціи Ивана Васильевича IV дошли до насъ болѣе подробныя свѣдѣнія, нежели о коронаціи Димитрія, а именно: бояре собрались въ великокняжеской Столовой Палатѣ, а другіе чины передъ нею, въ сѣняхъ. „Царская утварь“ торжественно была принесена въ Успенскій соборъ съ Казеннаго двора. На пути въ соборъ великому князю предшествовалъ его духовникъ, кропившій путь святою водой. Въ соборѣ были устроены два сѣдалища: одно для государя, другое для митрополита Макарія. Митрополитъ служилъ молебны Богородицѣ и чудотворцу Петру, митрополиту. Но и при этомъ короновaніи не упоминается о мѵропомазаніи, а также ни о державѣ, ни о поученіи митрополита; ни о рѣчи царя, обращенной къ святителю.

„Вѣнчаніе на царство“, въ полномъ значеніи этихъ словъ, впервые было совершено только надъ преемникомъ и сыномъ Ивана IV, царемъ Θеодоромъ Ивановичемъ. Оно происходило 31 мая 1584 года и совершено было по особой книгѣ царскаго вѣнчанія греческихъ царей; книга эта была прислана въ Москву константинопольскимъ патріархомъ, вмѣстѣ съ утвердительною грамотой на царскій титулъ, такъ что теперь происходило. такъ сказать, законное вѣнчаніе на царство. Кромѣ того, коронація Θеодора совершалась по соборной грамотѣ, утвердившей въ точности весь порядокъ священнодѣйствія, и грамота эта донынѣ служитъ основаніемъ для исполненія торжественнаго обряда.

Для коронованія царя Θеодора Ивановича Успенскій соборъ былъ „вельми украшенъ“. Въ немъ, между прочимъ, былъ устроенъ царскій чертогъ, отдѣланный червленнымъ сукномъ. Подлѣ чертога былъ поставленъ „съ царскою утварью“, а на „чертожномъ мѣстѣ“ находились два „стула“: одинъ для государя, другой для митрополита Діонисія. Отъ помоста къ алтарю былъ разостланъ красный бархатъ. Около аналоя стояли бояре и стерегли, чтобы кто нибудь не прикоснулся къ царской утвари.

На этотъ разъ и бармы и шапку возложилъ на набожнаго царя митрополитъ; онъ же вручилъ ему и скипетръ, т. е. царскій посохъ. Послѣ того, митрополитъ и архіепископы, взойдя на помостъ, поклонились государю, а онъ отвѣтилъ имъ „малымъ поклономъ“. Пропѣто было затѣмъ многолѣтіе и принесено государю поздравленіе поклономъ всѣхъ присутствовавшихъ въ храмѣ. Послѣ херувимской митрополитъ возложилъ на царя цѣпь изъ аравійскаго злота. Передъ причастіемъ двое архимандритовъ, посланные митрополитомъ, приблизились къ царю, поклонились ему ниже пояса и отошли отъ него, а государь отправился къ царскимъ вратамъ, и у нихъ

митрополитъ помазалъ его мүромъ „на челѣ, на очію, на ушію, и на персѣхъ, и на плещу, и на обою руку, на дланѣхъ и на другую страну“, отеръ его „вамбахомъ“, т. е., губкою, и пріобщилъ его.

Послѣ вѣнчанія государь шествовалъ въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы для поклоненія гробамъ своихъ предковъ и мощамъ святыхъ чудотворцевъ. Обшивку царскаго помоста, устроеннаго внѣ соборѣ, позволено было народу ободрать на память о происходившемъ торжествѣ. Одежда участвовавшихъ въ этомъ торжествѣ сановниковъ поражала присутствовавшихъ на немъ иностранцевъ своимъ богатствомъ. Одинъ изъ иностранцевъ. англичанинъ Горсей, разсказываетъ, что царское одѣяніе, вслѣдствіе множества золота и драгоцѣнныхъ камней, вѣсило не менѣе 200 фунтовъ (5 пудовъ) и что шесть князей держали хвостъ царской мантіи. По его же разсказу, скипетръ, употребленный при коронаціи царя Ѳеодора Ивановича, былъ сдѣланъ изъ рога единорога и усѣянъ драгоцѣнными камнями; онъ былъ купленъ еще Иваномъ IV и стоилъ 7000 фунтовъ стерлинговъ (70,000 рублей).

Соборная грамота, по которой совершалось коронованіе Ѳеодора Ивановича, постановляетъ, между прочимъ, чтобы принявшій священное помазаніе государь не омывался послѣ того въ продолженіе восьми дней и чтобы онъ „сотворилъ пиръ честенъ и великъ“ и въ заключеніи добавляетъ: „нищіе-же паче довольно учреждаемы бываютъ“. Коронація Ѳеодора Ивановича сопровождалась военнымъ празднествомъ на Дѣвичьемъ Полѣ, а также разными наградами и милостями, оказанными преступникамъ.

Послѣдующею коронаціей была коронація избраннаго царя Бориса Ѳеодоровича Годунова. Совершилась она въ день тогдашняго новолѣтія, 1 сентября 1598 года, по тому же чину, какъ и коронація предшествовавшаго государя. Но особенность

этого обряда заключалась въ томъ, что его впервые совершалъ бывшій въ то время патріаръ всероссійскій Іовъ.

Затѣмъ слѣдовала коронація невѣсты лжецаря Димитрія, Марины Мнишекъ. Коронація эта, не признаваемая ѣйствительною со стороны церкви, какъ таинство, достигнутое посредствомъ обмана, замѣчане только тѣмъ, что коронованіе было совершено надъ лицомъ женскаго пола, но что въ этомъ случаѣ, въ числѣ царской утвари, упоминается въ первый разъ о „яблокѣ", или державѣ.

Несомненно, что такой новый появившійся у насъ знакъ царской власти былъ занесенъ изъ Польши. Шаръ, какъ знакъ владычества надъ землею, употреблялся еще у римлянъ; онъ встрѣчается на монетахъ временъ Августа, но у язычниковъ, вмѣсто креста, ставилось надъ нимъ изображеніе богини побѣды. Въ упомянутомъ значеніи стали употреблять шаръ и римскіе императоры, а отъ нихъ знакъ этотъ перешелъ къ римско-германскимъ императорамъ, а потомъ и къ королямъ. Къ намъ онъ перешелъ съ польскимъ названіемъ—„яблоко",—съ прибавкою къ нему слова „державное" или „самодержавное". Впослѣдствіи же слово яблоко было замѣнено словомъ „держава".

1 Іюля 1606 года совершилось въ Успенскомъ соборѣ коронованіе второго избраннаго царя всея Россіи—князя Василія Ивановича Шуйскаго. Оно было исполнено по чину, установленному упомянутой соборной грамотой, но по современнымъ извѣстіямъ, торжество это не отличалось особенной пышностью.

Родоначальникъ новаго царственнаго дома, Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, былъ вѣнчанъ на царство 17 іюля 1613 года. Такъ какъ патріарха въ то время послѣ кончины Гермагена въ московскомъ государствѣ не было, то обрядъ коронованія былъ совершенъ старѣйшимъ изъ русскихъ первосвятителей, митропо-

литомъ казанскимъ Ефремомъ, который и возложилъ на государя бармы и шапку Мономаха. Для этого торжества было устроено въ соборѣ „великое чертожное мѣсто“, и все оно, какъ и ступени, ведшія къ нему, было обито краснымъ сукномъ; пространство отъ этого мѣста до царскихъ дверей было застлано такимѣ же сукномъ, а по сукну разостланы были ковры и камки. По обѣимъ сторонамъ этой постилки были разставлены скамьи для духовенства, покрытыя золотыми персидскими коврами, бархатомъ, золотистымъ атласомъ и сукнами. На самомъ „чертожномъ мѣстѣ“ было устроено „царское мѣсто“, называвшееся потомъ обыкновенно „персидскимъ престоломъ“, украшенное драгоцѣнными камнями, съ подножкой, или, иначе, „съ приступцемъ“, покрытой золотистымъ бархатомъ. По лѣвой сторонѣ чертожнаго мѣста былъ поставленъ „стулъ“ съ золотистой бархатной подушкой для митрополита. Отъ устроеннаго теперь царскаго мѣста и до обыкновеннаго сукна были разостланы такъ называемые „пути“, или „дороги“, изъ гладкаго краснаго бархата.

Противъ чертожнаго мѣста, близь амвона, нѣсколько вправо, поставлены были два аналоя одинаковой величины, а передъ ними-третій, нѣсколько ниже. Всѣ они были обтянуты золотистымъ атласомъ, а сверху на нихъ были положены драгоцѣнныя пелены, унизанные жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Здѣсь должна была размѣститься „царская утварь“.

Наканунѣ дня коронованія, во всѣхъ кремлевскихѣ соборахъ, а также во всѣхъ московскихъ приходскихъ церквахъ и монастыряхъ, было отслужено всенощное бдѣніе, а утромъ слѣдующаго дня благовѣстъ и трезвонъ возвѣстили жителямъ Москвы объ имѣющемъ быть въ этотъ день торжествѣ царскаго вѣнчанія.

На разсвѣтѣ государь вышелъ изъ постельныхъ хоромъ въ „Золотую Среднюю Палату“, гдѣ ожидали

его одѣтые въ богатое платье бояре, тогда какъ окольничіе и думные люди стояли въ сѣняхъ передъ Золотой Палатой. Изъ этой палаты царь послалъ своего духовника, протопа Благовѣщенскаго собора, за царскимъ „саномъ", или „чиномъ", хранившимся на Казенномъ Дворѣ. Съ протопопомъ пошли новопожалованный бояринъ, знаменитый князь Пожарскій, царскій казначей и двое дьяконовъ.

Когда царскій „санъ" былъ принесенъ, то государь, приложившись къ Животворящему Кресту, отправилъ знаки царскаго достоинства съ тѣми же лицами въ Успенскій соборъ. Такими знаками теперь были: Крестъ, діадима, или бармы, царскій вѣнецъ, или шапка Мономаха, цѣпь аравійскаго злата, скипетръ и держава. Несли эти знаки на золотыхъ блюдахъ тѣ же лица, которыя ходили за ними на „Казенный Дворъ", или въ царскую сокровищницу: царскій духовникъ благоговѣйно на головѣ несъ блюдо съ Животворящимъ Крестомъ; бояринъ, князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій несъ скипетръ, царскій казначей—державу, а корону (шапку Мономаха)—царскій дядя Иванъ Никитичъ Романовъ. Въ соборѣ все это было благоговейно положено на приготовленныхъ заранѣе аналояхъ.

Когда же пришедшіе изъ собора царскій духовникъ и бояринъ Морозовъ извѣстили государя, что все тамъ уже готово, то онъ отправился туда, въ предшествованіи и сопровожденіи бояръ, окольничихъ, думныхъ людей, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и городскихъ, дѣтей боярскихъ и всѣхъ чиновъ людей. Стрѣльцы, поставленные въ два ряда, ограждали царскій путь.

По установившемуся обычаю, царскій духовникъ, идя впереди этого торжественнаго шествія, кропилъ царскій путь святою водой.

При входѣ въ соборъ, митрополитъ Казанскій и митрополитъ Ростовскій, а также всѣ архіепископы,

епископы и архимандриты, встрѣтили государя. Митрополитъ Ефремъ далъ ему поцѣловать крестъ и окропилъ святою водой. Пѣвчіе дьяки пѣли многолѣтіе, а государь въ это время прикладывался къ иконамъ. Послѣ этого онъ сталъ на свое обыкновенное мѣсто, а первенствовавшій митрополитъ—у патріаршаго мѣста. Тогда начался молебенъ, по окончаніи котораго митрополитъ подошелъ къ государю и возвелъ его съ обыкновеннаго мѣста на „чертожное", гдѣ государь и сѣлъ на свое „царское мѣсто", а митрополитъ—на приготовленный для него „стулъ"; прочее духовенство помѣстилось на скамьяхъ. За царемъ по правую сторону стали бояре, а по лѣвой сторонѣ расположились соборные старцы.

Водворилась полнѣйшая тишина. Посидѣвъ нѣсколько времени царь и митрополитъ встали, и тогда государь, обратившись къ владыкѣ, произнесъ рѣчь историческаго содержанія, въ которой излагались обстоятельства, предшествовавшія его избранію на престолъ, и самое избраніе, и, въ заключеніе этой рѣчи, онъ просилъ митрополита благословить его царскимъ вѣнцомъ и діадимою, согласно съ избраніемъ:—„По Божіей милости и по данной Вамъ благодати Святого Духа и по вашему и всякихъ чиновъ московскаго государства избранію, богомольцы наши, благословите и вѣнчайте насъ на наши великія государства царскимъ вѣнцомъ по прежнему царскому чину и достоянію."

Когда царь умолкъ, митрополитъ, осѣнивъ его крестомъ, произнесъ „отвѣтную" рѣчь отъ лица духовенства и всего народа. Онъ напомнилъ о бѣдствіяхъ Русской земли въ безгосударственное время, объ избавленіи ея отъ враговъ, объ избраніи Михаиха Ѳеодоровича и молилъ Бога, да умножитъ онъ лѣта царя, покоритъ ему всѣхъ враговъ, вселитъ въ сердце царя страхъ Свой и милость къ послушнымъ,

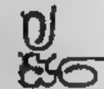
чтобы судилъ онъ людей своихъ праведно, и пр. Въ заключеніе митропилитъ сказалъ:

„Прими же, государь, превысочайшую честь и вышехвальную славу, вѣнецъ царствія на главу свою,— вѣнецъ, который взыскалъ отъ древнихъ лѣтъ прародитель твой, Владимиръ Мономахъ. Да процвѣтетъ намъ отъ вашего царскаго, прекрасно цвѣтущаго корня прекрасная вѣтвь въ надежду и въ наслѣдіе всѣмъ великимъ государствамъ Россійскаго царства".

Сказавъ это, митрополитъ возложилъ крестъ на царя и, держа руки на его головѣ, прочелъ молитву, соотвѣтствующую настоящему священнодѣйствію. Затѣмъ, когда архимандриты поднесли митрополиту сперва бармы, а потомъ Мономахову шапку, то онъ возложилъ эти знаки царскаго сана на Михила и прочелъ молитву о благополучномъ царствованіи новаго государя. Въ такомъ царскомъ облаченіи, митрополитъ, поставивъ его на престолѣ, поклонился ему, и царь отвѣчалъ ему также поклономъ, приподнявъ немного вѣнецъ.

Когда митрополитъ Ростовскій Кириллъ поднесъ, съ всѣми присутствовавшими при этомъ архіереями, митрополиту Ефрему скипетръ и державу, то Ефремъ далъ царю въ правую руку скипетръ, а въ лѣвую державу и произнесъ при этомъ краткую рѣчь. По принятіи скипетра царь поклонился митрополиту, уже не приподнимая вѣнца. Послѣ того митрополиты и архіепископы вошли на чертожное мѣсто и по очереди благословляли царя своими руками; сходя же съ помоста, они отдавали ему по поклону, на что царь отвѣтствовалъ имъ „малымъ поклономъ".

Посадивъ послѣ того государя на престолъ, Ефремъ сѣлъ на свой стулъ, и въ это время послѣдовало чтеніе большой эктеніи и провозглашеніе „боговѣнчанному поставленному государю" многолѣтія съ прочтеніемъ его полнаго царскаго титула. Послѣ того всѣ присутствовавшіе принесли царю поздравленіе

троекратнымъ поклоненіемъ „ниже пояса“, а митрополитъ Ефремъ обратился къ нему съ „поучительнымъ словомъ“, въ которомъ онъ внушалъ ему блюсти царскія добродѣтели, а также и „беречь бояръ по ихъ отчеству“.

„Не пріемли, государь“, говорилъ между прочимъ архипастырь, „языка льстива и слуха суетна, не вѣрь злому, не слушай оболгателя.... Подобаетъ тебѣ мудрымъ быть или мудрымъ послѣдовать, на нихъ же, яко на престолѣ, Богъ почиваетъ. Не блага міра сего, но добродѣтель украшаетъ царей. Не презирай низшихъ тебя: надъ самимъ тобою есть Царь; и если Онъ о всѣхъ печется, ты ли о комъ нерадѣть будешь? Возмогай же, государь, возмогай, да когда пріидетъ часъ суда твоего, ты возможешь стать безбоязненно предъ Господомъ и сказать: „Се азъ, Господи, и люди Твои, которые Ты далъ мнѣ,— сказать и услышать гласъ Царя и Бога твоего: Рабе благій, царю россійскій Михаиле! Въ малѣ ты былъ мнѣ вѣренъ, надъ многимъ поставлю тя“!

Затѣмъ митрополитъ благословилъ царя Животворящимъ Крестомъ и громко молился: „Да умножитъ Господь лѣта царствія царя Михаила; да узритъ онъ сыны сыновъ своихъ; да возвысится десница его надъ врагами и устроится царство его и потомство его мирно и вѣчно“!

Послѣ возложенія на Михаила Θеодоровича царскаго „сана“, началась литургія, въ продолженіе которой государь, при положеніи земныхъ поклоновъ, снималъ съ себя царскій вѣнецъ и отдавалъ его держать своему сроднику, Ивану Никитичу Романову. Послѣ великаго выхода, митрополитъ Ефремъ осѣнилъ его предстоявшимъ крестомъ, а государь подошелъ къ царскимъ вратамъ, и митрополитъ возложилъ на него цѣпь изъ „аравійскаго злата“; послѣ этого царь отошелъ на свое царское мѣсто.

Когда духовные пріобщились въ алтарѣ, то по-

Держава и скипетръ.

Тронъ царя Михаила Θеодоровича.

Дозв. ценз. Спб., 26 марта 1893 г.

Тип. Трупова. Спб.

сланные митрополитомъ архидіаконъ и протодіаконъ подошли къ царю и поклонились ему „ниже пояса“, а архидіаконъ заявилъ государю, что преосвященный митрополитъ и весь священный соборъ призываютъ его на помазаніе святого великаго мѵро и ко причастію святыхъ и божественныхъ Таинъ. „Гряди къ намъ о Святѣмъ Дусѣ съ миромъ“—заключилъ архидіаконъ свое извѣщеніе.

Царь пошелъ къ царскимъ вратамъ и тамъ, ставъ на постланномъ постельничимъ золотисто-бархатномъ коврѣ на колѣна, снялъ съ себя вѣнецъ. Митрополитъ Ефремъ стоялъ въ царскихъ вратахъ и, когда митрополитъ Кириллъ со всѣми прочими архіереями поднесли ему мѵро, влитое въ „крабійцу“, то Ефремъ взялъ изъ этого сосуда золотымъ „сучцомъ“ мѵра и помазалъ имъ Михаила на челѣ, ушахъ, персяхъ, плечахъ и обѣихъ сторонахъ рукъ, говоря при каждомъ помазаніи, по стариннымъ книгамъ: „Печать и даръ Святаго Духа“. Крупныя капли мѵра митрополитъ отеръ бумагою, которая потомъ была сожжена въ алтарѣ, въ „сокровенномъ мѣстѣ“.

По мѵропомазаніи митрополитъ пріобщилъ государя по чину священнослужительскому, т. е., особо Тѣла и особо Крови.

По окончаніи обѣдни, митрополитъ Ефремъ только одинъ пошелъ къ государю по царскому пути; весь же священный соборъ шелъ по правой сторонѣ этого пути. Митрополитъ поднесъ государю просфору, а государь позвалъ его и присутствовавшее духовенство къ своему царскому столу, хлѣба ясти“.

Затѣмъ „боговѣнчанный государь“ во всемъ своемъ блистающемъ облаченіи, въ сопровожденіи бояръ и всякихъ чиновъ людей, слѣдуя установившемуся обычаю, отправился въ соборы Архангельскій и Благовѣщенскій поклониться гробницамъ прежнихъ царей. При выходѣ царя изъ соборовъ и на площадкѣ двор-

цовой лѣстницы, по принятому обычаю, его осыпали золотыми и серебряными деньгами.

По возвращеніи во дворецъ, царь пришелъ въ Грановитую Палату, гдѣ былъ торжественный обѣдъ. Такіе обѣды повторялись на другой и на третій день, причемъ замѣчательно, что на послѣднемъ изъ этихъ обѣдовъ присутствовали и боярыни, сидѣвшія за столомъ противъ своихъ мужей.

Колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ, веселье и народная гульба длились три дня.

Особенныхъ милостей и льготъ народу при вступленіи на престолъ Михаилъ Ѳеодоровичъ дать не могъ, потому что казна послѣ Смутнаго времени была совершенно пуста.

Слѣдовавшія коронаціи царей Алексѣя Михайловича и сыновей его, Ѳеодора, а потомъ Ивана и Петра Алексѣевичей, хотя и были отправлены согласно соборной грамотѣ и установившимся обычаямъ, но, тѣмъ не менѣе, отличались нѣкоторыми частностями.

Коронаціи всѣхъ этихъ государей совершали патріархи Московскіе и Всероссійскіе. Коронація царя Алексѣя Михайловича была, однако, уже второю, совершенною патріархомъ, такъ какъ въ первый разъ патріархъ Іовъ короновалъ царя Бориса Ѳеодоровича Годунова. Надъ Алексѣемъ Михайловичемъ обрядъ этотъ совершилъ, 28 сентября 1645 года, патріархъ Іосифъ; надъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ—патріархъ Іоакимъ и надъ Иваномъ и Петромъ Алексѣевичемъ—онъ же.

Несмотря на то, что патріархи пользовались,—особенно послѣ одного изъ нихъ, Филарета Никитича,—особеннымъ почетомъ, они при короновaніи упомянутыхъ государей не отличались ничѣмъ отъ митрополитовъ. Изъ описаній коронацій не видно, чтобы они имѣли торжественный ходъ въ Успенскій соборъ въ преднесеніи креста, и чтобы впереди ихъ

въ это время шли иподіаконы, разметавшіе передъ ними дорогу и посыпавшіе ее пескомъ. Мало того, въ описаніи коронаціи Өеодора Алексѣевича замѣчено, что государь, встрѣтивъ пришедшаго къ нему на торжественный обѣдъ патріарха, „не поцѣловалъ его ни въ руку, ни въ клобукъ".

Царь Алексѣй Михайловичъ, во время своего коронованія, какъ бы выразилъ мысль о превосходствѣ царства надъ священствомъ, сказавъ, что его, царя, уже благословилъ его отецъ, царь Михаилъ Өеодоровичъ, тремя великими княженіями и тремя царствами.

Самое помазаніе Алексѣя Михайловича происходило, противъ прежняго, съ тою разницею, что патріархъ, вдобавокъ къ прежнимъ помазаніямъ помазалъ еще царя „и на брадѣ и подъ брадою". Эта добавка объясняется тѣмъ, что въ ту пору стало проявляться въ Москвѣ своего рода вольнодумство. Русскіе люди, въ подражаніе жившимъ въ Москвѣ иноземцамъ и преимущественно полякамъ, начали было брить бороды, и патріархъ Іосифъ, вѣроятно, желая предотвратить это новшество, помазалъ царскую браду и подъ брадою, и тѣмъ какъ бы освятилъ ея неприкосновенность, въ поученіе московскимъ людямъ всякихъ чиновъ, рѣшавшимся бритіемъ бородъ искажать подобіе Божіе.

Коронація царя Өеодора Алексѣевича происходила 16 іюня 1676 года. Она замѣчательна тѣмъ, что (какъ сказано въ подлинномъ ея описаніи) состоялась по челобитію патріарха, митрополита, игуменовъ, царевичей Сибирскаго и Касимовскаго, бояръ, окольничихъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и городскихъ, дѣтей боярскихъ, гостей и всякихъ чиновъ служилыхъ и торговыхъ людей.

Появленіе подобной челобитной объясняется тѣмъ что въ ту пору начались уже раскольничьи смуты и что, быть можетъ, царь колебался, не рѣшаясь, по

какимъ именно книгамъ исполнить этотъ обрядъ и соединенную съ нимъ литургію—по старымъ или по новопечатнымъ? Вѣроятно, въ виду этого, патріаршая церковь, стараясь рѣшить этотъ вопросъ въ пользу новшествъ, и вызвала челобитную, при появленіи которой, за подписями патріарха и другихъ лицъ, церковь какъ бы уполномочивалась совершить это торжество по новымъ книгамъ и тѣмъ самымъ утвердить силу книжныхъ поправокъ въ глазахъ народа.

Этимъ объясняется еще и другая, не встрѣчающаяся въ прежнихъ описаніяхъ особенность, состоявшая въ томъ, что прежде возложенія на царя знаковъ царской власти, патріархъ обратился къ нему съ такимъ вопросомъ:

„Великій государь, царь и великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ! Како вѣруеши и исповѣдуеши Отца и Сына и Святаго Духа“?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ государь громогласно прочиталъ Сѵмволъ вѣры, по новоисправленнымъ книгамъ, тогда какъ пропускъ по нимъ въ Сѵмволѣ вѣры буквы „А“, бывшей передъ словомъ „не сотворенна“ („рожденна, не сотворенна“, у раскольниковъ-же: „рожденна, а не сотворенна“) и послужилъ однимъ изъ первыхъ и главныхъ поводовъ къ возникновенію старообрядческаго раскола.

Третьею особенностью этого коронованія было то, что государь въ самомъ храмѣ надѣлъ на себя новую одежду, принесенную туда однимъ изъ стряпчихъ. Затѣмъ все прочее было исполнено по прежнему чину, безъ малѣйшей отмѣны.

Такое же замѣчаніе должно сдѣлать и относительно другой, слѣдовавшей за тѣмъ, 25 іюня 1682 г. коронаціи, хотя въ этомъ случаѣ встрѣтилось небывалое еще условіе, такъ какъ приходилось вѣнчать на царство одновременно двухъ государей, Ивана и Петра Алексѣевичей. Для этой коронаціи былъ при-

готовленъ, вдобавокъ къ прежнему царскому „сану“, новый такой же „санъ“, по образцу стараго, т. е., былъ сдѣланъ второй заводъ „царской утвари“. При этомъ новая Мономахова шапка, скипетръ и держава были такъ искусно поддѣланы подъ прежніе, что ихъ трудно было отличить отъ старыхъ. Сдѣлано было также для обоихъ государей одно общее серебряное кресло.

Успенскій соборъ на этотъ разъ былъ точно также устроенъ и убранъ, какъ и при предшествовавшихъ коронаціяхъ, съ тою только разницею, что для царской утвари были поставлены не три, какъ прежде, а шесть богато убранныхъ столовъ. При совершеніи коронаціи первенство, конечно, отдавалось старшему брату, Ивану Алексѣевичу. Священнодѣйствовалъ патріархъ Іоакимъ, и это была послѣдняя царская, а вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдняя коронація, совершонная патріархомъ.

Надобно также замѣтить, что коронація царей Ивана и Петра Алексѣевичей произвела сильное смущеніе среди раскольниковъ. Передъ началомъ торжества толпы ихъ со своими вожаками пытались вломиться въ Кремль и пробраться въ соборъ, чтобы подать патріарху старопечатанные „служебникъ“ и „чиновникъ“, по которымъ должно было быть исполнено вѣнчаніе царей; но стрѣльцы и плотная толпа народа препятствовали старовѣрамъ осуществить ихъ намѣреніе, такъ что, когда они съ большими усиліями добились до собора, то обрядъ коронаціи былъ уже оконченъ по новымъ книгамъ.

XIII.

О женитьбѣ царской. О рожденіи дѣтей. О преставленіи царей.

(Изъ сочиненія Григорія Котошихина: „О Россіи, въ царствованіе Алексѣя Михайловича“).

Послѣ коронованія царь Алексѣй Михайловичъ съ патріархомъ совѣтовалъ, и съ властямъ, и съ боярами и съ думными людьми говорили, чтобъ ему сочетаться законнымъ бракомъ; и патріархъ и власти на такое доброе дѣло къ сочетанію законной любви благословили, а бояре и думные люди приговорили.

И, свѣдавъ, царь у нѣкотораго своего ближняго человѣка дочь, дѣвицу добру, [1]) ростомъ, и красотою, и разумомъ исполненну, велѣлъ взять къ себѣ на дворъ и отдать въ береженіе къ сестрамъ своимъ, царевнамъ, и честь надъ нею велѣлъ держать, какъ и надъ сестрами царевнами, доколѣ сбудется веселіе и радость. И искони въ Россійской землѣ лукавый дьяволъ всѣялъ плевелы свои: если человѣкъ хотя мало придетъ въ славу, и честь, и богатство, его не могутъ не возненавидѣть. У нѣкоторыхъ бояръ и ближнихъ людей были дочера, а царю объ нихъ къ женитьбѣ ни объ одной мысль не пришла: и тѣхъ дѣвицъ матери и сестры, которыя жили у царевенъ, завидуя этому, умыслили учинить надъ тою избранною царевною, чтобъ извести ее, потому что надѣялись, что послѣ нея царь возьметъ за себя дочь котораго иного великаго боярина или ближняго чело-

---

[1]) Евфимію Всеволжскую.

вѣка; и скоро онѣ то и сдѣлали, опоивъ ее отравами. Царь же о томъ очень печалился, и на много дней лишился ѣды; и потомъ не думалъ ни о какихъ высокородныхъ дѣвицахъ, такъ какъ узналъ о томъ, что то учинилось по ненависти и зависти.

Послѣ того случилось государю быть въ церкви; здѣсь увидѣлъ онъ двухъ дочерей нѣкотораго Московскаго дворянина, Ильи Милославскаго. Одну изъ нихъ, меньшую, онъ велѣлъ взять къ себѣ на Верхъ. Царь, придя въ хоромы, смотрѣлъ ту дѣвицу и полюбилъ ее, нарекъ царевною, передалъ ее сестрамъ своимъ на соблюденіе, возложилъ на нее царское одѣяніе и поставилъ къ ней для обереганія женъ вѣрныхъ и богобоязливыхъ, пока наступитъ часъ женитьбы.

Отложивъ всякіе государственныя и земскія дѣла, царь началъ со своими князьями, боярами, окольничими и думными людьми думать о своей женитьбѣ, кого изъ бояръ, думныхъ и ближнихъ людей и изъ ихъ женъ избрать въ какой свадебный чинъ, вмѣсто отца и матери, и въ сидячіе бояре и боярыни, въ поѣзжане, тысяцкіе, бояре, дружки, въ свахи, въ свѣщники, каравайники, въ конюшенный чинъ и въ дворецкіе, также и съ царевниной стороны сидячихъ бояръ и боярынь, дружекъ и свахъ. И подумавъ о томъ многіе дни, указалъ, для такой своей царской радости, думнымъ дьякамъ росписать на роспись, кому въ какомъ свадебномъ чину быть, а написавъ ту роспись, поднести себѣ. А свой царскій указъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ людямъ велѣлъ сказать, при многихъ людяхъ: чтобъ они къ тому дню, въ который у него будетъ радость, въ томъ чину, кому гдѣ указано быть, были готовы безъ мѣстъ, не по роду и не по чинамъ. А какъ у него будетъ радость и въ тѣ дни кто изъ бояръ, окольничихъ, думныхъ и ближнихъ людей породою своею или мѣстами учинитъ смуту и отъ этого произойдетъ

въ свадебномъ дѣлѣ помѣшка, того за его ослушаніе и смуту казнить смертью, безъ всякаго милосердія, а помѣстья его и вотчины взять на царя.

Свадебные чиновные люди бываютъ таковы. Съ царской стороны первый чинъ: отецъ и мать сидячіе (посаженные), которые бываютъ за царскаго отца и мать. Второй чинъ: поѣзжане, протопопъ съ крестомъ, тысяцкій, восемь человѣкъ бояръ; тысяцкій въ поѣзду большимъ человѣкомъ, а поѣзжане бываютъ съ царемъ и царицей въ церкви у вѣнчанія и за столами сидятъ выше всѣхъ людей; дружка, поддружьѣ,—чинъ (т. е., обязанность) ихъ таковъ: на свадьбу созываютъ гостей и при свадьбѣ отъ тысяцкаго и отъ царя говорятъ рѣчи и разсылаются съ дарами; свахи, дружковы жены, чинъ ихъ таковъ: царицу укручиваютъ (заплетаютъ косу) и оберегаютъ, и платье надѣваютъ и снимаютъ; свѣчникъ: какъ царицу укручиваютъ передъ вѣнчаніемъ, онъ въ то время держитъ свѣчу; коровайни, которые носятъ въ церковь и изъ церкви хлѣбъ на носилкахъ; конюшій со своимъ чиномъ. Третій чинъ: сидячіе (посаженные) бояре и боярыни, по 12 человѣкъ, которые сидятъ гостями за столами, вмѣстѣ съ царскимъ отцомъ и матерью, а въ церковь съ царемъ не ходятъ. Четвертый чинъ—дворецкій, который стоитъ у поставца съ кушаньями и питьемъ.

Съ царицыной стороны первый чинъ—отецъ и мать родные; второй чинъ—сидячіе бояре и боярыни; третій чинъ—дружка, свахи, дружкины жены, свѣчникъ, коровайники.

Кушанья и питье разносить должны стольники передъ царя и царицу и на всѣ столы передъ чиновныхъ людей; и быть промежъ себя безъ спору, кому гдѣ велѣно по росписи.

Наканунѣ женитьбы бываетъ у царя столъ на бояръ и боярынь, на отца и мать невѣстиныхъ. Царь съ невѣстою своею сидятъ за особымъ столомъ. Передъ ѣдой царскій духовникъ, протопопъ, царя и

царевну благословляетъ крестомъ и велитъ имъ межъ себя учинить цѣлованіе. Потомъ бояре и боярыни поздравляютъ царя и царевну съ обрученіемъ. Послѣ стола царь отпускаетъ царевну къ сестрамъ своимъ, а бояре и ихъ жены разъѣзжаются по домамъ.

Утромъ, въ день женитьбы, царь бываетъ въ первой соборной церкви (въ Успенскомъ соборѣ) и молебствуетъ; послѣ молебна патріархъ благословляетъ царя крестомъ и кропитъ святою водою; потомъ царь прикладывается къ образамъ и св. мощамъ и проситъ у патріарха благословенія на женитьбу свою; патріархъ благословляетъ его словомъ. Изъ собора идетъ царь въ другой (Архангельскій), гдѣ погребены прежніе цари, и отправляетъ по мертвыхъ пѣніе; простившись у ихъ гробовъ, пойдетъ къ себѣ.

Палату, въ которой должно происходить торжество, „наряжаютъ",—обиваютъ бархатомъ и стелютъ большіе турецкіе и персидскіе ковры. Для царя и его царевны ставятъ царское мѣсто, а передъ нимъ столъ; для бояръ и боярынь также ставятся столы.

Царь въ это время наряжается во все свое царское одѣяніе и приказываетъ новую царевну также нарядить въ царственное одѣяніе, кромѣ короны; на голову ей кладутъ вѣнецъ дѣвичій. Въ то же время бояре и всѣ свадебные чины одѣются въ золотыя одежды. Когда все устроится, объ этомъ даютъ знать государю и онъ приказываетъ царевнину отцу и матери всему чину ея половины идти съ нею въ ту палату и ожидать своего пришествія. Когда царевна войдетъ со всѣмъ своимъ чиномъ въ палату, то ее посадятъ на устроенное для нея мѣсто, а всѣ присутствующіе ожидаютъ царскаго пришествія стоя у своихъ мѣстъ, гдѣ устроено имъ сидѣть.

Когда царя извѣстятъ объ этомъ, духовникъ его начнетъ говорить молитву, а царь и весь чинъ его молятся образамъ; послѣ молитвы духовникъ благословляетъ крестомъ царя и свадебный чинъ. Дружки

и свадебный чинъ благословляются у посаженыхъ отца и матери царя ѣхать по новобрачную невѣсту; потомъ у нихъ благославляется царь, и отецъ и мать даютъ свое благословеніе словами: „Благослови Богъ“! Затѣмъ идутъ протопопъ, свадебный чинъ и царь; передъ ними идутъ коровайники съ хлѣбомъ.

Въ палату входитъ напередъ протопопъ, потомъ чинъ и царь; при ихъ входѣ царевна и ея чинъ стоятъ. Войдя, протопопъ, чинъ и царь молятся образамъ и потомъ дружки благославляются у отца и матери невѣсты садиться новобрачному и дочери ихъ на мѣсто; и они благословляютъ ихъ словомъ. Когда царь и царевна сядутъ на мѣсто на одной подушкѣ, бояре и весь свадебный чинъ также усядутся за столы по своимъ мѣстамъ, а стольники начинаютъ ставить кушанья. Протопопъ передъ ѣдой читаетъ молитву: „Отче нашъ“.

Потомъ дружки начинаютъ благословляться у отца и матери невѣсты косу чесати, а протопопъ и свадебный чинъ начнутъ ѣсть и пить, а царь ничего не ѣстъ. Какъ начнутъ косу чесать и укручивать, царя и царевну закроютъ покрываломъ и держатъ покровъ свѣщники, а косу расчесываютъ и укручиваютъ свахи. Въ это время на тарелки съ хлѣбомъ и сыромъ кладутъ—дары, ширинки отъ новобрачной и подносятъ сперва священнику, отцу и матери новобрачной, потомъ тысяцкому, поѣзжанамъ, боярамъ и боярынямъ и другимъ свадебнымъ чинамъ. Также и къ царскому отцу и матери, къ царевнамъ, къ посаженымъ боярамъ и боярынямъ посылаютъ хлѣбъ, сыръ и дары съ невѣстинымъ дружкою.

Укрутя новобрачную, покрываютъ ее тѣмъ же покрываломъ. Послѣ третьяго блюда протопопъ читаетъ молитву, а дружки благословляются у отца и матери идти царю съ царевною съ поѣздомъ къ вѣнчанію и они ихъ благословляютъ. Потомъ отецъ и мать благословляютъ царя и новобрачную образами,

обложенными золотомъ съ каменьями и жемчугомъ, и, взявъ дочь свою за руку, отдаютъ ее въ руки царю и прощаются. Протопопъ благословляетъ крестомъ всѣхъ и шествіе направляется въ ту церковь, гдѣ служитъ духовникъ (Благовѣщенскій соборъ). Изъ палаты царь къ церкви идетъ съ царевною вмѣстѣ и ведетъ ее за правую руку. Въ это время начинаютъ звонить во всѣ колокола и во всѣхъ церквахъ молятся о здоровьѣ царя и царевны.

При входѣ въ церковь протопопъ благословляетъ всѣхъ крестомъ. Царь и царевна становятся среди церкви, близъ алтаря, на подножки изъ объяри золотной. Царя съ одной стороны держитъ подъ руку дружка, а царевну сваха. Протопопъ, надѣвъ облаченіе, начинаетъ ихъ вѣнчать по чину, и въ то время царевну открываютъ. Потомъ протопопъ возлагаетъ на нихъ церковные вѣнцы, а по вѣнчаніи подноситъ имъ изъ одного сосуда пить вина французскаго краснаго; затѣмъ снимаетъ съ нихъ церковные вѣнцы, и на царя возлагаютъ корону. Окончивъ обрядъ, протопопъ поучаетъ ихъ, какъ имъ жить: другъ на друга не гнѣваться, женѣ у мужа быть въ послушаніи; только вслѣдствіе какой либо вины мужъ можетъ поучить ее слегка жезломъ, потому что мужъ женѣ, какъ глава на церкви; жить въ чистотѣ и богобоязни, соблюдать праздники и посты, ходить въ церковь Божію, подавать подаянія, почасту совѣтоваться съ духовнымъ отцомъ, потому что онъ научитъ на все благое. Окончивъ поученіе, протопопъ, взявъ царицу за руку, вручаетъ ее мужу и велитъ имъ межъ себя учинить цѣлованіе, а по цѣлованіи царицу покрываютъ. Потомъ протопопъ и весь свадебный чинъ поздравляютъ царя и царицу.

Послѣ этого царь и царица идутъ въ царскія палаты. Тысяцкій посылаетъ впередъ дружку къ царскому и царицыну отцамъ и матерямъ, къ посаженымъ боярамъ и боярынямъ сказать, что царь съ ца-

рицею вѣнчались въ добромъ здоровьѣ и идутъ къ нимъ, а они отвѣчаютъ, что ожидаютъ ихъ пришествія; во время обратнаго шествія также бываетъ звонъ во всѣ колокола.

Во время вѣнчанія царскій и царицынъ отецъ и мать, и бояре и боярыни сойдутся всѣ вмѣстѣ въ прежней палатѣ. При входѣ царя и царицы въ палату, протопопъ благословляетъ ихъ крестомъ, а отецъ и мать царскіе—образами. Потомъ отцы и матери, бояре и боярыни поздравляютъ ихъ съ законнымъ бракомъ. Затѣмъ царь съ царицей садятся за свой особый столъ, а бояре и свадебный чинъ—за своими столами; всѣ начинаютъ пить и ѣсть, и ѣдятъ до тѣхъ поръ, пока принесутъ третье блюдо—лебедя. Тогда дружка благословляется у отца и матери и у тысяцкаго идти новобрачному съ новобрачной почивать, и они благословляютъ ихъ словомъ. Царь съ царицей отправляются въ опочивальню; ихъ провожаютъ отецъ и мать и другіе немногіе люди, проводя, возвращаются по прежнему за столъ, и ѣдятъ и пьютъ.

А какъ начнетъ царь съ царицею опочивать, въ то время конюшій ѣздитъ около той палаты на конѣ, вынувъ мечъ наголо, въ теченіе всей ночи; и никто близко къ тому мѣсту не подходитъ.

На слѣдующее утро царю и царицѣ готовятъ мыльни. Когда царя извѣстятъ, что царица вышла изъ мыльни и изготовилась, то царь со всѣмъ своимъ поѣздомъ ходитъ къ царицѣ; царица въ то время бываетъ во всемъ своемъ одѣяніи и въ вѣнцѣ царскомъ. Чиновные люди поздравляютъ царя и царицу; потомъ царица подноситъ мыльные дары царю, боярамъ и всему свадебному чину. Послѣ того царь съ поѣзжанами ходитъ къ патріарху, патріархъ его благословляетъ и поздравляетъ; отъ патріарха царь ходитъ по своимъ церквамъ и молебствуетъ.

Когда настанетъ время обѣда, царь съ царицей

ѣдятъ въ той же палатѣ, гдѣ чинъ начался; они садятся за своимъ столомъ, а чиновные люди и боярыни на прежнихъ своихъ мѣстахъ. Этотъ столъ назывался „княжимъ". Послѣ обѣда ставятъ на столъ всякіе овощи, сахары, ягоды и иныя диковинки, и въ то время царь и царица и всѣ чины стоятъ; отецъ и мать посаженые и царевнины, сидячіе бояре и боярыни и тысяцкій начнутъ благословлять царя и царицу окладными образами, а потомъ царя и царицу всѣ дарятъ бархатами, атласами, камками, соболями, перстенями золотыми, серебряными кубками и прочіе.

Также и на третій день у царя бываетъ столъ отъ новобрачной царицы и называется онъ „княгининымъ". Послѣ стола за овощами царя и царицу начнутъ благословлять образами царицынъ отецъ и мать и ея родичи, сидячіе бояре и боярыни, и подносятъ также дары.

Когда бываетъ это веселіе, то на царскомъ дворѣ и по сѣнямъ играютъ въ трубы и бьютъ въ литавры; по ночамъ на дворахъ зажигаютъ для свѣта дрова.

На четвертый день у царя бываетъ на обѣдѣ патріархъ, митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты и игумены. Послѣ обѣда патріархъ и власти благословляютъ царя и царицу образами, потомъ подносятъ имъ подарки, какъ и бояре. Образа и дары у патріарха и большихъ властей царь и царица принимаютъ сами, а у другихъ властей велятъ принимать боярамъ. Потомъ царь и царица подносятъ имъ кубки и ковши съ виномъ, и власти, выпивъ за ихъ государское здоровье, разъѣзжаются по домамъ. Потомъ патріарху и властямъ посылается отъ царя и царицы милостыня деньгами и различные подарки.

Такимъ же образомъ въ другіе дни бываютъ столы для стольниковъ, дворянъ московскихъ, гостей, сотенныхъ старостъ и для городовыхъ выборныхъ посадскихъ людей. Они также приносятъ дары царю

и царицѣ, и тѣ дары принимаетъ самъ царь, а царицы въ то время не бываетъ.

Поповъ, дьяконовъ и служебниковъ соборныхъ и другихъ церквей кормятъ на царскомъ дворѣ не одинъ день; инымъ кушанья и питье посылаютъ на домъ. Даютъ имъ также деньги, чтобы они за ихъ государское здоровье молили Бога, по 10, по 5 руб., и меньше, до полтины, смотря по церквамъ. Въ городахъ также велятъ раздавать молебныя деньги, вполовину противъ московскихъ церквей. По монастырямъ изъ Москвы посылаются стольники, стряпчіе, жильцы съ милостынею и съ молебнымъ деньгами, и кормить чернецовъ; даютъ по 5, по 3, по рублю, по полтинѣ и меньше каждому, смотря по человѣку, да по полотенцу и по два платка; а они тѣхъ людей благословляютъ образами и дарятъ изъ монастырской казны, чѣмъ случится.

Послѣ празднествъ царь съ царицею ходитъ по московскимъ монастырямъ и молебствуетъ, причемъ кормитъ чернецовъ и даетъ имъ милостыню: архимандритамъ, игуменамъ и келарямъ по 20, 15 и 10 рублей человѣку, соборнымъ отъ 5 до рубля, да по полотенцу и по два платка. Монастырскія власти съ братіею благословляютъ царя и царицу окладными образами и подносятъ хлѣбы. Потомъ царь и царица ходятъ по богадѣльнямъ и тюрьмамъ и раздаютъ милостыню заключеннымъ, убогимъ и нищимъ, по рублю и по полтинѣ на человѣка. Такихъ денегъ расходится множество тысячъ. Многихъ преступниковъ освобождаютъ на волю, кромѣ великихъ убійцъ.

Отца царицы, а своего тестя, и родъ его царь жалуетъ и возводитъ его съ низкой степени на высокую, награждаетъ своею царскою казной, а иныхъ разсылаетъ въ города на воеводство и въ Москвѣ по приказамъ, даетъ помѣстья и вотчины; они тѣми помѣстьями и вотчинами, воеводствами и приказнымъ сидѣньемъ богатѣютъ.

Когда настанетъ время родиться царевичу, царица бываетъ въ мыльнѣ, а съ ней бабка и нѣсколько женщинъ. Когда родится ребенокъ, даютъ знать царю и посылаютъ за духовникомъ, чтобы далъ родильницѣ, младенцу, бабкѣ и всѣмъ присутствовавшимъ женщинамъ молитву и нарекъ новорожденному младенцу имя. Послѣ молитвы въ мыльню входитъ царь смотрѣть новорожденнаго, а до молитвы въ мыльню никто не входитъ и не выходитъ изъ нея. Новорожденному дается имя того святого, память котораго будетъ праздноваться на восьмой день отъ рожденія младенца.

Царь посылаетъ къ патріарху съ вѣстью, что Богъ даровалъ ему царевича; патріархъ тотчасъ идетъ въ соборъ, сюда приходитъ и царь и совершается молебствіе. По всѣмъ церквамъ и монастырямъ также посылаютъ молебствовать, раздаютъ милостыню нищимъ и убогимъ. Потомъ царь ходитъ по монастырямъ, кормитъ чернецовъ и даетъ милостыню; также и въ тюрьмы и богадѣльни посылаютъ милостыню большую и освобождаютъ виновныхъ изъ тюремъ, кромѣ великихъ преступниковъ.

Въ тотъ день, какъ родится царевичъ, у царя для патріарха, властей и для бояръ бываетъ родильный столъ, потомъ для поповъ и дьяконовъ, а стрѣльцовъ и иныхъ чиновъ людей жалуетъ царь—велитъ поитъ ихъ на погребѣ. По городамъ, къ митрополитамъ, архіепископамъ, епископамъ, воеводамъ и по монастырямъ посылаютъ стольниковъ, стряпчихъ и жильцовъ съ царскими грамотами, чтобъ они молили Бога о государскомъ здоровьѣ и о новорожденномъ царевичѣ. Посланные, исполнивъ свою обязанность и отдавъ грамоты, послѣ моленія обѣдаютъ у властей, у воеводъ и въ монастыряхъ. Послѣ обѣда власти благословляютъ ихъ образами и дарятъ; дарятъ также и воеводы. Даровъ тѣхъ отъ властей, воеводъ и монастырей бываетъ не мало. Когда пріѣдутъ они

въ Москву, ихъ спрашиваютъ, кто чѣмъ дарилъ, и если кто подарилъ скудно, а мѣсто или человѣкъ тотъ богатые, на тѣхъ царь сильно гнѣвается, потому что они будто не рады рожденію царевича.

Послѣ того бываютъ у царя крестины, въ который день случится, смотря по здоровью младенца. Креститъ новорожденнаго патріархъ; воспріемникомъ бываетъ Троицко-Сергіева монастыря келарь старецъ, а кумой—царевна сестра или другая родственница царя и царицы. Послѣ крещенія для патріарха, властей, бояръ и иныхъ чиновъ бываетъ столъ; послѣ обѣда власти благословляютъ царевича образами, потомъ власти, бояре и иные чины подносятъ царевичу дары. У патріарха, у большихъ властей и у бояръ образа и дары принимаетъ самъ царь, а у меньшихъ властей и меньшихъ чиновъ людей велитъ принимать ближнимъ людямъ. Затѣмъ, выпивъ заздравныя чаши, разъѣзжаются по домамъ. Столы попамъ и дьяконамъ, а стрѣльцамъ и всякихъ чиновъ людямъ питье бываетъ такое же, какъ и при рожденіи. Стрѣльцамъ и инымъ чинамъ питье дается не по мѣрѣ: среди царскаго двора имъ ставятъ вина ведеръ по 100 и по 200, въ кадкахъ, да пива и меду противъ того вшестеро и всемеро; если кто и не изъ стрѣльцовъ хочетъ пить, тому вольно; но со двора къ себѣ домой носить не даютъ никому.

При рожденіи царевны бываетъ все тоже, только денегъ раздается меньше.

Для кормленія царевича или царевны выбираютъ изъ женщинъ всякихъ чиновъ „жену добрую, и чистую, и млекомъ сладостну, и здорову“, и живетъ та жена у царицы на Верху въ теченіе года. Когда годъ пройдетъ. то государь жалуетъ мужа той кормилицы, если онъ дворянинъ, въ городъ на воеводство или даетъ ему вотчину; если кормилица жена подъячаго или иного служилаго чину, то „прибавятъ чести“ и даютъ не мало жалованья; а посадскаго чело-

вѣка, кромѣ жалованья, освобождаютъ отъ всѣхъ податей до самой смерти. Кромѣ кормилицы у царевича или царевны бываютъ приставлены для досмотру мамка, боярыня честная, вдова старая, да нянька и другія прислужницы.

Когда царевичу исполнится пять лѣтъ, къ нему приставляютъ для береженія и наученія боярина, честью великаго, тихаго и разумнаго, а ему придадутъ въ товарищи окольничаго или думнаго человѣка, а изъ боярскихъ дѣтей выбираютъ въ слуги и стольники такихъ же молодыхъ, что и царевичъ. Когда настанетъ время учить царевича грамотѣ, то въ учители выбираютъ учительныхъ людей, тихихъ и не бражниковъ; для обученія письму выбираютъ изъ посольскихъ подъячихъ. Кромѣ русскаго, другимъ языкамъ: латинскому, греческому, нѣмецкому, царевичей не обучаютъ.

Царевичи и царевны имѣютъ каждый свои хоромы и особыхъ людей, кому ихъ оберегать. До 15 лѣтъ, а иногда и больше, царевича, по обычаю, никто не можетъ видѣть, кромѣ тѣхъ людей, которые къ нему приставлены, и кромѣ бояръ и ближнихъ людей. Когда ему исполнится 15 лѣтъ, его покажутъ всѣмъ людямъ, когда онъ ходитъ со своимъ отцомъ въ церковь и на потѣхи; тогда изо многихъ городовъ въ Москву пріѣзжаютъ нарочно люди посмотрѣть его. Если случится царевичамъ въ молодыхъ лѣтахъ и царевнамъ, большимъ и меньшимъ, идти въ церковь, то около нихъ, со всѣхъ сторонъ, несутъ суконныя покрывала, чтобы ихъ не видѣли люди. Также и въ церкви они бываютъ завѣшены тафтой и никто, кромѣ церковниковъ, ихъ не видитъ; да и въ церкви въ то время, кромѣ бояръ и ближнихъ людей, мало иные люди бываютъ. Когда же ѣздятъ молиться по монастырямъ, то каптаны и колымаги ихъ бываютъ закрыты также тафтами. Для царицы и царевенъ для зимней ѣзды, каптаны дѣлаются на саняхъ из

бушками, обиваются бархатомъ или краснымъ сукномъ; по обѣ стороны каптаны устраиваются двери съ мѣдяными затворами и тафтяными завѣсами. Для лѣтней ѣзды дѣлаются колымаги, на подобіе рыдвана, покрытые сукномъ; входятъ въ нихъ по лѣстницамъ и сдѣланы бываютъ просто на колесахъ, какъ и простая телѣга, а не какъ кареты, висящія на ремняхъ. Колымаги и каптаны бываютъ о двухъ оглобляхъ, дышла не бываетъ, и лошадей въ нихъ впрягаютъ по одной, а потомъ прибавляютъ и другихъ лошадей въ припряжь.

Когда празднуется день рожденія царя, царицы, царевичей и царевенъ, то у царя для патріарха, властей, бояръ и думныхъ людей бываютъ столы. Послѣ обѣда патріархъ, моля Бога, говоритъ заздравную рѣчь и пьетъ чашу напередъ самъ, потомъ подаетъ ее царю, митрополитамъ и боярамъ. Выпивъ за здоровье царя, царицы, царевичей и царевенъ, всѣ разъѣзжаются по домамъ.

До стола царь отъ себя и отъ царицы, отъ царевичей и отъ царевенъ, чей бываетъ день рожденія, раздаетъ имянинные калачи властямъ, боярамъ, думнымъ и ближнимъ людямъ, а также стольникамъ, дьякамъ, полковникамъ и гостямъ. Калачи тѣ бываютъ долгіе, аршина въ два и въ три, толщиною въ четверть аршина. Попамъ, дьяконамъ и стрѣльцамъ дается кормъ и питье, въ тюрьмы и богадѣльни посылается милостыня, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ.

Въ тѣ дни, когда празднуются государскіе имянины, на войнѣ—большіе воеводы, въ городахъ—митрополиты и въ монастыряхъ—власти устраиваютъ столы для воинскихъ и иныхъ людей, для поповъ и чернецовъ; послѣ обѣда пьютъ заздравныя чаши. Въ Москвѣ и въ другихъ городахъ въ тѣ дни никто ничего не работаетъ, въ лавкахъ не сидятъ, свадебъ не играютъ и мертвыхъ не погребаютъ.

Когда случится царю отъ сего свѣта переселиться

въ иной покой, тогда пошлютъ извѣстить объ этомъ патріарха и бояръ. Патріархъ посылаетъ звонить въ своей церкви въ одинъ колоколъ, изрѣдка, чтобъ всѣ люди вѣдали; потомъ патріархъ идетъ въ церковь и отпѣваетъ по мертвомъ великій канонъ. Бояре, думные и ближніе люди одѣваются въ черное платье, ѣдутъ на царскій дворъ и прощаются у царскаго тѣла. Въ тотъ же день царя обмываютъ теплою водой, возлагаютъ на него все царское одѣяніе и кладутъ во гробъ; туда же кладутъ и корону. Гробъ бываетъ деревянный, обитый внутри вишневымъ бархатомъ, а сверху—червчатымъ.

Царское тѣло стоитъ въ дворцовой церкви до тѣхъ поръ, пока произойдетъ погребеніе. До шести недѣль у гроба его церковные дьяки денно и нощно читаютъ псалтырь съ молитвами. А въ Москвѣ и въ городахъ, по всѣмъ монастырямъ и церквамъ, прикажутъ чинить по царѣ до шести недѣль поминаніе и поставлять кутью во всѣ дни, кромѣ воскресенья и большихъ праздниковъ. Въ Москвѣ въ монастыри и по церквамъ посылаютъ на поминовеніе деньги изъ царской казны, а въ городахъ деньги даютъ изъ городскихъ доходовъ, въ половину противъ московскихъ.

Въ города къ митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ и въ монастыри къ архимандритамъ и игуменамъ посылаетъ патріархъ грамоты и велитъ всѣмъ имъ быть для царскаго погребенія. А въ Москвѣ, на третій день, бываетъ у царицы или у царевичей для патріарха, властей, бояръ и поповъ по царѣ поминальный столъ; отпѣваютъ панихиду на кутьей, которая бываетъ сдѣлана изъ варенаго пшена съ сытой, съ сахаромъ и съ ягодами, а въ монастыряхъ и по церквамъ бываетъ кутья изъ вареной пшеницы съ сытой. Такой же поминальный столъ бываетъ, когда минетъ три недѣли.

Когда въ Москву съѣдутся всѣ власти изъ горо-

довъ, то, избравъ день, въ который быть погребенію, патріархъ и власти, попы и дьяконы соберутся на царскій дворъ и одѣнутся въ церковное одѣяніе. Царица, царевичи и царевны, бояре и ближніе люди: боярыны и многія жены обрядятся въ черное платье. Взявъ гробъ, пойдутъ съ царскаго двора по чину, впереди идутъ дьяконы, попы, пѣвчіе дьяки, и поютъ каноны, а позади нихъ попы несутъ царское тѣло; за нимъ идутъ патріархъ и власти, царевичи и бояре; потомъ царица, царевны и боярыни и многое множество народа, мужчинъ и женщинъ, съ рыданіями и плачемъ.

Когда придутъ къ церкви Михаила Архангела, гдѣ погребаются цари, попы и дьяконы остаются у церкви, а власти, царица, царевичи и царевны, бояре и иные чины входятъ въ церковь. Царское тѣло ставятъ среди церкви, близь алтаря, а въ алтарь не вносятъ. Затѣмъ надъ нимъ начнутъ погребальное пѣніе, а отпѣвъ, погребутъ царское тѣло въ землю и покроютъ каменною доской. Потомъ патріархъ начнетъ надъ кутьей говорить молитву и кадить ладономъ; сотворивъ молитву, начнетъ ѣсть кутью ложкою, трижды; потомъ подносятъ ее царицѣ, царевичамъ и царевнамъ, большимъ властямъ, боярамъ и всякаго чину людямъ. По окончаніи погребенія каждый пойдетъ во свояси, а приглашенія не бываетъ.

При погребеніи всѣмъ раздаютъ восковыя свѣчи, витыя и простыя; всего свѣчей выйдетъ въ то время больше 10 берковцевъ. Властямъ, попамъ и дьяконамъ изъ царской казны выдаются деньги за погребеніе: патріарху 100 рублей, митрополитамъ по 80, архіепископамъ и епископамъ—по 70 и по 60, архимандритамъ, игуменамъ и самымъ большимъ попамъ по 50, по 40 и по 30 рублей, а другимъ попамъ и дьяконамъ рублей по 20, 15, 10, 5 и меньше, смотря по человѣку. Въ тоже время во всѣхъ приказахъ приготовляютъ множество денегъ, завертываютъ въ бу-

магу по рублю, по полтинѣ и по полуполтинѣ; подъячіе раздаютъ эти деньги на площади нищимъ и убогимъ, поручно. Также и по монастырямъ, старцамъ и черницамъ, и въ богадѣльныхъ раздаютъ всякому человѣку рублей по 5, по 2 и по одному, смотря по человѣку. И во всѣхъ городахъ чернецамъ, попамъ и нищимъ даютъ погребальныя деньги и милостыню, противъ московскаго въ половину и въ третью часть.

Въ Москвѣ и въ городахъ всякихъ воровъ, по случаю царской кончины, освобождаютъ изъ тюремъ безъ наказанія. Горе тогда людямъ, присутствующимъ при погребеніи, потому что погребеніе бываетъ ночью, а народу бываетъ многое множество, московскихъ и пріѣзжихъ изъ городовъ и уѣздовъ. У московскихъ же людей натура не богобоязливая: они съ мужчинъ и женщинъ грабятъ по улицамъ платье и убиваютъ до смерти. Въ тотъ день, когда бываетъ погребеніе царя, мертвыхъ людей, убитыхъ и зарѣзанныхъ, бываетъ больше ста человѣкъ.

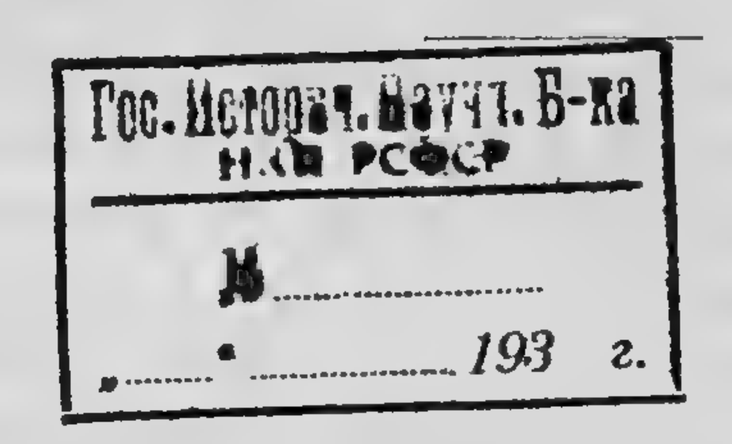
Когда минетъ по смерти царской 40 дней, справляются „сорочины“: власти, царица и царевичи и бояре бываютъ въ церкви Михаила Архангела у обѣдни и отпѣваютъ по царѣ панихиду. Потомъ для властей, бояръ и поповъ въ царскомъ дворцѣ бываетъ столъ, а въ монастыряхъ чернецовъ кормятъ ближніе люди и даютъ милостыню въ половину того, что дается при погребеніи. Всего денегъ на погребеніе изойдетъ, въ Москвѣ и въ городахъ, столько, сколько придетъ въ казну съ государства въ годъ.

Когда преставится царица, то чинъ погребенія бываетъ тотъ же, что и царскій; только власти съѣзжаются не всѣ, потому что многіе живутъ очень далеко, да денегъ расходуется на половину противъ царскаго погребенія. При погребеніи царевича расходуется денегъ почти столько же, сколько и при погребеніи царицы; а при погребеніи царевны—въ четвертую долю противъ царскаго погребенія. Цари

и царевичи погребаются въ церкви Михаила Архангела, а царицы и царевны въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ живутъ черницы.

Царь по царицѣ своей, по царевичахъ и по царевнахъ, царица, царевичи и царевны по царѣ и одинъ по другому, какъ царевичи по царевнамъ, такъ и царевны по царевичамъ, ходятъ въ печальномъ платьѣ шесть недѣль, а больше того не бываетъ. Также бояре, думные и ближнie люди и ихъ жены, и всякаго чину служилые люди, кромѣ мелкихъ людей, ходятъ въ печали (т. е. трауръ) по государяхъ своихъ и по своихъ родственникахъ шесть недѣль. По царяхъ и царицахъ, царевичахъ и царевнахъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ по монастырямъ и церквамъ во всѣ годы по субботнимъ днямъ бываетъ вѣчное поминовенie.

КОНЕЦЪ.

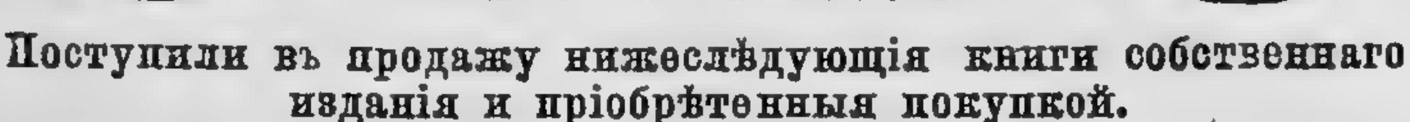

ВЪ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ

Т. Ѳ. КУЗИНА.

Внутри двора графа Апраксина № 119

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Поступили въ продажу нижеслѣдующія книги собственнаго изданія и пріобрѣтенныя покупкой.

Познякъ Д. М. Собраніе сочиненій въ III томахъ. Томъ I. Въ бреду.—Подъ облаками.—Въ чужой средѣ.—Леночка. Томъ II. Сквозь огонь страсти. Ром.—Жемчугъ королевы. Разсказъ. Томъ III. Дорогой цѣной. Спб., 1890 г. Цѣна за три тома 6 р. Отдѣльно каждый т. 2 р.

Тютчевъ О. Ѳ. Сочиненія заключающія въ себѣ стихотворенія, исторіи, историческія повѣсти, разсказы изъ военнаго быта. Спб., 1889 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Вальтеръ-Скоттъ. Айвенго. Ром. Переводъ В. Д. Владимірова, Спб., 1890 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Его-же. Морской разбойникъ. Ром. Переводъ В. Д. Владимірова, Спб., 1890 г. Цѣна 2 руб.

Жаколіо. Л. Въ трущобахъ Индіи. Романъ въ 5 частяхъ, съ 40 рисунками Кастели, на веленевой бумагѣ, 1890 г. Цѣна 3 р.

Хрущовъ-Сокольниковъ. Г. А. Грюнвальдскій бой. Историческій романъ—хроника, въ II частяхъ. пб. 1890 г. Цѣна 2 руб.

Его-же. Гордіевъ узелъ, романъ изъ уголовной хроники. 1890 г. Цѣна 1 р.

Его-же. Москва безъ маски. 1890 г. Цѣна 1 р.

Его-же. Провинція 1890 г. Цѣна 1 р.

Крашевскій I. М. Изъ Семилѣтней Войны, историческій романъ въ двухъ частяхъ, пер. Домбровскаго. Спб. 1890 г. Цѣна 2 р.

Габоріо. Адская жизнь, романъ Спб. 1890 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Сенкевичъ. Г. Потопъ Историческій романъ въ шести частяхъ. Полный переводъ (1200 страницъ) съ польскаго Ф. Домбровскаго. Спб. 1890 г. 2 т. Цѣна 3 р.

Эберсъ Г. Іисусъ Навинъ (Josua), повѣствованіе изъ временъ библейскихъ. Переводъ съ нѣмецкаго В. Д. Вольфсонъ (Владимірова). Спб. 1890 г. Цѣна 1 р.

Шмидтъ, Христофоръ. Евстафій-Плакида (Eustahius). Повѣствованіе изъ временъ до христіанскихъ. Пер. съ нѣмецкаго Спб. Цѣна 30 к.

Жизнь и приключенія Робинзона Крузо, по Даніэлю де-Фоэ. Изданіе для дѣтей съ 8 хромолитографическими картинами. Спб. 1891 г. Цѣна 1 руб. въ папкѣ.

Двѣнадцатилѣтній Робинзонъ. Повѣствованія для юношества Переводъ съ франц. съ 7 карт. Спб. 1891 г. Цѣна 75 к. въ папкѣ.

Кромѣ помѣщенныхъ книгъ продаются:

Псалтири, святцы и часословы **церковной печати.** Священныя исторіи, молитвенники и житія святыхъ. Карманные календари и азбуки въ разныхъ видахъ, повѣсти, разсказы, анекдоты и сказки.

Имѣется большой выборъ **хромолитографическихъ картинъ.**

Каталогъ высылается безплатно.

Дозволено цензурою. Спб. 8 Ноября 1891 г.

Новгородъ. Типографія А. С. Федорова (Легощая ул., собств. домъ).

Дозв. ценз. Спб., 26 марта 1893 г. Тип. Трунова. Калашн. пр., № 13.

